

ЯСМИН МАР

ОН ОПАСЕН
Друг меня

Я знаю, что он опасен для меня.

Мне нельзя на него смотреть, иначе я утону в его глазах. Запрещено его трогать, потому что так я прощу ему свои слезы.

Но однажды мы нарушим все правила. Только что из этого выйдет?

Он сломает меня, или сначала я сделаю это с ним?

Когда папа сообщил, что у меня есть брат, и он теперь будет жить с нами, я обрадовалась. Только мне и в голову не могло прийти, что с Марком мы не поладим.

Что между нами будут лишь боль и слезы.

Что я для него стану пустым местом. Никем.

Но когда все друзья отвернутся от меня, он останется со мной и протянет руку.

Он опасен для меня
Ясмин Мар

Глава 1

Прошлое

Папа всю жизнь твердил мне, что семья — моя защита, опора и мое все. Только семья меня поддержит, когда другие отвернутся, примет любой и не отвернется, протянет руку, в какой бы я бездне не оказалась. Семья — вот что важно.

И в один день, когда отец сказал, что у меня есть старший брат, и он скоро будет жить с нами, я обрадовалась. Точнее, я была в растерянности, но молча приняла это. В нашей семье будет уже три человека и одна кошка. Разве не хорошо? Конечно! Больше любви и поддержки, а дом у нас большой. К тому же... теперь я не буду оставаться так часто одна.

Но как же я ошибалась! Ничего хорошего в наличие брата не оказалось. Только слезы и ненависть.

Тощий парень со сбитыми костяшками и взлохмаченными русыми волосами появился у нас спустя еще неделю после разговора с отцом. Его внешность сразу привела меня в восторг. Разве возможно, чтобы человек был настолько... идеальным? Я ходила в художку и не понаслышке знала о пропорциях и золотом сечении. Наверное, его мама такая же красивая. Может, красивее. Хотела бы я ее увидеть и нарисовать.

— Знакомься, Марк, твоя сестричка Полина, — папа старался выглядеть невозмутимым и веселым, но я сразу заметила, что его что-то беспокоит. Как потом поняла: у новообращенного сына весьма скверный характер, и он успел наговорить отцу не самых приятных вещей. — Лина, а это Марк.

— Привет, — я дружелюбно улыбнулась и протянула ладонь.

Но и так хмурый Марк, насупился еще сильнее, кривя свое правильное и красивое лицо, и руку не пожал. Он не то что не ответил на рукопожатие, он даже "привет" не сказал. Смотрел насмешливо и зло на меня своими зелеными глазами с золотистыми искрами вокруг зрачка и... все. Под его взглядом становилось неуютно, хотелось укрыться пледом или же убежать, чтобы его не чувствовать.

Чуть позже до меня дойдет, что у него не так с глазами. Нет, безусловно они красивые, но слишком "взрослые" для четырнадцатилетнего мальчика. Марк будто видел мир иначе. Видел всю боль, отчаяние и страх, но не любовь, семью и поддержку, как я. Впоследствии я его всегда жалела, а он меня ненавидел. Считал слабачкой, неженкой и больно бил, обнажив мои слабые места.

— Раз вы познакомились, — нарушил папа напряженную тишину, — то, Поля, покажи Марку его комнату. Марк, а ты есть не хочешь? Можем заказать пиццу, например, или...

— Не хочу, — выплюнул он.

Папа сжал зубы, но позволил показать истинные чувства лишь на пару секунд, а затем снова благодушно улыбнулся и попросил меня сопроводить брата.

Я очень старалась понравиться Марку, пыталась увлечь разговором, но тот меня просто проигнорировал. Шел рядом, но такое чувство, что был непостижимо далеко. Бросив на него растерянный взгляд, замолчала. Возможно, ему надо успокоиться, немного освоится и...

Но едва мы дошли до нужной двери, парень холодно на меня посмотрел и произнес со злой ухмылкой:

— Ты меня бесишь. Не играй в милую сестричку, мы ведь оба понимаем, что вся твоя любезность — ложь.

Кровь прилила к щекам. Что?..

— С чего ты взял? — удивленного спросила я, не понимая, почему он испытывает ко мне такую неприязнь. — Я действительно тебе рада.

— Все четырнадцать лет была не рада, а теперь вдруг безумно захотелось брата? — на этот раз насмешка, но какая-то горькая. — Не смейся меня.

— Я о тебе узнала неделю как, — насупилась я. — И мне только двенадцать.

Марк отвернулся, не желая продолжать беседу, и взялся за ручку двери:

— Да мне плевать. Отвали от меня.

Я до боли сжала кулаки, но ответила как можно более спокойно и добродушно:

— Если будет нужна помощь — я в соседней комнате.

Думала устыдить его, но братец лишь расплылся еще сильнее и, показав средний палец, он почти скрылся в подготовленной ему комнате. Я редко злилась и еще реже меня выводили из себя, однако тогда я не выдержала и бросила ему в спину:

— Мама меня учила, что нельзя отвечать на грубость грубостью. А если твоим воспитанием не занимались, то это твои проблемы.

Я первая убежала к себе, совсем не понимая, что натворила. Тогда я не знала, что каждое мое слово для него было похуже яда. Словно удар в кровоточащие раны. Словно концентрированная порция боли.

На следующий день я уже забыла о нашей стычке, потому что не привыкла носить в себе негатив, а вот Марк помнил. Он вообще ничего не забывал, особенно плохое — чтобы ударить в ответ.

Утром он не спустился завтракать, проигнорировав приглашение и от меня, и от папы.

— Поля, — отец, доев свою порцию блинчиков, отодвинул от тебя тарелку. Вилка, лежащая на ней, протяжно звякнула, ударившись о фторфор.

— Да, па? — я оторвалась от книжки. У нас с папой была традиция читать по утрам. Конечно, каждый свою историю, но после прочтения мы всегда обсуждали и делились мнением о произведении.

— Я хочу поговорить о твоём брате, — он будто специально сделал акцент на последнем слова. — Понимаешь, Марк... очень сложная личность.

Запомнив страницу, на которой закончила читать, захлопнула томик и устроилась поудобнее, готовая слушать. Меня очень интересовал Марк. Почему он такой злой? И грубит все время?

— У него умерла мать, — после короткой паузы продолжил папа. Он говорил медленно, явно подбирая слова. Выглядел при этом озадаченным, хмурым... и виноватым? — Мы теперь одна семья и должны держаться друг за друга. Так что помоги ему... освоиться и немного прийти в себя.

Его мама умерла?..

Эта фраза просто вывела меня из равновесия. Вот и ответ. Я, как тоже пережившая потерю, его понимаю. И жалею, очень.

— А что случилось? Она... заболела? — в глазах защипало от нахлынувших вдруг воспоминаний.

Папа сжал ручку чашки и кивнул.

— А чем?

— Полина, это неважно, — поморщился мужчина. Ему точно не хотелось говорить о своей бывшей. — Главное вот что: подружись с братом. Мы семья, а семья...

— Самое главное, — закончила я, поднявшись, чтобы собрать тарелки. Сложила посуду в мойку, но замерла, так и не открыв воду.

"Все четырнадцать лет была не рада, а теперь вдруг безумно захотелось брата?" — в голове, как наяву, прозвучал насмешливый голос Марка.

— Пап, — позвала я тихо. — Скажи, а почему он только сейчас переехал к нам?

Папа долго молчал, я уже не надеялась на ответ, когда услышала:

— Я не знал, что у меня есть сын.

Он говорил вроде как простые вещи, но тоном, за которым скрывалось больше, чем он показывал. Целая бездна чувств, начиная от сожаления и заканчивая понимаем, что он столько всего упустил. Но тогда я не обращала внимания. В двенадцать лет редко кто ищет второе дно у людей. В двенадцать мир проще и легче... Так было донего.

С появлением Марка в нашем доме моя жизнь разделилась на "до" и "после". И я в этом удостоверилась вечером, когда тот отомстил в самый первый раз.

Уже больше месяца я работала над картиной, которую собиралась подарить отцу, и думала, что вот-вот на днях ее закончу. Но едва вошла в комнату, выделенную мне под мастерскую, ошарашенно ахнула.

— Что за?..

Медленно ступая, словно по битому стеклу, а не паркету, подошла к мольберту, до сих пор не веря своим глазам. Не может быть... Холст сначала намалевали непонятными символами, а затем просто покроемса! Обычный канцелярский нож валялся рядом с местом преступления — на столике с красками.

Пальцем коснулась разорванных разноцветных лоскутов, торчащих со всех сторон...

Зажмурилась до черных звездочек перед глазами, лишь бы сдержать слезы, вызванные безумной обидой, и резко развернулась. Есть лишь один человек, способный на это. Папа ни за что бы не устроил подобное, а Дуся, моя кошка, и подавно.

Я не стала закатывать скандал или угрожать тем, что расскажу все отцу. Нет, я задала лишь один вопрос:

— Почему?

Марк стоял, оперевшись на дверь своей комнаты и смотрел на меня снисходительно, немного насмешливо. Услышав мой вопрос, широко ухмыльнулся:

— Я так и знал, что тебе понравится мой подарок. Что там тебя учила говорить мамочка? — сделал вид, что думает, и затем прогнусавил: — Надо сказать "прости" и быть как можно более милой. Ха-ха-ха.

Поджала губы и, стараясь не расплакаться, произнесла:

— Я понимаю тебя, тоже потеряла маму, но...

Не успела договорить. Лицо брата словно окаменело, а зелёные глаза похолодели — от былой ухмылки не осталось и следа.

— Ты. Ничего. Не. Понимаешь, — прошипел. — Не смей пытаться меня жалеть. И отвали, я на доступном языке объяснил, что не желаю с тобой пересекаться.

Марк смерил меня ледяным взглядом, развернулся и захлопнул за собой дверь, оставив меня, растерянную и обиженную, стоять у порога.

Но не с этого момента началась его ненависть ко мне. Тогда брат меня еще "видел", я не была пустотой для него, потому он зло шутил и устраивал шалости. Ему явно нравилось манипулировать и выводить меня на злость, будто мои негативные эмоции — лучший десерт для него.

Наши отношения всегда походили на хроническую болезнь. С каждым днем они портились, становились хуже, а перед самой точкой перелома началась короткая ремиссия.

В пятнадцать Марк впервые напился. Его дружки притащили его до дома и бросили у крыльца. Я боялась, что они ему что-то так сломали, но нет, кроме царапин и синяков, ничего не обнаружила.

— Марик, миленький, потерпи! — я тащила его наверх одна. К счастью или несчастью сегодня у всех был выходной, и я не могла попросить помощи ни у садовника, ни у водителя с экономикой.

— Куда ты меня... неженка? Ответь, черт подери!

— В постельку. Куда еще-то? — ворчала я в ответ, пыхтя.

Отдыхая каждые пару метров, я все же дотащила Марка до его комнаты. Хуже всего оказалось на лестнице, где брат на несколько минут вырубился и я его едва не уронила, но справилась.

Ему было плохо: тошнило, знобило, поднялась температура. Мне стало так страшно, хотела вызвать скорую, но... Но понимала: отец тогда узнает, и Марку достанется. Папа и так держится из последних сил, а если узнает про эту выходку, то боюсь представить, что случится.

Мне пришлось прятать его от отца и сидеть у его постели всю ночь, не смыкая глаз. Я поила его водой, потратила на него весь активированный уголь из аптечки и безумно обрадовалась, когда его состояние хоть немного улучшилось. Спал он беспокойным сном: просыпался каждые полчаса, в полубреду звал маму, говорил, что любит ее или же наоборот, ругался матом. Убегал от кого-то во сне, плакал и просил остановиться.

— Мамочка, это ты? — хриплым от слез голосом говорил он, ловя мою ладонь и целуя сухими губами. — Мамочка...

Я смотрела на бледное красивое лицо и отчаянно думала, что же могло произойти с подростком, чтобы его... сломить. У Марка не было сил держать свою ледяную маску и плотную оборону из колючих фраз, и я видела его настоящего. Мальчика с кошмарами, со странным шрамом на ребре, который он даже в полубреду пытался скрыть от меня ладонью, и с кучей тараканов в голове.

В тот день я оставила его лишь раз, чтобы приготовить ужин и встретить папу. Конечно, он задал закономерный вопрос:

— Где Марк? Позови его, Поля.

Прикусив губу, замаялась и осторожно ответила:

— Он спит.

— В половину восьмого? — не поверил мужчина. — Даже если и спит, то разбуди его. Нам надо поговорить.

Естественно, не пошла будить, села рядом с отцом и мягко спросила:

— Что-то произошло?

— Меня пятый раз за последние две недели вызывают в школу, — устало ответил родитель. — Снова отвратительное поведение, несколько драк и хамское отношение к учителю. Разбуди его, я сказал.

Я вдохнула побольше воздуха и впервые раз солгала отцу:

— Марк сегодня заступился за меня. Я гуляла, ко мне подошел какой-то парень и требовал отдать телефон, а тут брат и... И вот. Марку тоже немного досталось, — вспомнила синяк на скуле. — Он сейчас отдыхает.

На него мои слова произвели впечатление. Марк и встал на мою защиту! Па всполошился, хотел чуть ли не врача вызвать, но я уговорила дать брату поспать и заверила, что все хорошо.

— Ладно, значит, отложим разговор, — заключил Довлатов-старший. — И я рад, что вы с ним нашли общий язык, Поля.

Нервно улыбнулась. Когда Марк спит, то мы действительно находим общий язык. Язык обоюдного молчания.

Впервые мы с братом находились настолько близко столь продолжительное время, при этом не поругавшись. Он, успокоившись, крепко заснул, а я просидела еще немного, глядя на него, но затем и мои глаза закрылись. Совсем не помню, как перебралась в постель Марка, но проснулась я рядом с ним и укрытая одеялом.

Если бы кто-то еще неделю назад сказал, что мы с ним будем спать на одной кровати, я бы ответила, что у шутника большое чувство юмора. Серьезно. А если бы кто-нибудь сообщил мне, что после этого случая между нами возникнет дружба, то я послала бы уже прямиком в Аркем*. Однако, как бы нереально это звучало, мы действительно внезапно сблизились. Медленно, по чуть-чуть, преодолели ту пропасть, что разделяла нас. Оказалось, что у нас с Марком немало общего: он любил читать и с ним всегда было интересно разговаривать, он фанател от тех же комиксов, что и я, интересовался астрономией, неплохо знал математику и начал изредка помогать мне с трудными задачами.

Марк стал моим другом. Возможно, даже кем-то больше, чем друг, потому что... Сложно объяснить, подобное только чувствуется. Когда сжимают твою руку, выражая поддержку, улыбаются — нежно, ласково, обнимают, будто пряча от всего мира, с интересом слушают, как прошел день, и дают советы.

А как-то он подошел ко мне после ужина и, походив вокруг да около и немного помявшись, спросил:

— Поля, а ты не можешь, пожалуйста... со мной поспать?

При этом он выглядел несколько смущенным, что для Марка совсем не типично. Да, он, конечно, поменял ко мне свое отношение, но сам абсолютно не изменился. Я его и не пыталась изменить, лишь просила быть более мягким и поменьше грубить.

— Мне иногда снятся... неприятные сны, — продолжил Марик. — А рядом с тобой мне всегда лучше.

"Рядом с тобой мне всегда лучше" — наверное, это самые милые и трогательные слова, что мне говорили.

— Могу, конечно, — я широко улыбнулась. — И мы будем сегодня смотреть...

— Никаких девичьих соплей! — предупредил меня брат.

Я закатила глаза:

— Я всего лишь раз захотела посмотреть подростковую драму, а ты уже перечислил меня к сентиментальным девам.

— Угу, — хмыкнул он. — Только забыла одну маленькую деталь: ты приобщаться к киношедевр пожелала со мной, и я терпел два часа концентрированную розовую чепуху.

— Да ну тебя, — отмахнулась я. — Ладно, сам тогда выберешь фильм.

— Я люблю выбирать, — ухмыльнулся Марик, явно задумав показать мне какой-нибудь ужастик.

— Только не... — начала я, уже понимая, что крупно попала.

— Поздно, Поля, поздно!

Потом мы не раз ложились вместе. Мое розовое одеяло уже привычно смотрелось на черном постельном белье Марика. Мне тоже с ним спалось спокойно и уютно, а его запах стал родным.

Я сидела на лавочке в кладовой школы и сквозь слезы смотрела на тетрадь с огромной двойкой. Моей первой двойкой.

Шлеп!

И большая капля упала на линованную поверхность, размазав красную пасту. Мгновенно стерла ее и отложила тетрадку, чтобы не портить еще сильнее.

Все плохо, все просто плохо...

Дверь скрипнула, заставив меня вздрогнуть, я резко повернулась, но выдохнула: это Марк.

— Эй, маленькая, ты чего сырость развела? — взгляд ярких зеленых глаз остановился на плохой оценке. — Из-за такой ерунды?

Я лишь всхлипнула.

Марик подошел ко мне, устроился рядом, обняв за плечи.

— Хочешь, мы вместе сегодня сделаем это задание, и ты завтра покажешь учителю? Обещаю, что он дар речи потеряет от твоего безупречного сочинения. Зуб даю... Хотя он мне самому нужен, потому дам зуб Алексея Михайловича, он учитель, ему и страдать.

— Ты невыносим, — фыркнула я.

— А ты плакса, — он осторожно повернул меня к себе и стер влагу с лица. — Вот так. А теперь улыбнись для меня. Давай, малышка.

И я улыбнулась ему. Для него я готова была на все, а улыбка — какая-то мелочь. За этот год он стал моим самым близким человеком.

— Умница, — похвалил брат, погладил мои щеки и приказал: — А теперь подвинься.

— Зачем? — удивилась, но послушно выполнила.

Марик улыбнулся мне и лег на лавку, устроив голову у меня на коленях. Блаженно прикрыл глаза и пробормотал:

— Как круто.

— А ты не офигел? — притворно возмутилась я, при этом запуская пальцы в его русые волосы.

— Офигел, — нагло ответил он. — И вообще, что за словечки, Поля? Это я так дурно на тебя влияю?

— Да иди ты!

— Увы, меня сдвинет сейчас разве что апокалипсис. И то не факт.

Мы некоторое время просидели в тишине, а затем я вспомнила недавно произошедшее событие:

— Марик, а ты мне не рассказал, куда ты ходил вчерашней ночью.

Его идеальное лицо скривилось.

— Давай не...

— Марк, я жду ответ. Куда ты ходил?

Парень взял в руку одну мою ладонь, погладил ее, немного сжал и, не отпуская, попросил:

— Пообещай, что не разочаруешься во мне. И что не будешь злиться.

Я нахмурилась. Что он натворил?!

— Марк...

На этот раз перебил меня брат:

— Пообещай.

Я не люблю давать клятв, если не уверена, что исполню их. Но произошедшее я точно должна узнать, чтобы в случае чего помочь Марику. Немного подумав, кивнула:

— Обещаю. А теперь рассказывай.

Он ласково погладил мои пальцы, немного сдвинул брови, отчего между ними залегли морщинки, выдохнул, словно не решаясь сказать правду.

— Вчера мы с компанией немного выпили, — неохотно начал брат.

После всего, что с ним произошло в первый раз, он снова взял в рот алкоголь?! Я зло на него посмотрела, но промолчала, ожидая продолжение.

— Поля, ты обещала не злиться, помнишь? — его руки снова погладили мои.

Нежно, мягко, с такой бережностью, будто не кожу, а драгоценный хрусталь, который может разбиться лишь от неправильного дыхания. Несмотря на некоторую неловкость, мне безумно... приятно.

С Марком вообще всегда приятно. Он словно луч яркого июльского солнца, который разбудил меня и вывел из анабиоза.

— Мы выпили и... Я дурак, признаюсь, раз поддался общей глупости. Парни поспорили, сможем ли мы залезть в закрытый киоск. Ну, знаешь, тот, который неподалеку от школы. И мы смогли... Замок хлипкий, один удар, и дверь слетела с петель.

Как же я терпеть не могу его дружков. Ненавижу! Они каждый раз толкают его на дно, пока я пытаюсь подать руку помощи и помогаю ему выплыть. Как же я ненавижу! Впервые испытываю столь негативные эмоции по отношению к незнакомым людям, но мне ни капли не стыдно. Будь они рядом, я бы и драться полезла.

— Вы что-то взяли? — я старалась оставаться спокойной.

— Денег в кассе почти не оказалось, но Серый остатки забрал, сволочь. И парни себе похавать взяли, а я... Я не вор, малышка.

— Марк, — мой голос звенел от негодования, — у тети Маши, она владелица ларька, маленькая дочка, которая все время болеет, а вы...

Я оттолкнула его со своих колен и поднялась. Но отойти далеко не смогла — он поймал меня за запястье и притянул к себе. Обнял, вытер выступившие на глаза злые слезы.

— Мне стыдно, честно, — прошептал он мне, пряча голову у меня на плече. — Я сегодня же пойду и все исправлю. Если надо, куплю новую дверь, верну то, что забрали ребята. Ну же, Поля... Вышло случайно.

— А деньги? Откуда ты возьмешь деньги? — спросила я. Его выходка выбила меня из колеи. Как он мог так поступить? Его приятели-мерзавцы очень даже могли, но Марик...

— "Любимый" папочка давал на карманные расходы, я еще подрабатывал по-тихому... Черт, Поля, деньги не проблема. Я заработаю и верну, только ты на меня не злись, хорошо?

Марк немного отстранился и приподнял мое лицо, чтобы взглядеться в мои глаза своей зеленой бездной. Меня всегда восхищали его глаза — светло-зеленые и с золотыми искрами вокруг зрачка.

— Поля, ну? Я был не прав, это ужасный поступок. Не злись и скажи что-нибудь. Можешь даже меня ударить, только перестань... разочаровываться во мне. Пожалуйста.

Он действительно был взволнован и боялся потерять то доверительное отношение между нами, что выстроились за относительно небольшой период.

— Нет, я не злюсь, просто сильно расстроилась, — заверила его, все так же хмурясь. — Но ничего, у меня тоже есть деньги. Сейчас сходим к тете Маше, объясним ситуацию и попросим прощения.

Марк несколько секунд растерянно на меня смотрел, а затем спросил:

— Мы?

— Ты и я, — широко улыбнулась я. — Я тебя ни за что не оставлю, Марик. Карина не говорила, как сложно от меня отделаться? Она вон третий год мучается со мной.

— Поля... — выдохнул он. — Ты...

— Самая крутая?

— Круче тебя уже не будет, — хмыкнул брат.

— Не заговаривай мне зубы, — решила добавить ложку дегтя. — Я тебя еще не простила.

— И что мне сделать для того, чтобы простила?

Я сделала вид, что задумалась, и предположила:

— Может, свернешь горы? Вон Уральские неправильно стоят. О, еще мне безумно нравится созвездие Северной короны, можешь достать мне ее с неба? Хотя... Просто будь собой и не совершай необдуманных поступков, Марик. Я знаю, что ты лучше всех на свете. Всех-всех, слово даю и...

И загнулась о его взгляд. Станный, пристальный. И я вдруг поняла, что Марк до сих пор держал меня. До этого его прикосновения почти не ощущались, я к ним привыкла, а сейчас... Словно моя кожа под его пальцами печет. Он настолько горячий? Или у меня лихорадка?

Я не успела ничего предпринять. Смотрела в его бесконечную зелень, пока Марик медленно склонялся ко мне...

То, что случилось дальше, сложно назвать поцелуем. Просто прикосновение губ, которое продлилось меньше двух секунд. Жар усилился, и я испуганно оттолкнула парня. Все мысли мгновенно смешались, словно несобранный пазл, части которого никак не хотели собираться в единую картинку — их слишком много, они все пестрые и с разными уголками для соединения. В голове столько ощущений и переживаний, что... Что я впервые не знала, как быть. Я попала в тупик, где единственный выход — пробить стену и убежать. Неправильный выход, но другой идеи нет.

И я, отчего-то прикрыв ладонью пылающие губы, убежала раньше, чем Марк успел мне что-то сказать. Он меня звал, но я не обращала внимания. Мне надо было подумать. Проанализировать. Принять. Что именно? Что Марк меня... почти поцеловал?

Что это вообще на него нашло?

И как теперь быть?

Еще я не понимала реакцию своего тела. Почему мне так жарко? Так удушающе жарко, будто стою под солнцем, а лучи касаются только тех участков кожи, где побывали пальцы Марка.

Сначала я хотела написать брату, что все в порядке, и предлагаю этот случай забыть, но не нашла свой телефон в рюкзаке. Оказалось, я его забыла в кабинете, а Карина нашла смартфон и отнесла охраннику. Забирала мобильный дрожащими руками и очень нетерпеливо — думала, Марик меня обыскался. Мы поговорим, и все снова будет хорошо. Я наверняка все не так поняла...

Но как же я удивилась, когда не смогла отправить ему сообщение.

“Вы не можете отправить сообщение этому пользователю, поскольку он ограничил круг лиц, которые могут присылать ему сообщения”.

Это ведь какая-то ошибка? Он не мог меня заблокировать...

Растерянная, раздосадованная и обиженная, я долго гуляла по полупустой школе и продолжила бы бездумно ходить с этажа на этаж, если бы не папа.

— Полина, где ты? — первым же делом спросил он недовольно. Судя по тону, он зол.

— Я еще в школе, па, — ответила я и осторожно задала вопрос: — Что-нибудь срочное?

— Неважно, — отмахнулся мужчина. — Лучше скажи, где Марк?

Мне стало нехорошо. Вдруг подумалось, что отец мог каким-то невероятным образом узнать о том, что... что чуть не произошло.

Нет, нет, нет.

Стыд накрыл с головой, отчего разгорелись пунцовым румянцем щеки.

— Я его не видела, — дрогнувшим голосом сообщила я.

— Вот паршивец, — прошипел папа. — Если встретитесь — пусть срочно идет домой.

Я пообещала, что так и сделаю, и, завершив вызов, направилась в сторону кладовой, по пути пытаясь дозвониться до брата.

Конечно, это было бестолку — он заблокировал меня везде.

Помещение, где хранили всякий ненужный инвентарь, было пустым, холодным и неудобным. Лишь на белой стене, еще два часа назад чистой, виднелись пара кровавых пятен. Точно от удара кулака...

Несколько секунд озадаченно смотрела на следы, а затем принялась искать свою тетрадь с двойкой, но не нашла.

— Марк, еще раз уточняю: это были ты и твои друзья? Ты в здравом уме ограбил магазин?

— Киоск, — тихо поправила я, но умолкла, едва отец строго на меня посмотрел.

Я перевела взгляд на брата. Тот стоял почти неподвижно и не уронил ни звука. Ему словно было все равно... Разве он может быть безразличен к своей судьбе? Папа же хочет его отослать в закрытую школу! И если сейчас сделать хоть что-нибудь, то, возможно, он передумает. Довлатов-старший отходчивый человек, надо просто найти смягчить его.

"Ну же, солги", — мысленно взмолилась я. Мне безумно хотелось подойти к Марику и взять за руку, поддержать. Он как только переступил порог, так отец и начал допрос. Откуда-то ему было известно о том, что творилось прошлой ночью, хотя я думала, что брат рассказал про это только мне.

— Марк, не вынуждай повторять уже трижды или повышать на тебя голос, — у папы уже сдавало терпение. Он хмурился, на лбу залегла жесткая складка, а голос обжигал холодом.

"Солги, Марик, миленький!", — повторяла я про себя, вслушиваясь в напряженную тишину и ожидая насмешливое "нет" и грубую шутку в стиле Марка.

Однако я получила иное. Прожигающий насквозь взгляд парня и бесцветное:

— Да.

— Что "да"?! — взревел отец. — Ты ограбил?

Я ведь знаю, что это не так, что он ничего не взял, но едва открываю рот, начинает говорить Марик.

— Я.

Мне в этот миг захотелось его стукнуть! Что за дурак? Зачем он так? Я ведь даже с тетей Машей договорилась о том, как отстранить от этой истории брата, а тут... Дурак, других слов нет.

— Ладно. А бутылки из-под виски? Тоже ты? — кажется, папа сам не желал рубить с плеча и ожидал хоть каких-то оправданий, чтобы не совершить то, о чем будет жалеть.

— Я. — Марик оставался невозмутимым. — И что?

Что он творит?! Злит родителя еще больше, вместо того, чтобы признать свою вину и рассказать правду.

— Вот паршивец! — прошипел вконец разъяренный папа. — Я тебе даю все, что в моих силах, чего тебе еще не хватает?! Что, твою мать, тебе не хватает, что ты начал выпивать в пятнадцать и воровать?! Может, ты еще и куришь?

— Может и курю, — безучастно отозвался брат. — А тебе не плевать? Как было плевать все четырнадцать лет до этого? Когда это ты успел стать любящим папашей, а?

О, Боже...

— Марик, замолчи! — взмолилась я. — Па, не слушай его, он просто с ума сошел, он говорит не то, что хочет. Ну па-а-ап, прошу тебя, давай он сначала успокоится? Он же все врёт, он не виноват...

— Поля, не вмешивайся! Иди в свою комнату! — впервые отец поднял на меня голос.

Я вздрогнула от неожиданности и сделала несколько шагов назад, беспомощно переводя взгляд с папы на Марка и обратно. Однако никуда не ушла. И не уйду. Я должна хоть как-то помочь.

Не смогла. Я ничего не смогла сделать, и из-за этого чувствовала себя отвратительно. После еще десяти минут тирады от родителя, который пытался до последнего достучаться до безучастного брата, он постановил:

— Мое терпение закончилось. Собирай свои вещи.

— Пап... — я со слезами на глазах посмотрела на него.

— Ни слова, Полина! Все уже решено.

А Марк обжег меня холодом своего взгляда, и в нем, среди арктического льда, я отыскала презрение... Ко мне. А затем он быстро поднялся по лестнице и скрылся в коридоре.

Я побежала следом, чтобы догнать и расспросить его, но от большой спешки я упала на ступеньке, разбив в кровь колени. Но даже боль меня не остановила, однако я все равно не успела. Марик запер дверь в свою комнату, и как бы я не стучала и просила открыть, он меня игнорировал.

— Марик, пожалуйста...

Он словно замуровал себя в непробиваемый кокон, сквозь который звук не доносился. И ни мои слезы, ни просьбы — абсолютно ничего он не слышал. А я просидела до позднего вечера у него порога, ожидая, что он выйдет, что мы снова помиримся, и все снова станет хорошо.

Не стало.

Ничего не стало хорошо.

Я много раз говорила отцу, что Марк не грабил киоск. Рассказывала ту версию, что он мне поведал, но, как бы сильно не старалась уговорить его изменить своё решение, он оставался непреклонным, да и Марик не сопротивлялся. Ему было всё равно, что его отправляют в исправительный центр для трудных подростков. Как позже выяснилось,

надолго.

Он уехал рано утром, даже не пожелав попрощаться со мной. До этого все дни перед отъездом брат не выходил почти из своей комнаты и не сказал мне ни слова. Я не понимала, что не так, и до последнего пыталась с ним помириться.

Первые три месяца жизни без Марка дались тяжело прежде всего мне. Папа тоже волновался, но он в это время с головой ушел в работу, правда, неизменно каждый вечер звонил в центр и узнавал, как у его сына прошел день. И все три месяца ему очень скудно отвечали, что ребёнок неохотно идёт на контакт. Я же не могла себе позволить избавиться от мыслей о нём. Мой день начинался с его имени и заканчивался им же.

Когда впервые было позволено посетить его... он просто не вышел. Это больно ударило, словно ладонью по лицу наотмашь. Понятно, что силой бы его никто не заставил, а значит, мы не смогли его увидеть.

Через месяц ситуация повторилась, но отец нашел точку давления. Оказывается, он выкупил квартиру его матери и поставил брату условие, что если он хочет её заполучить, ему придётся идти на компромисс. В противном случае она будет продана, и это сработало.

Но когда я встретилась с Марком, поняла, что он стал абсолютно чужим. Брат закрылся и не смотрел на меня, ведя беседу только с отцом, но и та казалась крайне напряженной. В последний момент папу позвала сотрудница центра, и мы с братом остались наедине. Не зная, что сказать, я ляпнула первое, что пришло в голову. Вопрос, который мучил каждый день просто сорвался с языка:

— Как ты?

Марик будто подобрался весь. Сунул руки в карманы толстовки и откинулся на спинку дивана. Он даже не взглянул в мою сторону. А я поняла, какая дура. Конечно, плохо! Четыре месяца вдали от дома, полностью оторванный от внешнего мира. Он вправе обижаться на нас с отцом, но... почему у меня такое чувство, что я одна виновата перед ним?

— Мари...

— Не смей больше называть меня так, — рыкнул он, порезав злым взглядом. — Ты для меня пустое место.

И я замолчала, закусив губу от боли, что вздулась в груди, как морской ёж, и царапала меня изнутри.

Но я не понимала, в чём моя вина. В том, что оттолкнула, когда поцеловал? Так ведь мы брат и сестра! Это... так не должно было случиться.

Как итог, ещё через несколько месяцев, я перестала ездить к нему. Не хотела наталкиваться на абсолютный игнор и те злые взгляды, что он бросал на меня при встрече. В центре он провёл два года. На выходные домой приезжал очень редко, но каждый раз умудрялся сбежать из дома. В один из таких дней у нас случилась первая за много месяцев стычка. Брат разбил одну из ценных вещей, что хранилась на кухне, на самой высокой полке. Мамина любимая чашка. Мы с отцом её не трогали, всегда бережно относились, и Марк был в курсе, как дорога нам эта вещь.

— Не будь придурком, Марк! Я же знаю, что ты не такой! — просила я, схватив его за рукав толстовки.

Он собирался уйти, прихватив с собой кухонный нож. Не ведала, зачем он ему понадобился, но мне стало очень страшно, что он натворит что-то ужасное.

Брат ухмыльнулся, протянул руку и просто стряхнул чашку на пол. Осколки брызнули в разные стороны, как драгоценный жемчуг. Потрясенно замерла, не в силах поверить

собственным глазам и не в состоянии вымолвить ни слова. Он же осознавал, как дорога нам эта вещь!

— Не лезь ко мне, неженка, — усмехнулся брат и выдернул из моих ослабевших пальцев рукав толстовки.

И словно ничего не произошло, он спокойно направился к себе. А я встала на колени у осколков и, давясь слезами, собирала каждый из них. Поранила кожу, но это казалось пустяком по сравнению с тем, что творилось у меня внутри. Марк своим поступком всадил тот самый кухонный нож мне в сердце и душу. Глубоко. А затем провернул лезвие, чтобы мне было как можно больнее.

— Полина? — удивился папа, едва вошел в кухонную зону. — Что случилось, милая?

— Марк разбил мамину чашку, — прошептала я, стирая соленые капли с щек, при этом явно оставляя кровавое пятно на коже.

— Он случайно. Вставай, Поля, я обработаю твои пальцы. Ничего страшного, — голос отца дрогнул — солгал, — это всего лишь вещь.

Я знала, что не случайно. Он хотел и сделал.

— Да, пап, Марк случайно...

Склеить чашку мне не удалось — слишком мелкими оказались отколотые части. Вообще, фарфор очень похож на отношения между людьми. Такой же хрупкий, тонкий... и такой же не вечный. Разобьешь и потом не соберешь. А если попытаешься, то ранишь себя, умножая шрамы.

Аркем* — вымышленная психиатрическая больница в городе Готем-Сити из комиксов вселенной DC Universe.

Настоящее

— Сегодня ты отвезешь Полю на занятия. У Влада выходной, — распорядился папа, потягивая из белоснежной чашки кофе.

Марк смерил его ледяным взглядом и ответил, откинувшись на спинку стула:

— Нет. Я не такси для капризных девочек.

Я сжала зубы и промолчала, продолжая дальше кромсать зелень для омлета.

— Марк, я тебя не спрашивал. Отвезешь и точка.

— Па, я могу сама доехать на автобусе, — пытаюсь скрыть раздражение и обиду, сказала я. — Не хочу напрягать брата попросту.

Довлатов-старший с отчетливо слышным стуком поставил чашку на стол и решительно произнес:

— Ты поедешь с Марком, и это не обсуждается. Вы — семья, а семья должна стоять друг за друга горой. Что будет в более тяжелой ситуации, если при подобной мелочи брат не хочет помочь сестре?

Марк нахмурился, сжав зубы. Ему явно хотелось встать и уйти, но он не мог: завтракаем и ужинаем мы все вместе. Это традиция, которую придерживаемся из-за папы, который свято верит, что мы крепкая семья. Но все не так.

Я всегда готовила на троих, хотя брат никогда не прикасался к своей порции. Почему? Потому что мои руки готовили. Кажется, будь его воля, он бы вообще не дышал одним воздухом со мной. Однако я продолжала сервировать на троих чисто из принципа. Сегодняшний день не был исключением. Я поставила перед Марком тарелку, мельком скользнув по нему взглядом... и замерла на миг, не в силах понять, почему рука дрогнула, а сердце прыгнуло к горлу от вида тёмно-фиолетовой отметины на его шее.

Марк, заметив заминку, поднял на меня свои холодные бесстрастные глаза, но я уже отвернулась. Что на меня нашло?

Сев за стол, принялась завтракать с привычным чувством досады отмечая, что и сегодня он к еде не прикоснулся.

— Марк, ты нужен мне сегодня в офисе, — нарушил молчание папа. — После университета будь добр заехать.

Брат не ответил, но мы все знали: он сделает то, что от него требуется, несмотря на откровенную неприязнь. Я не представляла, чего добивался папа. Мне было ясно, что этому невозможному парню нельзя доверять. Он сделал всё, чтобы заслужить самую ужасную репутацию в университет, а у меня вызвать непреодолимое желание его хотя бы придушить. Исключительно из родственных чувств.

Конечно, в итоге я ехала на учебу вместе с ним. Папа проследил, как я сажусь в новую спортивную машину брата и одобрительно качнул головой. Он все никак не сдавался — все пытался сблизить нас. Мне его было искренне жаль. Папа не виноват в том, что у него сын уродился с мерзким характером.

Весь путь до университета прошел в напряжении. Я сидела тише мыши, но все равно ощущала враждебность Марка. Его движения были короткими, остервенелыми, он сжимал руль и смотрел только на дорогу, явно считая секунды до конца поездки. Естественно, он остановил машину не у ВУЗа, а у какого-то кафе в пяти минутах пешком до него. Весь его

вид говорил: убирайся из моей тачки, мне ее еще после тебя как минимум стерилизовать.

Чувствуя, что вот-вот не выдержу, выскочила из его авто...

И столкнулась с одним из дружков брата. Рома, кажется, которого все называли не иначе как Бритый. Тот хмыкнул, помог поднять выроненный при столкновении конспект по математике.

— Спасибо, — буркнула, засовывая в сумочку тетрадь. Этого отморозка я помнила отчетливо — он подталкивал каждый раз Марика на дурасти. Помнила и терпеть не могла.

— А ты выросла, малявка, — присвистнул он, оглядев меня. — И стала очень даже ничего.

— Хотела бы я сделать ответный комплимент, но увы, — язвительно отозвалась я. — Всего тебе плохого.

— Да ты ещё и на язычок остра, — хмыкнул он, заступив мне дорогу. — А не боишься?..

Сердце бросилось в горло раньше, чем он договорил, но я задрала голову, чтобы выглядеть уверенно и с силой ткнув ему пальцем в грудь прошипела:

— Не смей так делать! Я не из тех девчонок, что стелятся перед вами, как бы вы их не унижали, могу и голову откусить!

Бритый на мой выпад широко ухмыльнулся и отошел, сунув руки в карманы мятых джинс.

— М-м-м, самок богомола мне в этом универе видеть ещё не доводилось, — сказал он, но в ушах слышался только хлопок захлопнувшейся дверцы машины. Мне отчего-то подумалось, что брат за меня вступится. — Но если ты откусишь мне голову после ночи любви, я подумаю над твоими словами.

Рядом встал Марк, не обращая внимания на нашу перепалку.

— А ты что, думать научился? — прошипела в ответ.

— Да я тебя... — двинулся на меня Рома, стремясь запугать, но Марк положил ладонь ему на плечо и вскинул бровь.

— Ты чего?

— Она мне угрожает, Чер! Она! Мне!

— Кто “она”? — вкрадчиво задал он вопрос, от которого у меня пропал дар речи. — Здесь нет никого, кто был бы достоин внимания. Пошли.

Бритый бросил на меня многообещающий взгляд, но, ведомый рукой Марка, всё же ушёл. А я смотрела в спину брата и понимала, что моё терпение уже на исходе. Я старалась соблюдать нейтралитет, но он намеренно выводит меня из себя. Унижает, опускает на дно.

Отвратительное чувство. Когда ты что-то мерзкое и неприятное для собственного брата. Настолько чуждое, что он предпочитает делать вид, что тебя попросту нет. Это продолжается изо дня в день, но я действительно больше не могу. С меня хватит!

Обернулась на витрину кафе и с нескрываемым удивлением обнаружила, что Марк и Бритый изучают меню... То есть каждое утро он отказывается от приготовленной мной еды, чтобы позавтракать в кафе. Тем лучше!

Глубоко вдохнув, я поправила сумку и зашагала в университет. Уже у аудитории меня встретила Карина, моя лучшая подруга еще со времен школы, которая обеспокоенно заглянула в мои глаза и нервно поинтересовалась:

— Что, опять?

Я промолчала. Говорить о том, что мой брат видит меня, как пустое место... В общем, лучше я буду обдумывать, как ему его же слова засунуть обратно в глотку, чтобы подавился и

надолго запомнил.

Первые две пары прошли на удивление хорошо. Оказывается, быть сухой в мыслях и продумывать план мести не так уж и плохо. Я бы сказала, очень поднимает настроение, отвлекая от гадкого ощущения, которое накрывает в остальное время. И всё, наверное, было бы хорошо, если бы не встреча с Марком в главном холле. Этот придурок, как обычно, находился в кругу своей отпетой на всю голову компании и зажимал девушку.

Мне почему-то вспомнился засос, замеченный на его шее утром, и сердце снова застучало как сумасшедшее. Даже кулаки против воли сжались. И почему меня это так бесит? Можно подумать, у него не может быть отношений, но вероятно, проблема вовсе не в этом. Проблема в том, что он не хочет видеть собственную сестру, хотя я достаточно сделала, чтобы сблизиться с ним. Вот только... Достало!

Чеканя шаг, я прошла мимо, не взглянув в его сторону, но точно зная: он не посмотрел на меня. Для нас в порядке вещей делать вид, что мы никто друг другу. Пустое место, о которое кто-то довольно часто вытирает ноги.

Хватит.

Последнюю пару я просто прогуляла. Поехала домой и принялась готовить ужин, молоть кофе, искать фильм на вечер, чтобы приятно провести время с отцом. Я не буду мстить Марку. Это просто последний шанс, дань нашей близкой дружбе, которая так трагично закончилась. Если нет... Если нет, то пусть катится ко всем чертям. Никогда больше и слова не скажу, потому что боль внутри черствеет. Потому что та вина, засевшая в груди сжимается в камешек и царапает острыми гранями сердце. Сколько мне еще мучиться? Я ведь даже не знаю, в чём виновата перед ним, но он иногда, когда начинает меня замечать, так смотрит, будто... Будто я предала.

Когда вернулся отец, я как раз уже накрывала на стол. Он был очень пунктуальным и того же требовал от нас.

— Как прошел день? — спросила, целуя его в колючую щеку и помогая снять пиджак.

— Прошел прекрасно. Заключили новый контракт с поставщиком. На этот раз на более выгодных условиях, ведь на прошлом у нас была просто зверская комиссия, — отец сполоснул руки, вытер полотенцем и сразу сел за накрытый стол. — А где Марк?

Я уже хотела ответить, как в двери забряцали ключи.

— Впрочем, — хмыкнул глава семьи.

Марк прошел на кухню, кивком поздоровался с отцом и, как обычно, не заметил меня. Я привычно поставила перед папой тарелку с супом, взяла в руки вторую и, глядя брату в глаза, сообщила:

— Твой любимый.

Он снова сделал вид, что не услышал. Не заметил.

Сжала зубы, но не стала настаивать. Мы прекрасно поели. С отцом. Марк, как всегда, не притронулся даже к ложке. Всё так же продолжал сидеть откинувшись на спинку резного стула и смотреть куда угодно, лишь бы не на стол. Возможно, он уже поел где-то. Возможно, собирался позже. Мне неизвестно. Одно знаю точно: больше я не буду пресмыкаться.

Как только с ужином было покончено, он поднялся к себе. Провёл там ровно час, пока мы с отцом смотрели фильм, а потом спустился и молча ушел из дома.

Я была не в восторге от того, что чувствовала. Ненависть вперемешку с обидой и виной. Тот ещё ядовитый коктейль, который изо дня в день отравляет существование.

Когда отец ушел спать, я поднялась наверх и дернула дверную ручку в комнату брата.

Закрыто, что не удивительно. Не то чтобы я пыталась пробраться когда-нибудь внутрь, но много раз видела, как он запирает её на ключ.

Хмыкнув, подумала, что для меня не проблема её открыть, что уж говорить об отце, который имеет на то полное право. Ещё год назад Марк подвергался полномасштабным проверкам на употребление и хранение наркотиков, алкоголя и прочей дряни, что он бывало притаскивал домой. Или это были его дружки? Неважно.

Я вернулась в свою комнату, стянула с себя одежду и, завернувшись в полотенце, отправилась в душ. Единственное неудобство в том, что ванная комната у нас с братом одна и находится она в коридоре. Раньше мы воевали за право попасть в неё первым, а потом мне просто пришлось вставать на тридцать минут раньше или мыться перед сном, ведь воевать с этой громилой бесполезно. Он просто сдвигал меня в сторону и полчаса принимал душ, пока я опаздывала всюду, куда только можно было.

Этим вечером меня бесило абсолютно всё. Особенно тот факт, что все мысли крутились вокруг козлобрата, которого хотелось распять на собственной ненависти и четвертовать ножом из гнетущей меня вины.

Так выглядят боль и бессилие.

А ещё меня пугало, что я так много из-за этого парюсь. Слишком много, чтобы не задаваться вопросами и не начинать снова из-за этого психовать.

Дергаными движениями повернула кран горячей воды и вздрогнула от хлынувшей из него холодной, медленно набирающей нужную температуру. Сжала зубы и прикрыла глаза, оперевшись на стенку.

Я для себя уже всё решила. Сделала это давно, но никак не могла найти сил, чтобы переступить через собственные принципы, вбитые в мою голову с детства.

Моя семья — моё всё.

Именно так звучат в моей голове убеждения, когда Марк смотрит сквозь меня, словно не существует человека, названного его сестрой. Какая же это сестра? Это никто.

Завтра так и будет. Не будет брата, как нет и сестры.

Приняв душ и обернувшись в полотенце, я вышла в коридор и вдруг столкнулась с Марком взглядами. Братец открывал дверь в свою комнату, но, услышав шум, обернулся, вынудив меня замереть. В коридоре было прохладно, поэтому я незамедлительно покрылась мурашками, но глаза не отвела, как не сделал этого и сам Марк. Он пристально посмотрел на меня, изучив с головы до ног и... усмехнулся.

Кажется, моё сердце стучало в горле. Я вдруг почувствовала себя совершенно голой, будто не было большого махрового полотенца, скрывающего мою наготу от потемневших глаз. Выдохнула и стремительно отправилась в свою комнату и, только после того, как сама закрыла дверь, услышала, как хлопнул своей Марк.

Прислонилась к морёному дубу, пытаюсь успокоить колотившуюся в груди мышцу.

Какого хрена сейчас было?

Глава 3

— Я уезжаю на несколько дней, — сообщил папа следующим утром. — Оставляю все на тебе, Марк. Я же могу быть уверенным, что ничего не произойдет за время моего отсутствия?

Я замерла, так и не перевернув уже румяный оладушек и совершенно пропустив ответ Марка. Папа уезжает? Почему так спешно? Он и раньше летал на командировки, но предупреждал за неделю. А сейчас... Что-то срочное?

— Пап, надеюсь, ничего серьезного? — обеспокоенно спросила и, наконец спохватившись, вытащила со сковороды подгоревшую выпечку, чтобы в итоге выбросить. Блинчик почернел с одной стороны и был абсолютно несъедобным.

— Буду разбираться на месте. Филиал в Питере меня беспокоит. Кажется, стоит найти нового руководителя, — отозвался он и сразу же сменил тему, потому что никогда не любил говорить за едой о работе: — Тебе что-то привезти, Поля?

— Мне? — я в растерянности повернулась к нему. — Не знаю даже...

Марк закатил глаза и, отложив свой ключи от машины, которые он вертел до этого, бросил взгляд на наручные часы. Явно считает секунды до конца завтрака.

Поджав губы, специально медленно сервировала папе оладушки, продолжая с ним беседу про достопримечательности Питера. Сегодня я поставила тарелку лишь перед отцом, проигнорировав брата. Пусть ест и дальше в своем кафе.

Мы быстро позавтракали, и я помогла собрать вещи отцу — он сразу после офиса направится в аэропорт.

— Будь благоразумным и береги сестру, — перед самым выходом родитель тяжело посмотрел на Марка, который выглядел более чем раздраженным. Ему претила мысль, что я опять остаюсь на его попечении.

— Я уже взрослая, па, — напомнила, тоже раздражаясь. Сейчас Марк обязательно выдаст какую-нибудь шпильку. — Не беспокойся, все будет хорошо.

Как в воду глядела. Он, усмехнувшись и оперевшись плечом о стену, съязвил:

— А я буду и днем, и ночью благоразумным, чтобы, не дай Бог, конечно, с головы нашей Полочки не выпал ни один волосок. Чтобы...

— Не паясничай, — перебил его Довлатов-старший.

— Что ты, отец, я совершенно...

— Не всерьез, — мрачно завершила я за братца, тяжело посмотрев на него. Он выдержал мой взгляд с усмешкой на губах. В итоге отвернулась первой я. — Ты же знаешь, пап, что Марк совершенно не умеет шутить. Я бы его научила, но он уверен в своей неотразимости.

Он слушал с той же усмешкой, но ничего не ответил. Я ведь пустое место.

Попрощавшись с папой, я убежала в универ. Немного опаздывала, а Влад, наш водитель, в отличие от Марка, управлял автомобилем идеально. Ни разу не превышал скорость, не обгонял и не совершал никаких маневров, отчего плелись мы достаточно долго. К началу пары я не успела, и меня не пустили в аудиторию. Кажется, везение с тех самых пор, как Марк переступил порог нашего дома, обходит меня за парочку тысяч километров, но вот за ним явно ходит по пятам.

В этом я удостоверилась, когда на перемене ко мне подошла Карина.

— Ты слышала новости? — начала подруга, достав телефон и смотря на переднюю камеру, чтобы поправить русые локоны. — Твой братик сегодня устраивает вечеринку.

Я поморщилась. Он-то знает толк в пустой трате времени.

— И что? Мне плевать, если честно.

Рина приподняла свои бровки, придирчиво рассмотрела их, затем нанесла на губы помаду.

— Поль, ты самое главное не поняла. Вечеринка будет у вас дома.

— С чего ты взяла? — удивленно отозвалась я. Что за бред? Не верю.

— А с того, что мне это сказал Женя. Хотел пригласить, а я его снова отшила. Прилипчивый, зараза! Каждый раз говорю, что мне он неинтересен, а он?.. В общем, ты же позовешь меня сама?

— Рин, да не будет никакой вечеринки, — улыбнулась ей я. — Марк еще не настолько тронулся умом, чтобы позволить себе подобное. Устроить вечеринку в нашем доме! Без ведома отца! Смешно.

— Ты его недооцениваешь, — фыркнула она, убрав телефон в сумочку. — Твой брат способен и не на такое.

— А ты слишком предвзята, — нахмурилась я. Понимаю, что Карина недолюбливает Марка, но я все же знаю его лучше нее. Он не такой, каким хочет казаться.

— Поль, наивная ты моя душа, — насмешливо протянула она. — Давай проверим? Поедем к тебе вместе и удостоверимся, что ты его слишком идеализируешь. Он не достоин того, чтобы...

— Хватит. Давай проверим, — я была уверена в своей правоте.

— Окей. До вечера, солнце, — подруга обняла меня, и мы разошлись по своим аудиториям, договорившись встретиться после ее занятий по английскому.

Я тронула незапертую дверь под победное восклицание Карины и вошла в прихожую, заполненную чужими вещами и окутанную дымом дешевого табака.

— Я же говорила, — произнесла Рина, перекрикивая громкие биты. Брезгливо отпихнула чьи-то ботинки и прошла за мной. — Твой брат всегда доставляет тебе неприятности.

У меня просто не нашлось слов для ответа. Я чувствовала... разочарование в который раз. Наверное, я действительно вижу Марка лучше, чем он есть на самом деле. Идеализирую.

— Что за ужасная музыка? У меня уши сохнут, — продолжала подруга. — И под это танцуют?

Мы с ней обе замерли, увидев страстно целующуюся парочку в коридоре, которые чуть ли не срывали с друг друга одежду прямо здесь.

Отвратительно.

— Оу... Не только танцуют, — выдала Карина. — Идем, Довлатова, мы еще до эпицентра тусы не дошли. Там наверняка жарче!

Просто скажите, что я сплю! Что если я открою глаза, то этой толпы здесь не будет!

— Поднимись в мою комнату и подожди меня там, — сглотнув вязкий ком, застрявший в горле, попросила я, понимая, что ее язвительные комментарии укрепляют мою злость. Еще чуть-чуть, и я взорвусь, как вулкан, раньше, чем дойду до виновника торжества и посмотрю в его наглые глаза. — Пожалуйста.

— Зачем? — недоуменно спросила она. — Я не хочу пропустить все веселье!

— А я не хочу, чтобы кто-то проверял на прочность мою кровать, — отрезала я.

— Ну вот, — сникла подруга. — Пришла на вечеринку, чтобы подрабатывать охранником. Ладно. А ты сама куда?

— Пойду искать Марка. Попытаюсь вправить ему мозги.

— Ты думаешь, у него они есть? Мне кажется, эволюция обошла Марка стороной, — насмешливо отозвалась Рина. — Но ты попробуй, за веру в чудо еще налог не берут.

Я раздраженно на нее посмотрела и двинулась вперед сквозь потные тела студийцев и густой запах перегара.

— Эй, иди ко мне, детка! — пробасил какой-то недоумок, хватая меня за ладонь.

— Отвали, — совсем не вежливо бросила я, рывком освобождая кисть. Вытерла руку о свои джинсы.

Во мне бушевал ураган. Злость, непонимание, ярость и... что-то еще, что никак не умирало. Я из раза в раз надеюсь, что очередной его поступок что-то изменит, но... Даже думать об этом не хочу.

В гостинной я столкнулась с той самой девушкой, с которой Марик обжимался вчера в универе.

— Прости, — проговорила я и собиралась дальше продолжить поиски непутевого братца, но девица растянула губы в приторной улыбке и выдала:

— Я не знала, что мой Марк приглашает на свои вечеринки и таких серых мышек, как ты, — ее взгляд прошелся по мне. — Хотя... ты, наверное, спутала коттедж с монастырем. Бывает. Протри свои розовые очки, милая, и вали отсюда.

— А я не знала, что Марк приглашает на вечеринки и эскортниц, — тоже улыбнулась и выразительно посмотрела на ее короткое, достигающее до середины бедра, платье. Пусть мои слова очень грубы, но она сама попалась мне под руку и сама же подставила себя под удар. — Хотя... ты стопроцентно перепутала коттедж и трассу. Бывает. Советую провериться... к сожалению, не у окулиста.

— Ах ты... — пытаясь как паровоз, возмущенно пробормотала она, не находя ответную шпильку. Достойный ответ придумать не сумела, зато, заметив приближающегося к нам Марка, она пожаловалась ему: — Чер, эта сучка назвала меня шлюхой! Она! Меня! И какого дьявола эта дрянь здесь делает?

Для начала я здесь живу, но мне безумно интересно услышать что скажет кретин, устроивший дурацкую вечеринку в нашем доме. А Марк будто и не расслышал вопроса. Одним рывком притянул девушку к себе и, развернувшись, прижал её к стене. Улыбнулся, как голодный мартовский кот, и что-то сказал, едва касаясь губ. Из-за громкой музыки я не услышала ни слова. Заметила только её усмешку, от которой почему-то кольнуло в груди.

То есть меня вновь тупо “не заметили”. Чего ещё можно ожидать от Марка Чернигова? Только идиотские поступки и игнор. Сейчас что-то предпринимать — стать шутком для пьяного сборища.

Я развернулась и всё же направилась в свою комнату, испытывая самые глупые на свете чувства. Снова обида, боль и грёбаный стыд, что мой братец конченный козёл, а я настолько мягкотелая. Слабая. Все еще любящая его.

— Привет, малышка! — как чёрт из табакерки выпрыгнул откуда-то Бритый, разукрашенный синяками и ссадинами.

— Утром виделись! — рывкнула я, заметив, как какой-то придурок в обуви забрался на диванчик у стены и потягивает алкоголь из пластикового стакана. — Быстро опустил ноги,

так дома сидеть будешь!

— Оу, сколько ярости... — рассмеялся Бритый. — Ты в курсе, что это не твой дом?

Внимательно проследив за тем, как парень всё-таки слезает с предмета мебели, я повернулась к Роме и посмотрела в его прищуренные глаза.

— Правда, что ли? И с каких пор мне интересно твое мнение? Дай угадать... А-а-а, наверное, с того момента, как ты думать научился! Слушай, мне плевать, будь добр, свали!

— Все-все, остынь, — приподнял ладони Рома и, потеряв синяк на скуле, пробормотал: — Мне и этой красоты пока достаточно.

Я не стала больше попусту тратить время на него и, кинув последний взгляд на нашу некогда уютную и чистую гостиную, поднялась к себе. Ничего, вот папа узнает и хорошенько поговорит с Марком. И я даже вмешиваться не буду. Устала прикрывать отвратительные поступки брата.

В спальне меня ждала Карина. Она, развалившись на небольшом диванчике, медленно поела купленную нами по дороге пиццу и до моего прихода втыкала в телефон.

— Ну что, Поля, чудо удалось? — Рина отложила смартфон и хлопнула на место рядом.

Я молча бросилась на мягкий диван и, откинувшись на нем, уставилась в белый потолок.

— Поль?

— Подожди, я ищу в себе силы сдержаться и не разнести ко всем чертям их колонки, — поморщилась при очередной смене трека. Теперь играла какая-то композиция с оглушающе громкими басами, отчего, я думаю, внизу паркет трясся. Как можно это слушать?!

— Техника тут не причем. Виноват барахлящий естественный отбор*.

— Бедный дядюшка Дарвин* сейчас в гробу перевернулся, наверное, — хмыкнула я. Потерла глаза и потянулась за куском пепперони. — И как мы спать будем? Беруш у меня нет, шумоизоляция такая себе.

— Адекватного брата тоже нет в наличии, — продолжила подруга. — Тяжелый случай.

— Угу. Давай доедим и попробуем все же заснуть?

Какая же я наивная. Сон не шел, каждый раз прогоняемый шумом с первого этажа. То музыка, то чьи-то крики и радостные возгласы.

— Сколько лет дают за незапланированные, но очень нужные человечеству, убийства? — простионала Карина, переворачиваясь на другой бок.

— Много, — с тяжелым вздохом ответила я. — Но если ты решишься, то я с тобой.

— Мир, дружба, топор?

— Два топора, — поправила я с улыбкой.

Мы заснули ближе к трем часам, когда часть гостей, наконец-то, приняла самое правильное решение в своей жизни — свалить. И, естественно, утром подскочили от противного звука будильника сонные и очень злые. Но Марк, как всегда, нашел способ разозлить меня еще сильнее. Разозлить и в очередной раз сделать больно.

Я первая пошла в душ и, одевшись, спустилась вниз, чтобы оценить масштабы вчерашней катастрофы. Марик уже вызвал клининговую команду, так что половину беспорядка они разгребли, но...

Но есть то, что они не могут трогать без присутствия хозяев дома. Потому женщина, увидев меня, подошла и спросила, что делать с вон той испорченной фотографией. Выбросить или?..

Медленно, ощущая, как стремительно бьется в грудной клетке сердце, подошла к указанной кучке, очень надеясь, что...

Мои надежды не оправдались. В очередной раз. Так глупо, правда? Я всегда все надеюсь и надеюсь, хотя это бессмысленно. Надеюсь и верю в Марка, в то, что, что-то изменится, что случится чудо. Карина права.

На полу, среди осколков защитного стекла и частей простенькой рамы, лежал действительно испорченный снимок. На нем сложно уже было что-то разобрать. Чьи-то очертания лица, которые размазались вместе с краской. Картина чьей-то жизни, на которую безжалостно наступил кто-то своей туфлей на шпильке, оставив дырки на мокрой фотобумаге. Было сложно разобрать, что запечатлел фотограф, для кого-то, кто не знает наизусть его содержимое. Наша последняя семейная фотография. Последняя, потому что буквально через месяц наше счастье сравняет с землей диагноз, поставленный врачами. Рак. Точно. Никаких ошибок. Мама больше не будет улыбаться так светло и беззаботно, она не будет расчесывать свои длинные волосы, а я не буду их заплетать, потому что... Не останется у нее ни радости, ни волос, ни шанса на будущее.

Пожалуй, так горько мне было, только когда в одиннадцать с меня сдёрнули любимую мамину золотую цепочку и хорошенько потрепали за волосы. До сих пор помню лицо того ублюдка.

Я быстро стерла горячие слезы, которые уже сорвались с ресниц, и подняла фото, от которого несло спиртом и табаком. Подняла, перевернула и, кусая губы, чтобы не разреветься, вгляделась в расплывчатую синюю кляксу вместо ровного почерка мамы.

— Так что, выбросить? — раздался голос уборщицы.

Выбросить? Выбросить те ниточки, что остались от моего счастливого детства?

Выбросить...

Я поднялась, чувствуя, что во мне что-то сломалось. Не ответила ей и прошла на кухню. Мне нужна вода, иначе я задохнусь в горечи.

Работница клининга, не зная, что делать, задала этот же вопрос подошедшему Марку.

— Выбросите, — при этом он смотрел прямо на меня. В мои глаза, когда выносил вердикт. Как палач, что говорит о казни. Безэмоционально. Сухо. Просто. — Это всего лишь фотография.

Вот так он раз за разом рушит мою жизнь. Просто. Чашка, снимок. Что у меня ещё осталось важного? Сердце? Или и там он успел натоптать следы грязными ботинками?

— Какой же ты... — я стерла слезы, что никак не хотели отступать. — Я бы дала точную характеристику, но не люблю оскорблять людей.

— И кто же я? — усмехнувшись, сказал он. — Давай, скажи это вслух. Ублюдок? Мерзавец? Тварь?

— Хуже, гораздо хуже. Знаешь, я впервые вижу человека, у которого нет никаких ценностей. Который никого не любит, кроме себя. Ты, наверное, даже свою маму не любил. Ты жалок, Марк. Очень жалок.

— Продолжай, — холодно произнес брат. При этом ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Не хочу. Покопайся в себе, может, вдруг услышишь свою совесть, если та ещё не сдохла, потонув в твоей бесчеловечности.

Я открыла нижний шкафчик и решительно бросила фотографию в урну, стараясь не думать о том, что больше никогда ее не увижу. Горечь затопила сознание, стягивая болью

грудную клетку, но в следующую секунду я сделала глубокий вдох и прекратила плакать.

Всё это его вина. Тупая вечеринка, пьяный сброд и неисправимые последствия. Если подумать, то он должен мне как минимум два воспоминания о женщине, которая занимала половину моего сердца. И если я задам себе вопрос, простительны ли его поступки, то ответ однозначно будет отрицательным.

Пора уже вычеркнуть Марка из списка тех, кого можно прикрывать собственной спиной. Он мне не семья. Он — чудовище, что грязными лапами топчет мою душу. Ублюдок, не знающий границ родственной любви.

Сжала зубы и взяла стакан с верхней полки, но воды в него так и не набрала, замерев напротив раковины. От подступающей к горлу истерики больно дышать. И как вообще можно справляться со своими эмоциями, когда день ото дня тебя затягивает в пучину отчаяния благодаря человеку, к которому никак не можешь стать равнодушной? Он же делает всё для этого, так почему?

Выдохнула и едва ли не швырнула несчастную посуду на стол. Развернулась и, не глядя по сторонам, отправилась в свою комнату, совершенно позабыв, что у меня в гостях подруга, которая, увидев меня, тут же принялась выяснять, что случилось.

— Его дружки испортили последний наш с мамой снимок, где она ещё здорова, — кусая губы, проговорила я. — А он... Ему было плевать.

Подруга обняла за плечи и тихо, но с глухим раздражением сказала:

— Долго ты ещё будешь терпеть подобное отношение к себе от этой сволочи? Разве прошло мало времени с той поры, когда он вернулся? Отомсти, Поль. Может, тогда дойдет, что ломать чужие воспоминания — подло?

Отомстить? Я же не из таких... Но вспомнив, с каким выражением на лице он разбил мамину чашку и велел выбросить "всего лишь фотографию", я неожиданно поняла, что сильно злюсь. Не могу простить. Почему он может вести себя как последняя тварь, а я должна молчать? Подставлять другую щеку для удара? Ну уж нет!

— Ты права, — выдохнула, стирая слёзы. — Права, Рина. Надо показать ему, как это бывает больно.

— Вот и я говорю, что нельзя спускать с рук такие обиды. Да и не убить же ты собираешься его, в конце концов.

Я разжала объятия и криво улыбнулась, заглянув подруге в глаза.

— Вот только я совершенно не знаю, что делать.

— Уничтожить его фотографии? — улыбнулась та заговорщицки в ответ.

Вопрос в том, есть ли у него фото. Наверное, должны быть. Он же должен хранить фотографии погибшей мамы.

Я усомнилась на мгновение, представив, что он испытает такую же боль от потери простого снимка. Может, поискать другой способ?

— О нет! Я уже вижу, что ты сравниваешь его с собой, — Карина схватила меня за плечи и встряхнула. — Вот только он не ты. Эта бесчувственная скотина совершенно не думает о твоей боли, Поль! Не смей его жалеть. Снова.

Сжала зубы и кивнула.

— Не буду. Хочу показать козлу, что такое настоящая боль. Может, тогда до него дойдёт, наконец, что я живая?

Подруга меня снова обняла и погладила по волосам.

— Всё хорошо будет, Поль.

Не сразу. Но я в этом даже не сомневаюсь. Марк закончит учёбу и свалит из нашей с отцом жизни, а пока я буду всеми силами портить его нервы собственным существованием. Добрая сестренка на него не действует. Равнодушная тоже. Может, стервозная соседка проймёт?

— Ладно, идем завтракать, Рин, — решительно произнесла я, поднимаясь.

— Надеюсь, Марк уже свалил, — недовольно отозвалась подруга, направляясь за мной.

Брат действительно ушел. Работников клининговой службы я тоже не обнаружила. В доме воцарились вожаделенные тишина, спокойствие и уют... К сожалению, временные. Вечером снова вернется Марк, и все испортит. Надеюсь, хоть дружков снова не притащит.

Но я ошибалась. Он начал приходить домой только днем, когда меня не было: я видела, что не все вещи лежали на своих местах и нашла быстро скинутую футболку в ванной, но мы не пересекались. Ночевал он также вне дома.

Прекрасно. Мне же лучше.

— Поль, не забыла? — недовольно спросила Рина, едва я ей рассказала, что брат опять непонятно где шляется.

— Ты о мести? — я поудобнее приставила телефон к уху, зафиксировала плечом и начала выдвигать ящики отцовского стола. — Нет, конечно. Ищу сейчас ключ от его комнаты. И где же папа хранил запасные?..

— Ключ от комнаты? — удивилась подруга.

— Угу, — я вытащила нужную связку. — Марк запирает ее, чтобы никто к нему не лез в его отсутствие.

— Ты и Андрей Федорович прямо спите и видите, как вламываетесь в его спальню, — Карина явно закатила глаза. — Итак, Довлатова, нашла? Идем изучать логово страшного дракона?

— Черт, — прикусила губу, думая, как теперь быть. — Не нашла. Кажется, не идем.

На том конце провода повисла пауза, а затем раздался решительный голос подруги:

— Идем! Бери шпильку, вооружись храбростью и пошли.

— Ты чудо! — улыбнулась я.

— А вместе мы чудовище для твоего братца. Топай давай!

Хмыкнув, убрала учиненный беспорядок и направилась к комнате Марка. Только взялась за ручку, как дверь спокойно поддалась назад.

Что?..

— Рин, он забыл запереть... — чувствуя, как начало сильно биться сердце в груди, прошептала я.

— Да ладно?! — подруга чем-то подавилась и, откашлявшись, велела: — Заходи скорее! Даже судьба хочет, чтобы ты поставила его на место.

— Вхожу, — кивнула, хотя Карина все равно бы не увидела, и открыла пошире дверь. Прикрыла ее за собой и прошла вперед, озираясь вокруг. Светлая комната, чистая, пахнет одеколоном Марика и его запахом, широкая постель, пара постеров над ней, рабочий стол с учебниками и широким моноблоком, книги на полках, гитара в углу и...

— Ну что там? — нетерпеливо протянула Рина, нарушая воцарившуюся тишину и заставив меня вздрогнуть от неожиданности. — Расчлененные девственницы? Пентаграммы? Куча носков и остатки ужина десятилетней давности? Пауки?

Этого просто не может быть... Если я прятала за рамками мамины фотографии, то Марк...

Не верилось. Просто не верилось! Однако я своими глазами увидела!

Марк хранил мои рисунки. Все подаренные мною открытки, все зарисовки. Даже та картина, которую он когда-то исполосовал, была аккуратно склеена и повешена на стену.

Я до этого момента была уверена, что он их разорвал и выбросил, если вообще не сжег. Я была уверена, что он ненавидит все, что связано со мной. А сейчас... Что мне сейчас думать? Прежнее мнение о нем, словно стекло, разбилось вдребезги.

Но одно теперь я понимала точно: я совершенно не знаю того, кого называю своим братом.

— Поля, не томи! — поторопила меня Карина.

— Я тебя разочарую, ничего такого нет, — несколько заторможено выдавила я, сглотнув ком в горле. — Все чисто и...

Я запнулась. Навострила уши, очень надеясь, что мне послышалось... В тишине отчетливо слышались шаги. Шаги, которые неумолимо приближались!

— А что ты... — начала Каринка, но я быстро сбросила вызов. Спрятала телефон в карман шорт и испуганно заозиралась. Где бы спрятаться? Черт! Диван, стол, шкаф, кресло... Шкаф! Долго не думая, залезла в его нутро, очень радуясь, что он широкий и вместительный, а я не очень высокая и худая.

Я только закрыла створки, скрыв себя, как распахнулась дверь, и шаги приглушил мягкий ковер, который застилал комнату Марка.

"Пусть он уйдет", — взмолилась, затаив дыхание и зажмурившись. Вот приспичило же ему домой! В восемь вечера! Два дня не появлялся, а сейчас, как назло, приехал! И что же делать?

Че-е-ерт. Вдруг заметит?

Едва слышно выдохнув, открыла глаза. Через маленькую щель, что я оставила для вентиляции, отлично было видно Марика, который, сбросив кожаную куртку на свою постель, рывком стянул простую черную футболку, обнажив торс с отчетливо видными кубиками.

Тяжело сглотнула. Хотела снова зажмуриться, но не смогла.

Взялся за ремень. Протяжно звякнула пряжка.

"Эй, не надо!", — в моей голове панически завозились тараканы. А я круглыми от происходящего глазами продолжала смотреть.

Он расстегнул лишь молнию и внезапно замер. Все его мышцы напряглись, отчего Марик стал каким-то совсем крупным. Внушительным просто. Но его заминка длилась всего пару секунд, потом он вернул на место ремень, так же молниеносно скрыл натренированное тело футболкой.

Но не успела я перевести дух и выдохнуть с облегчением, как ожил мой смартфон. Раздалась дьяволова вибрация, сдавая меня со всеми потрохами!

Мамочки...

Проклиная Карину и ее любопытство, отклонила вызов дрожащими пальцами и выключила телефон, но было уже поздно. Только глухой не услышал бы его, а Марк, к сожалению, имел отличный слух и к тому же не мог оглохнуть на время. Он медленно, словно еще больше издеваясь надо мной, сделал шаг вперед, затем следующий. Так медленно, завораживающе медленно!

У меня дрожали руки, сердце билось где-то на уровне горла и настолько сильно трепетало, что мой пульс меня оглушал. Боже, какой же будет скандал! Это просто конец,

это просто...

Когда между Марком и шкафом осталось всего пара шагов, я зажмурилась.

Ну все, сейчас он откроет, посмотрит на меня и... Додумать, что же такого "и" будет, я не успела. Раздался противный рингтон, нарушив напряженную тишину и, кажется, тем самым спасая меня. Я сначала не поверила своим ушам, продолжая ожидать свою участь. Но глазам я пока доверяла и, когда увидела, что Марк отошел, чтобы взять свой смартфон, мысленно расцеловала позвонившего. Плюс миллион к его карме однозначно!

— Да, отец, — сухо поприветствовал брат. — Да, помню. Сейчас. Хорошо. Уже еду.

Куда едет? Что помнит?

А потом до моего тормозящего сознания дошло, почему пришел домой Марик и почему отец ему позвонил. Он же то ли сегодня, то ли завтра должен был вернуться из командировки! А я, поглощенная сначала учебой, а затем мыслями о мести, совершенно об этом забыла. Ну что, дозабывалась!

Но тем не менее спасибо папочке за своевременный звонок. Он даже на расстоянии умудряется меня выручать.

Тем временем парень закончил короткий разговор, поднял свою кожанку, сунул телефон в карман и...

Он просто ушел?!

Почему?

Я еще пару минут сидела и смотрела с удивлением, смешанным с облегчением, на пустую комнату. Дышала, больше не таясь, но при этом не могла взять себя в руки и подняться. Коленки тряслись до сих пор, если честно. Глупо, конечно. Марк мог что-то забыть и вернуться, но стресс явно высосал из меня все силы, а еще... Его запах, исходящий от аккуратно развешанной одежды, так умиротворял и странно действовал на меня. А еще возвращал меня в детство, в те беззаботные времена, когда я могла просто вломиться к нему в спальню, обнять его или как-нибудь безобидно разыграть.

Что же мы натворили, Марик? Почему получилось так, что мы из самых близких людей превратились во врагов? И что я вообще здесь делаю?

Тяжело вздохнув, я поднялась и, наконец, покинула шкаф. Бросила еще один взгляд на свои рисунки, стараясь ни о чем не думать, вышла из комнаты брата. Когда прикрывала за собой дверь, мелькнула мысль, что он ее опять не запер. Снова забыл?

Уже в своей комнате включила телефон, набрала Карину. Она подняла трубку почти сразу:

— Черт, Довлатова! Не пугай меня так. Я уже планировала лететь к тебе что есть мочи и спасать от чудищ!

— Ты меня наоборот чуть ли не в лапы этим самым чудовищам передала, — ответила, немного смягчившись. Все же Рина ни в чем не виновата.

— Та-а-ак! С этого места поподробнее!

— Да тут нечего говорить, — залезла в свою кровать и укуталась в одеяло. — Внезапно вернулся Марк, я залезла в шкаф, он начал раздеваться...

— Что он начал делать? — ошарашенно переспросила подруга. — Раздеваться? Серьезно?

У меня от одних только воспоминаний вспыхнули щеки и дыхание сбилось. Капец, конечно, денек!

— Не волнуйся, сегодня удача была на моей стороне, и дальше футболки он не зашел, —

вернув себе самообладание, заверила я Карину. — Потом позвонила ты, он уже направлялся ко мне, как в последний миг его отвлек вызов от папы.

Карина, потрясенная услышанным, молчала, а я после паузы завершила:

— Марк ушел, а я поспешила убраться. Ноги моей больше не будет в его спальне!

— Ну ты даешь, Полин! Только ты можешь пойти мстить, но вместо этого смотреть на стриптиз, — хмыкнула Рина, рассмеявшись.

— Это был не стриптиз, — пытаюсь остудить щеки, не согласилась я.

— Ладно, сделаю вид, что поверила. Ты мне скажи другое: нашла что-нибудь?

А это уже неправильный вопрос. Проблема в том, что нашла, и теперь не знаю, что и думать. Марк слишком сложный. Он как кубик Рубика, только с большим количеством цветов на гранях.

— Ни одной фотографии, — выдала я чистую правду. Мне отчего-то не хотелось делиться увиденным. Нет, дело не в доверии, просто... Слишком личное. Как тот не свершившийся поцелуй пять лет назад.

Дальше разговор не клеился. Карина пыталась узнать побольше, чтобы уже самой выстроить план идеальной мести, а я не находила слов для ответа. К тому же мой прежний запал пропал. Я считаю, будет достаточно полного игнорирования брата: опускаться так низко и вредить ему мне не хотелось. В итоге, сославшись на необходимость приготовить ужин для папы, я завершила звонок.

— Куда делась фотография со стены, Полина? — чуть нахмурившись, спросил папа.

Все же заметил, причем сразу. Виновато улыбнулась, чтобы скрыть свои истинные чувства, и соврала ему:

— Я убиралась и случайно уронила ее прямо в ведро с водой. Мне так жаль... Прости, папуль.

Как же Марк... Почему я его продолжаю выгораживать? Почему бы мне впервые не наябедничать? Почему я из-за него лгу самому близкому мне человеку? Почему? Столько вопросов, но ни одного ответа.

— Ничего, — было видно, как трудно ему даются эти слова. — Главное, что с тобой все в порядке. К тому же у меня сохранились сканы. Напечатаем заново.

Я понимала, что он говорит так, чтобы не расстраивать меня. Ценность представлял именно оригинал. Его касались руки мамочки, она сама вывела снимок, она же подписывала... А что даст новый экземпляр?

— Прости, — я опустила голову. Вот такая непутевая у тебя дочь, папа. Не смогла уберечь ни цепочку, ни чашку — ничего.

Я ожидала чего угодно, но не того, что подключится в разговор Марик! И, представьте, не для того, чтобы бросить шпильку или насмешливым тоном высмеять меня.

— Это я виноват, а не Полина. Завтра сам распечатаю фотографию и повешу ее обратно.

Я удивленно на него посмотрела. Вроде выглядит здоровым... Неужели совесть проснулась?

— Я рад, что вы с Полиной все же нашли общий язык, — сделал свои выводы Довлатов-старший, улыбнувшись. — Правильно, Марк. Полина — твоя сестра и...

— Я просто признал свою ошибку, — перебил парень, легко пожав плечами. — Ничего другого. И мне пора. Спокойной ночи.

Он вышел из-за стола и, не глядя на нас, развернулся и направился в свою комнату. Я

проводила его фигуру, пока он не скрылся за поворотом, ощущая... раздражение и злость. Может же он испортить все! Придурак и козел!

Нет, рано я начала праздновать появление совести. Это у него это мутировало и выдает вот такие сбои в виде произнесенной им фразы. Скорее всего, братец забудет про свое щедрое предложение уже через пару минут.

— Он не хотел тебя обидеть, — я сжала ладонь папы. Он был напряженным, злым и... в его глазах столько всего, что мне немного страшно. — У Марка тяжелый характер, ты знаешь.

— Знаю, — он вперил взгляд куда-то в стену, сжимая в другой руке вилку. — Я устал, Поля. Безумно устал. Только ты моя радость.

— Пап... — я придвинулась ближе и обняла его.

— Я смотрю на тебя и затем на Марка. Вы такие разные. Ты — мое чудо, и он, намеренно выводящий меня и строящий из себя ублюдка. Что я сделал не так? Где ошибся и что упустил?

— Пап, все будет хорошо. Марик, он...

— Иногда мне кажется, что он не мой сын, — внезапно произнес он каким-то надломленным голосом. — Что он просто не мой. Отвратительные мысли, понимаю.

Папа потер лицо ладонями и встал из-за стола, оставив ужин нетронутым. Он тоже поднялся к себе, а я еще долго сидела на кухне и крутила в голове этот разговор.

Что было бы, если бы Марк действительно не?..

*Естественный отбор — основной эволюционный процесс.

*Чарльз Дарвин — основатель дарвинизма, создатель эволюционной теории, которая легла в основу современной синтетической эволюционной теории.

— Может, в другой раз? — с надеждой протянула я. — Вот в следующую субботу точно-точно пойду, я даже буду ждать тебя в клубе и сделаю вообще все, что скажешь.

— Угу, а потом ты внезапно найдешь неотложное дело, и обломается наша вылазка. Вставай! — подруга была непреклонна. — Хватит сидеть в четырех стенах! Мы едем в клуб, и это не обсуждается.

Я тяжело вздохнула и поднялась с теплой и мягкой постели. Суббота, уже почти восемь вечера, какой еще клуб? Я бы с радостью посмотрела фильм дома, закутавшись в плед и приготовив попкорн. Но куда-то идти? Вот зря я Карине открыла дверь. Надо было притвориться, что никого нет.

— Рин, у тебя еще есть время передумать. Марка нет дома, так что мы можем хорошенько повеселиться и...

— Довлатова, не зли меня, — девушка сложила руки на груди и окинула меня взглядом, обещающим мне все неземные кары, если не послушаюсь ее. — Я, между прочим, о тебе забочусь. Когда ты в последний раз отдыхала? По-настоящему, а не убегала посреди праздника, чтобы приготовить ужин Андрею Федоровичу или не тащила сгоряча к нему в офис?

Поджала губы и принялась искать одежду на вечер. Потому что Карина права. Я действительно не помню, когда развлекалась. Всегда не до этого: то какие-то проблемы дома, то учеба, то мы с братом ссоримся, то папе нужна помощь.

— Очень давно, Поль, — верно расценила мое молчание Рина. — Так что сегодня мы должны оторваться по полной! Когда я еще сумею тебя вытащить из твоей раковины?

— А тут неправда, — попыталась хоть как-то оправдать себя, — нет у меня никакой раковины. Я очень общительная.

— Конечно, — хмыкнула она. — Потому, когда к тебе подошел познакомиться мальчик из параллели в прошлом году, ты назвала свое имя и пошла дальше.

— Я откуда знала, что нравлюсь ему, и он хотел узнать не только мое имя? — смутившись, спросила я. — К тому же я тогда готовилась к зачету и не видела ничего, кроме своего конспекта.

— Окей. Вспомним тогда случай недельной давности. Тебе прямо сказали о своих чувствах и предложили встречаться, а ты?

— А я сейчас никуда не пойду! — вспылила я. — Давай не будем о том, что прошло? И вообще, лучше помоги мне с прической.

— И почему я с тобой дружу? — закатила глаза Ринка, беря со столика расческу и направляясь ко мне.

— Увы, на этот вопрос даже Вселенная не знает ответ. Возможно, я очень-очень классная, — легко пожала плечами. — Ну, или сделанный ведьмой приворот на дружбу до сих пор действует.

— Охотно верю во второе.

— Вот ты... язва! Нет бы сказать, что я самая лучшая.

— Будешь хорошо себя вести — скажу, — рассмеялась она.

Только час спустя мы оказались в холле огромного ночного клуба, переполненного людьми. Большое трехэтажное здание, оформленное в космическом стиле, мне сразу

понравилось, даже несмотря на толкотню, возникшую у входа. Внутри было просторно, музыка, пускай и чересчур громкая, не раздражала, а разнообразие безалкогольных напитков добавило ему еще парочку звезд в моих глазах.

— Ох, Поля, — закатила глаза Карина, услышав мой выбор. Она же сразу заказала любимый коктейль "Голубые Гавайи".

— Пить не буду, — твердо ответила ей я.

— Твой выбор. Но потанцевать поташу во что бы то ни стало, — она сделала глоток лазурной жидкости.

Танцевать мне самой хотелось. На сцене выступала какая-то незнакомая мне группа, и их динамичные и звучные песни очень подходили для этого.

— Кстати, у меня тут такое! — подруга достала телефон, что-то быстро напечатала и, улыбнувшись мне, спросила: — Как тебе музыка? Нравится?

Я прищурилась. Подозрительный вопрос. Надеюсь, Рина не потащит нас вляпываться в неприятности?

— Допустим. И что?

— Поль, не волнуйся, все законно, — рассмеялась она. — У тебя было офигенское выражение лица! Видела бы ты его... Так, о чем я? О музыке... о музыкантах, точнее. Видишь солиста-красавчика с шикарным голосом?

Я повернулась туда, куда указал ее пальчик с пестрым маникюром, и вгляделась в скачущего на сцене и поющего с невероятной отдачей парня. Подкаченную фигуру ярко освещали разноцветные лучи, исходящие от софитов, и тени причудливо играли на лице, не давая его рассмотреть.

— И? — я снова вернула все свое внимание подруге.

— Я готова поспорить, что мы оба его знаем! — с той же широкой улыбкой поведала Карина.

И когда она успела опьянеть? Выпила же всего один бокал коктейля.

— Рин, кажется, тебе достаточно алкоголя, — осторожно начала, отбирая у нее новый напиток и вкладывая в ее ладонь свой мохито. — Среди наших друзей нет певцов, а лезть к чужим людям мы не станем. Лучше идем танцевать.

— Да не пьяна я. Еще не пьяна, поэтому можно, — девушка забрала у меня свой фужер. — Среди друзей и знакомых действительно нет певцов, потому что Гоша и не певец! Ну, не профессиональный певец, я имею в виду.

Гоша? Напрягла память, чтобы припомнить хоть одного парня с таким именем, но ни одной зацепки не нашла.

— Карин, идем на танцпол. Я понятия не имею, кто такой Гоша.

— Имеешь, — не согласилась со мной подруга. — И сейчас убедишься в этом.

— Карина...

— Я все решила. Мы идем к ним!

— Рина, к кому ты пойдешь? К левым парням? — попыталась я облагоразумить ее. — Успокойся.

— Ничего не хочу слышать! — сказала она, поднявшись, и категорично заявила: — Или ты со мной, или я иду одна.

Приехали! И зачем только я пошла с ней в клуб?

— Карина, зачем тебе это? — устало спросила я, следуя за ней. Она уверенно направлялась к сцене, чтобы пройти за кулисы и затем отыскать гребанных музыкантов. Мне

совершенно не нравилась ее идея, но я не могла оставить подругу. Рина к тому же выпила. Мало ли, что может произойти.

— Хочу, — достучаться до нее не получилось, она уверенно завернула в неприметную нишу и открыла дверь. — И улыбнись, а то с таким лицом пытаться идут, а не на встречу со старым знакомым.

— В целом ты недалеко от истины, — мрачно ответила, озираясь. Каким-то невероятным образом Карина протащила нас внутрь технического помещения. Вокруг копошились работники, гудела техника, валялись на полу провода и брошенные кем-то маски со страшными рожами. — Ты уверена, что нам здесь можно находиться?

— Нам можно, — снова широко улыбнулась она, поправляя свои локоны и доставая из сумочки помаду. — Со мной все ок? Тушь не потекла? Хорошо, а то в зале было жарче, чем в печке! Сейчас напишу, и нас встретят.

Не нравилось мне происходящее, но ничего не стала говорить и решила связаться с папой. В письме сообщила ему, где я и с кем, что собираемся посидеть с друзьями Рины, и попросила через час отправить Влада за мной.

— О, смотри! Вот и наша компания, — Рина указала на троих парней и одну милovidную блондинку, которую один из них обнимал.

— Карина...

— Не бурчи, Поль. Тебе с ними понравится. Офигенные ребята, уверяю. И улыбнись, а то напугаешь их!

Я закатила глаза и растянула губы улыбке.

— Привет, мальчики! — радостно проворковала подруга подошедшим парнями и, получив легкий тычок в бок от девушки, добавила: — И девочке тоже привет.

— Привет, Ринка, — один из подошедшей компании, с растрепанными светлыми волосами, положил ладонь на ее талию, притянув к себе.

— Привет, Карина. Не познакомишь нас с прекрасной феей? — улыбнулся другой парень, брюнет. И судя по голосу, тот самый солист-красавчик, о котором мне говорила Карина. Гоша. Теперь я могла рассмотреть его лицо, и да, он казался мне смутно знакомым. Будто я до этого дня видела такую же ямочку на подбородке, такие же голубые глаза и мягкие черты лица.

— Фея, кстати, может и в глаз дать, — фыркнула подруга, пока я разглядывала Гошу и пыталась его вспомнить. — Мальчики и одна девочка, это Полина. Полина, а это Гоша, Рома и Никита со своей девушкой Лерой.

Где я его видела? И когда? Может, в универе или на званом обеде у папиного друга?

— Поль? — позвала Карина, когда я не отреагировала.

— Не мешай, — вступил в беседу Гоша, беззлобно ухмыльнувшись, — не видишь, мы друг другу понравились?

Что?!

Я мгновенно отвела взгляд, смутившись. Что со мной? Вроде пила Карина, а туплю я.

— Привет всем, — поспешила исправиться я и растянула губы в вежливой улыбке. — Мне очень приятно познакомиться.

Ребята оказались очень дружелюбными и хорошими, потому уже через пять минут мы с ними разговорились и чувствовали себя так, будто не только что познакомились, а знали друг друга кучу лет. Парень Леры, Ник, через очередную неприметную дверь вывел нас на лестничную площадку, повел вверх. Мы очутились на третьем этаже клуба. Со столика,

окруженного стеклянными перегородками, открывался отличный вид на главную сцену и ночную Москву.

— Что будете пить, девушки? — спросил Рома. — Не стесняйтесь с выбором, у нас блат, благодаря Гоше.

Я так и не поняла, почему благодаря нему, но подумала, что, наверное, за выступления им даются бонусы.

— Мне "Секс на пляже", — Лера отложила меню и поудобнее устроилась на плече своего парня. — Буду пить хотя бы коктейль, раз сам секс на пляже мне обломали.

— Не ворчи, — Ник щелкнул ее по носу. — Вот разберусь с работой, и мы обязательно слетаем на море, но я...

— Но все отменяется в последний момент, ведь снова появятся дела, — обиженно закончила за парня блондинка.

— Эй-эй, только снова не начинайте, — простонал Рома и пожаловался мне: — Полин, почему ругаются они, а мозги вскипают у меня? Сил уже нет.

— Ром, у тебя всегда сил нет, когда видишь красивых девушек, — с ухмылкой сказал другу Гоша.

— Вот неправда. Сил нет наших голубков слушать. А вот для приятных вещей силы всегда найдутся...

— Не хочу даже слышать про твои похождения! — отрезала Рина. — Лучше сходи за выпивкой. Мне "Космополитен".

— Поля, Гоша, а вы?

— Я пас, — покачал головой Гоша и посмотрел на меня, ожидая ответ.

— Я не пью. И Карина тоже не будет, правда? — я кинула на нее выразительный взгляд. Я, в отличие от нее, помнила, что ей после уже второго бокала становится хреново.

— У меня подруга изверг, — печально отозвалась она, правильно поняв меня.

— Вы ни капли не изменились со времен школы, — рассмеялся Гоша. — Ром, принеси всем нам безалкогольные коктейли и поесть.

Что? Он сказал "со школы"?

— Еще один облом, — выдохнула Лера. — Тогда мне яблочный сок. И мясо.

— Да-да, только траву не тащи! — присоединился Ник.

— Я тоже еще не настолько за правильный образ жизни, — кивнула Карина. — Хоть поем, если выпить не получилось.

А я пропустила мимо ушей большую часть их разговора, потому что наконец-то вспомнила Гошу. Егор Клинов, одноклассник Марка и его единственный нормальный друг, поэтому я к нему хорошо относилась. Родители Егора переехали, поэтому он перешел в другую школу. И помнится, примерно в это же время папа перевел брата в исправительное заведение.

— Клинов? Ты? — моему удивлению не было предела. Чтобы тот тощий мальчик, с которым мы сбегали в кино, из нашего с братом детства — он?..

— Я, — криво улыбнулся он. — Думал, ты меня сразу узнаешь.

— Прости. Ты очень изменился! И я очень рада тебя увидеть. Куда вы уехали? Черт... у меня столько вопросов!

— Вот, а говорила, что это не лучшая идея, что ты его не знаешь, а я пьяна, — проворчала Карина.

Время пролетело незаметно. Я даже пожалела, что попросила приехать Влада через час.

С ребятами было интересно и весело, и к тому же я не успела потанцевать. Только Гоша пригласил меня на танцпол, как ожил мой телефон. Писал папа, хотя о своем прибытии наш водитель всегда говорил мне лично, и я уже тогда заподозрила что-то неладное.

— Мне пора, — с сожалением сообщила компании, поднимаясь.

— Куда? Еще ведь детское время, — возмутилась Лера.

— Ага. Не спеши, мы тебя потом до дома подбросим. Егорыч на коне, — поддержал девушку Рома.

— Не могу, — и это правда. Я обещала, значит, должна быть дома.

Гоша и Рина знали, что я никогда не подвожу папу, потому не пытались переубедить. Первый лишь сказал:

— Идем, я тебя провожу.

Я очень обрадовалась его инициативе: так просто найти выход из клуба сама бы не сумела. К тому же... Гоша мне понравился, и его внимание мне импонировало.

— Кстати, Поля, — перед самыми дверями парень остановил меня, взяв за руку.

— Что? — выдохнула я, ощущая себя... странно. Вроде мне все нравится, но что-то продолжает беспокоить.

— Ты мне должна свой номер, — он расплылся в обольстительной улыбке. — А еще танец и прогулку.

— Когда это я обещала тебе прогулку? Уже наглеешь, — я тоже улыбнулась.

— В наше время без наглости никуда, Поль, — не растерялся Клинов. — Поэтому завтра мы с тобой идем в парк. Я заеду за тобой.

— Ты не думал, что надо спросить, согласна ли я с тобой куда-то идти? — ради интереса спросила я.

— А ты не согласна? — вскинул бровь он.

Если честно, то я хотела пойти с ним на свидание. Потому смутилась и продиктовала ему свой номер телефона.

— А сейчас идем, меня ждет водитель, — я высвободила свою ладонь из его мягкого захвата и первая вышла на крыльцо.

И затем удивлённо замерла, увидев на том месте, где должен был ждать меня Влад, машину Марка.

— Что-то случилось? — заметил мою растерянность Гоша.

Случилось! Еще как. Я не могу понять, что значит появление Марика. Влад был занят и папа заставил его? И что мне вообще ожидать от него? Или... а вдруг он не за мной? Последнему я бы очень обрадовалась.

— Нет-нет, все в порядке, — заверила я парня, качнув головой, и достала телефон, на который пришло уведомление о новом сообщении.

"Поля, Марк тебя ждет у входа" — писал папа.

Черт. Все же за мной. Плохо, потому что я не хотела портить этот вечер, но это точно случится. С Марком всегда так.

— Марик приехал? — Егор кивнул на черный "ауди" с тонированными окнами.

— Он, — согласилась и, надеясь на отрицательный ответ, спросила: — Хочешь с ним поздоровиться?

Клинов как-то криво усмехнулся и произнёс, доставая из кармана пачку сигарет:

— Он будет не рад мне.

О-о, ты не знаешь, как он будет не рад мне! Если сравнивать его отношение ко мне и к

другим людям, то с ними он просто лапочка.

— С чего ты решил? Вы же были друзьями.

— Ты правильно отметила — "были", — он щелкнул зажигалкой, зажег сигарету и поднес фильтр к губам. — Прошло уже... Шесть лет? Больше? Без разницы. Много поменялось.

"Неправда. Кое-что не поменялось совершенно", — возникла в голове горькая мысль. Ее сгенерировали тараканы, что напитались ядом Марика. Они мутировали, стали умнее и теперь пытались вразумить меня. Пока что тщетно, учитывая, что я каждый раз прикрываю Марка и вру отцу из-за него.

— Возможно, — отогнав мрачные думы прочь, произнесла я. — И мне пора. Марик меня ждет.

— Да, прости, что задержал, — Гоша затаился в последний раз, выпустил ментоловый дым и затушил бычок. — Я тебя наберу, окей?

Я кивнула парню и быстрым шагом пошла вперед, к парковке, мысленно готовя себя к тому, что мне испортят настроение. Только Марик может игнорировать и этим доставать до печенок.

Оказалась права. Едва я села на пассажирское сиденье, он безразличным взглядом посмотрел сквозь меня в зеркало заднего вида, завел машину и, выехав, спросил брезгливо:

— Ты куришь?

Я на миг опешила. С чего он взял? А затем вспомнила, что Лера и Рома курили в клубе, а сейчас еще и Гоша, и запах дыма мог "сесть" на мою одежду. Открыла рот, чтобы сказать ему правду, а потом разозлилась. Даже если и курю, то какая ему разница? Почему я должна оправдываться?

— И что с того? — вскинув бровь, с вызовом спросила я.

— Мне-то ничего, — брат пожал плечами, — но наш дорогой папочка расстроится, узнав, что у обожаемой доченьки есть грязные секреты от него.

Грязные секреты? Я еле сдержалась, чтобы не рассмеяться вслух. Все мои грязные секреты, Марик, связаны с тобой. И осознание этого так бесит.

— Дорогой мой братец, — язвительно начала я, — а не можешь ли ты засунуть куда-нибудь подальше свое фальшивое беспокойство? Мне решать, курить или нет, пить или опять же нет.

— Рад за тебя, — произнес сквозь зубы Марик и резко нажал на тормоз, отчего я чуть ли не упала, но еле успела выставив руки вперед.

— Ты что творишь?!

— Пристегиваться надо, — безразлично бросил он, повернувшись ко мне и...

Я не поняла, что это было. Каким-то невероятным образом я оказалась прижата его рукой к сидению.

— Что ты...

— Помолчи.

Склонился ко мне, сделал вдох и моментально отстранился. Завел машину и продолжил как ни в чем не бывало вести, пока я растерянно хлопала глазами.

Марк проверял, пила ли я??

— Какого черта ты себе позволяешь?! — возмущенно прошипела я.

— Все, что хочу. Особенно если ты едешь в моей машине, — с презрением припечатал он.

Мне показалось, что в этот миг у меня все внутренности обдало холодом. Ледяная струя растеклась по моему сердцу, впилась в него инеем, сжимая. До боли. До крови. До ярости.

Почему он намеренно играет на моих нервах?

— Останови, и я выйду, — стараясь, чтобы голос не дрожал от накативших вдруг слез, произнесла я. А затем сама удивилась своему голосу — ровному и можно даже сказать равнодушному, пока внутри царил хаос.

Марк, конечно, не выполнил мою просьбу. Он снова жестко поиздевался, ухмыляясь:

— А? Мне показалось или... — повернулся, скользнул по мне "пустым" взглядом. — Никого нет. Точно показалось.

— Останови, или я выпрыгну на ходу, — вонзила ногти в кожу ладони, чтобы не прокричать эти слова. Мне надо успокоиться, но какое спокойствие рядом с этим придурком?

— А сделаю-ка погромче музыку, — хмыкнул Марк, проигнорировав меня, нажал на какие-то кнопки, отчего басы заполнили салон.

Чертов ублюдок!

Сжав зубы, нашла ручку, готовая открыть, едва братец притормозит на светофоре, но какое же разочарование меня настигло, когда дверца не подалась! Он любезно ее заблокировал.

Ненавижу! Не сидел бы за рулем — собственноручно задушила бы.

Всю дорогу Марк делал вид, будто едет один и не ощущает моих испепеляющих взглядов. А я, смотря на его затылок, намеренно вспоминала все гадости, что он мне делал, все фразы, которыми он делал больнее, чем если бы ударил. Зачем? Потому что пока я злюсь, я не буду жалеть себя и плакать. И пока я злюсь, мне совершенно не стыдно за то, что бутылка сока, купленная в клубе, вдруг лишилась колпачка и теперь лежала на сиденье, понемногу опустошаясь на дорогую кожаную обивку. Мне так жаль, честно-честно! Но не могу же я не позволить бутылке то, что у нее превосходно получается, и не дать облегчиться? Вот именно, что не могу.

Поэтому, когда братец остановился у ворот дома и разблокировал двери, я еще сильнее наклонила несчастный бутылек, которому не терпелось стать пустым. Долго терпел, но мечты же имеют свойство сбываться? Сбылись они и у Марка!

Покидала его машину я с улыбкой. И с такой же широкой улыбкой я переступила через порог прихожей, переобулась, но дальше моему подобию хорошего настроения пришел конец:

— Как отдохнула, милая? — отец еще не спал, сидел в гостиной с чаем и какими-то бумагами. Фоном ему звучали круглосуточные новости, которые он иногда слушал.

Отдохнула? Все было прекрасно, пока не явился Марк, который перечеркнул все события вечера! Теперь меня будет долго воротить лишь от одного слова "клуб".

— Неплохо, па, — я растянула губы в улыбке. — Мы весело провели с друзьями время. Кстати, Карина передала тебе привет.

— Отлично, — папа отложил документы и посмотрел на меня... Нет, не на меня, на Марка, который завел в гараж свой "ауди" и зашел следом за мной. Интересно, он уже увидел соковую долину? Если нет, то еще лучше. С утра пораньше порадую себя его перекошенной физиономией. — Марк, я жду тебя своим кабинетом через полчаса.

— Это срочно? — раздраженно спросил он.

Кажется, заметил. Или нет? По его бесстрастному лицу сложно прочитать. Он,

почувствовав мой пытливый взгляд, тоже повернул голову в мою сторону...

Я первая отвернулась, чувствуя, как горят щеки. Его глаза, похожие на две болотные жижи, меня напрягают! За них бы его точно сожгли в Средние века. Как жаль, что "Молот ведьм" нынче не актуален.

— Срочно, — кивнул Довлатов-старший.

Брат ничего не ответил и поднялся к себе. Впрочем, он в своем репертуаре.

Папа, вздохнув, откинулся на диване, устало потер лоб. Черт! Из-за одного придурка я совсем замоталась и даже забыла спросить самого близкого человека, как он.

— Пап, тебе стоит взять отпуск, — я села рядом с ним и отняла папку, которую он собирался открыть. Отложила на стол и вручила взамен травяной чай. — Отдохнуть, съездить куда-нибудь. Можешь меня взять с собой — я буду следить, чтобы ты случайно не начал работать. Ну как тебе план?

— Я не против, — он издал короткий смешок, — если ты будешь следить, конечно.

— А Марка оставим в холодной Москве страдать и строчить отчеты, — продолжила я. — Ему будет полезно. Глядишь, и...

Что "и", я не договорила, вовремя прикусив язык. Папе я на брата никогда не жаловалась, а сейчас моя шпилька была бы вообще не к месту. Не после вчерашнего разговора.

— Глядишь, и перестанет дурью маяться, — закончила я совсем не так, как планировала.

— Возможно, ты права, — он сделал несколько глотков чая, поморщился и поставил чашку обратно на стол. — Я посмотрю, когда мы сможем куда-нибудь поехать.

Я не ослышалась?

— Серьезно? — переспросила я. — Ты действительно оставишь работу, и мы будем отдыхать?

Мужчина мягко улыбнулся, потрепал меня по голове и подтвердил:

— Будем. А Марка, как ты и планировала, оставим страдать.

Я, не сдержав громкого, но счастливого "ура", бросилась на шею папы.

— Ох как ты крепко обнимаешь, — делано закричал родитель, погладив меня по спине. — Мои старые кости трещат.

— Как люблю, так и обнимаю, ничего не знаю, — пробурчала я, но хватку ослабила. — Сделать тебе массаж?

Поднялась и, не став ждать ответ, принялась разминать его широкие плечи, снимая напряжение. Мы поболтали еще минут десять. Я делилась всем тем, что делала в его отсутствие, папа рассказывал разные истории. В его компании мне было спокойно, легко и... я ощущала буквально кожей любовь и нежность. Знать и чувствовать, что тебя любят — очень важно. Это дает энергию, необъяснимую силу, что дает выстоять и не прогнуться под проблемами, что подкидывает нам жизнь.

— Кстати, — спохватилась я, когда папа уже собрался и хотел подняться в кабинет, — как Влад?

— В смысле? — не понял папа.

— Ну, за мной приехал Марк, а не он... — замялась. — С ним все в порядке?

— Его Марик отпустил пораньше и сам решил за тобой заехать. Я был не против. Сладких снов, малышка.

— Сладких снов, — в ответ пожелала я, пытаюсь собрать мысли в кучу.

"Его Марик отпустил пораньше и сам решил за тобой заехать"...

Брат когда-нибудь станет хоть немного логичным? Иногда мне кажется, что он — одно огромное противоречие.

"Буду через полчаса. Гоша", — вывел сообщение экран телефона.

Я медленно выдохнула, поправила бежевый свитер и свободные голубые джинсы. Егор говорил, что отвезет меня в парк, и я выбирала максимально удобную одежду, но... Я сомневалась. Вдруг что-то не так? Может, надеть платье? Хотя его все равно под пальто видно не будет. Сейчас бы мне не помешал эмоциональный пинок от Карины, но подружки рядом не было — мама потащила ее в театр и до восьми вечера я вряд ли смогу с ней связаться.

Снова покрутилась у зеркала, придирчиво себя рассматривая. Немного подумав, все же накрасила губы и собрала волосы в высокий хвост. Снова взглянула на свое отражение...

Ну что со мной такое? Будто в первый раз...

Черт. Почти в первый раз. До этого дня меня никто не приглашал на прогулку. Нет, подходили знакомиться, брали номер телефона, но в итоге ничего — на следующий же день забывали о заверениях позвонить. А один парень, который активно ухаживал за мной, получив вожденное согласие на поход в кино, в тот же вечер вообще ввязался в драку и отсиживался после происшествия дома почти месяц. Везет же мне, правда?

"Уже подъехал. Жду тебя;)", — прочитала я следующее письмо, когда разблокировала смартфон.

Дважды черт!

Быстро сунула все нужное в сумочку, взяла ключи и похолодевшими пальцами напечатала "выхожу". Бегом преодолела лестницу, почти не глядя вперед, только под ноги, чтобы не свалиться.

И столкнулась с чем-то твердым. Точнее, с кем-то очень твердым, противным и с отвратительным характером.

Марк, что б его!

— Отойди, — прошипела, пытаюсь оттолкнуть его и пройти. Но он, конечно же "не заметил" меня и продолжал стоять истуканом посреди лестницы с телефоном в руках. И причем так, что хрен его обойдешь!

Вскинула голову, чтобы посмотреть на него, и замерла, замороженная нашей близостью. Я чувствовала его дыхание, запах, исходящий от него, едва заметную щетину на щеках...

Это все длилось несколько секунд. Очень долгих, безумно долгих секунд. А затем Марик, поддев меня плечом, прошел мимо. Как всегда. Я тянусь к нему, а он не видит меня.

Я же пустота. Почему каждый раз забываю о своей ненужности ему? Я — никто. И он тоже для меня...

— Никто. Я же сказал, что ничего не произошло, — будто сквозь пелену, услышала я раздраженный голос брата, который продолжил разговор с неведомым мне собеседником. Хотя скорее, собеседницей.

Качнула головой, прогоняя навязчивые мысли, и поспешила к Гоше. Он, наверное, заждался.

Клинов стоял недалеко от ворот, упершись на капот своей машины, с роскошным букетом чайных роз в руках. Заметив меня, махнул мне и направился навстречу. Мое настроение, которое до этого покоилось на дне, воспрянуло, вырастило крылья и поднялось чуть ли не до небес.

— Привет, красавица, — широко улыбнулся парень, протянув мне розы. — Самой прекрасной девушке самые прекрасные цветы.

— Привет, — смущенно поздоровалась я и приняла букет, чувствуя себя... Необычно. Эмоций было столько, что я в них потерялась. Безумный восторг, радость, обида на Марка и злость, восхищение цветами. — Спасибо большое, Гош. Они невероятные!

Осторожно коснулась нежно-розовых лепестков, склонилась к самим бутонам, готовая почувствовать "пластиковый" запах, какой бывает у всех покупных роз, но...

Яркий летний аромат ударил в нос, перенесся на миг в жаркий июль из промозглого октября. Необычно. Будто светлый-светлый, настоящий луговой мед смешали с фруктовым вареньем и сверху припорошили звездными ночами.

— Да, у них есть запах, — сообщил удивленной мне Егор. — Но шипов гораздо больше. Собирал в оранжерею сегодня утром и успел уколоть себе все, что только можно.

— Ты ограбил оранжерею?! — не поняла я. Даже цветы принялась разглядывать, словно на них мог быть штамп, указывающий их принадлежность.

— Можно и так сказать, — рассмеялся он и поспешил меня успокоить: — Не волнуйся, я разоряю только оранжерею своей семьи и то под чутким присмотром мамы. Без нее я бы притащил куст целиком и даже забыл бы обвязать лентой.

И пока я представляла такую картинку и думала, что Гоша ради меня собственноручно собирал букет, он сделал предложение, от которого просто невозможно было отказаться:

— Если захочешь, то я могу показать тебе остальные цветы. Например, радужные розы...

— Хочу! Очень хочу! — согласно кивнула раньше, чем он успел договорить и вообще передумать.

— Тогда едем, — сверкнул очередной обворожительной улыбкой парень.

— Я только отнесу эту прелесть и поставлю в воду, — снова вдохнула тонкий аромат лета, исходящий от бутонов. — Подождешь? Я быстро!

— Не вопрос, — спокойно отозвался Егор. — Готов смиренно ожидать тебя... До первого снега, по крайней мере.

— До снега? — вскинула я бровь.

— Ага, — хохотнул он. — А потом я буду вынужден ненадолго прервать свое смиренное ожидание, чтобы поменять летние шины на зимние.

— Он такой!.. — я счастливо выдохнула в телефон, прокрутив в голове сегодняшний вечер: оранжерею с невероятным множеством цветов разной масти, горячий шоколад с маршмеллоу, который мы пили в маленькой беседке, окруженной глициниями, его шутки и просто милые душевные разговоры ни о чем.

— И какой же? — протянула хитро Ринка.

— Добрый, интересный, с хорошим чувством юмора, симпатичный... — поудобнее устроилась на диване и продолжила, глядя на свой потолок, на котором я год назад нарисовала карту звездного неба.

— В общем, офигенный, — закончила за меня подруга и поторопила: — Лучше расскажи, как все прошло.

— Восхитительно, круто, невероятно...

— Поля!

Снова глупо улыбнулась и начала рассказывать:

— Гоша подарил мне букет, потом отвез посмотреть на цветы, потом мы пили какао и болтали.

— И все? — разочарованно протянула Карина.

— Не совсем, — покраснела я, сжимая в руках подушку. — Завтра вечером я снова иду на свидание! Ну как тебе новость?

— Ого-ого! А вот эта новость уже вселяет в меня надежду.

— На что? — я, заметив какое-то черное пятно из-за неплотно прикрытой двери, поднялась, чтобы посмотреть, что это там. Выглянула из комнаты — никого. Нахмурившись, заперлась на ключ.

— На маленьких Полиночек, конечно, — невозмутимо отозвалась она. — В будущем. А то такими темпами я думала, что разрешишь держать себя за руку годам так к семидесяти, а в восемьдесят созреешь и для чего-то большего, чем...

— Рина! — совсем смутилась я.

— Что "Рина"? Я ведь серьезно. Цветочки цветочками, но про ягоды не забудьте...

— Рина! — перебила я ее и, понизив голос, решила ей рассказать: — И вообще... Гоша попытался поцеловать, когда проводил до дома.

— О-о, а это уже хорошо, — начала она, потом замолкла и после короткой паузы переспросила: — Постой, почему "попытался"? Только не говори, что ты его оттолкнула! Полина, блин!

Я не стала говорить, Карина и сама догадалась, что ничего у него не вышло из-за меня. Не знаю, почему, но... Егор довез меня до дома, а потом, почти у самих ворот, где мы еще некоторое время болтали, не в силах распрощаться, склонился ко мне с определенными намерениями. А я мягко, но непреклонно оттолкнула его, едва почувствовала чужое дыхание на своих губах. Отчего-то не смогла. Я сама не поняла, почему, ведь он мне нравится, с ним интересно и весело. Может, нужно немного больше времени? Определенно это, потому что других вариантов быть не может.

— Ну ты даешь! Давай попробуем разобраться. Он тебе неприятен? — задала вопрос Рина.

— Наоборот, — призналась я.

— Тогда что не так?

— Не знаю, — выдала я чистую правду. — Наверное, просто не готова пока пускать его настолько близко.

Мы еще немного поболтали, и подруга завершила вызов, напоследок дав совет:

— Будь менее закрытой, Поль, и все станет ок.

Кивнув, пожелала ей сладких снов. В чем-то она права. Иначе как объяснить ту кучу потенциальных ухажеров, что теперь сторонится меня?

Следующим утром я впервые проспала. Кажется, только отложила выполненные домашние задания и легла в теплую постельку, как уже солнечные лучи бьют в глаза, а бедный телефон, спрятанный под подушкой, разрывается от рингтона будильника. Будильника, который четырежды переставлен на пятнадцать минут вперед!

Этот факт подействовал на меня как искра на пороховую бочку. Подорвавшись с постели, бросилась в ванную, молясь, чтобы Марк уже свалил и... Но нет, моим надеждам не суждено было сбыться. За закрытой дверью слышался плеск воды. С досады пнув несчастный предмет мебели, умылась на кухне и, выпив на ходу маленький бутылек йогурта, поднялась к себе, чтобы переодеться. Собралась за меньше, чем десять минут. Еще бы! Расписание

гласило, что первой парой стояла математика, а на нее опаздывать себе дороже.

— Поля? — папа удивленно посмотрел, как я чуть ли не лечу на крыльях поступающего страха с лестницы вниз, перепрыгивая через ступеньки. Да я никогда в жизни настолько не спешила, как сегодня!

— Па, прости, я убегаю! С меня очень вкусный ужин и десерт, — пообещала и, едва поравнялась с ним, чмокнула в колючую щеку. — Не забудь поесть и выпить таблетки. Сначала красную пилюлю, а после еды белую. В холодильнике осталась вчерашняя шарлотка. Люблю!

Попрощавшись с ним, вышла на крыльцо, чтобы замереть, едва заметила "ауди" брата, а не "шкоду", на которой ездил Влад. Прямо-таки дежавю. Или день сурка. Или осеннее обострение у Марка.

На этом странности не закончились.

Медленно опустилось стекло, открывая мне лицо мрачного брата, и он почти что приказал:

— Сядь в машину.

Ага, сейчас! Бегу, теряя тапочки и знание о том, какой его сюрприз ждет на заднем сидении.

Проигнорировав его, продолжила путь.

— Полина, садись в чертову машину. Нам надо поговорить.

Ускорила шаг. Ну что, нравится, когда на тебя не обращают внимание? Нравится, когда стучишься из раза в раз в глухую стену из пренебрежения, сбивая в кровь костяшки, а оппоненту плевать? У тебя отличная возможность почувствовать все на своей шкуре хоть разок!

Нет-нет, я не только злорадствовала, но и думала, что Марику могло от меня понадобится. Он прозрел и понял, как неправильно поступал со мной? Маловероятно. Судя по тону, до братца дошло, что он еще не до конца разнес мою нервную систему, и решил исправиться. Ну, или наконец увидел результат моей шалости и хочет придушить.

— Не беси меня, — вновь начал Марк, который плелся на самой низкой скорости за мной.

То есть ему бесить меня можно, а мне его в ответ нельзя?

Поджав губы, продолжила путь к остановке. Едет за мной? Да пожалуйста! Не мой бензин тратится и не мое время. Я поеду на автобусе и в целом ничего не потеряю. Подумаешь, приеду на несколько минут позже — не велика потеря, я все же опоздала на пару и теперь нет смысла спешить.

— Полина! — мне было до отвратительного приятно заходить в автобус под злой окрик Марика, а затем наблюдать за тем, как двери закрываются прямо перед его носом.

Я злая? А кто добрый по утрам? Вот Марк вообще не бывает ко мне снисходителен, и я могу позволить себе хоть раз поступить с ним так. К тому же я не хочу с ним общаться. Смысл, если разговор закончится ссорой и взаимными оскорблениями?

Но я совершенно забыла, что для брата не существует слова "нет" и "отвали" и что он всегда добивается своего, причем любыми путями. И этот день тоже не был исключением.

На большой перемене мы с однокурсниками решили сходить в кафе, расположенный недалеко от универа. Большой компанией вышли из здания, тем самым сыграв на руку Марку. Тот выскочил за нами и сразу же подошел ко мне.

— Отойдем на пару минут? — спросил, спрятав руки в карманы и окидывая меня

тяжелым взглядом.

Больше десятка пар глаз уставились на меня, ожидая ответ. Конечно, это ведь сам Марк Чернигов! Популярный красавчик, который вдруг снизошел до простенькой меня. Прекрасно же... для тех, кто обожает слухи. Осознавая, что любое слово может сыграть со мной злую шутку, молча кивнула. Окей. Отойдем.

Затем также молча последовала за ним до стены, скрытой от любопытных глаз приятелей аркой. Мне просто стало до боли интересно, из-за чего могло измениться его отношение ко мне. Это ведь точно не мои мольбы, не мои многолетние попытки наладить отношения, не мои слезы и моя боль. Но что же тогда?

Что сильнее и весомее перечисленного?

— Слушаю тебя, — поторопила я парня, сложив руки на груди.

— Ты не пойдешь с этим сосунком на свидание, — поставил перед фактом Марк. Спокойно. Сухо. Безразлично. В последнее время он общался со мной только таким тоном. Если, конечно, вдруг замечал мое существование, потому что я для него обычно пустое место. Но как бы я не хотела казаться безразличной к подобному отношению, это не так.

Каково быть никем? Когда смотрят на тебя, а видят стену, пол, шкаф, любимый нашим отцом персидский ковер, но не живое существо? Человека?

И теперь Марк вдруг решил начать мне указывать? Да пошел он... к своей пятой за текущую неделю девушке!

— Кто мне запретит? Ты? — вскинула я бровь. — А не много ли на себя берёшь... — сделала паузу и насмешливо добавила, зная, что тем самым вызову у него раздражение: — братик?

Он не переносит, когда кто-то напоминает ему лишний раз про нашу родственную связь. И поэтому ни одна душа в университете не в курсе того, что мы брат и сестра. Только по отцу, к счастью. Фамилии у нас разные, а одинаковые отчества — еще не повод считать семьей совершенно не похожих друг на друга людей.

— Полина, — мое имя в его исполнении звучит как оскорбление, которым Марк бьет наотмашь. — Ты. Не пойдешь. Точка.

— Отвали. От меня. Марк, — также выделяя каждое слово, произнесла я и попыталась уйти, но парень перегородил мне дорогу. — Что за?..

— Повторю еще раз, Полина, — он внезапно начал медленно надвигаться на меня, заставляя отступить, — ты не пойдешь на свидание с придурком, у которого одна цель: залезть в твои трусики.

Я моментально вспыхнула. Смущение и злость захлестнули с головой. Что Марк себе позволяет?!

— А какая тебе разница, кто будет лезть в мои трусы?! — следующий шаг назад принес очень неприятное осознание: я в тупике — за спиной лишь холодный кирпич университетской стены. — Это не твое дело. Может, я хочу, чтобы он...

Договорить я не успела — Марк налетел на меня, словно ураган. Накрыл собой и прошипел, обжигая дыханием шею:

— Еще одно слово, и я за себя не ручаюсь.

Я усмехнулась и, перед тем как его оттолкнуть, сообщила:

— Я хочу, чтобы Гоша стал моим парнем. И женщиной становиться я хочу с ним. Возможно, прямо после первого свидания и...

Тому, что произошло дальше, я не могу дать определение, значение и объяснение. Мы

просто сошли с ума.

Боже, мы просто сошли с ума...

Марк зло рыкнув, прижал меня сильнее к стене, стиснул мои запястья и... накрыл мои губы жестким поцелуем. И поцелуем ли? Он будто ставил на мне метку, выпивал мою душу до дна, чтобы взамен наполнить меня своим дыханием. Яростно, беспощадно, будто наказывая нас обоих за то, чего не должно было произойти, но происходит.

А я... Я тоже потеряла голову. Заболела. Забыла обо всем на свете. Я не менее жарко ответила на его прикосновения, задыхаясь от страсти, нежности, ненависти и чувства неправильности.

Нельзя. Так нельзя.

Но я кусаю его за губу и прижимаюсь крепче, чтобы он и не думал заканчивать бесконечно греховный поцелуй. Наслаждаюсь болезненной сладостью, снова и снова пытаюсь насытиться им.

Мы сошли с ума. О Боже...

— Оттолкни меня, — прошептал у самих губ Марк, перестав меня удерживать. — Поля, оттолкни!

Я не смогла. Хотела. Очень хотела, даже подняла ладони и положила на его бешено вздымающуюся грудь. Но не смогла. Руки сами обвились вокруг его крепкой шеи, а пальцы зарылись в его немного жестковатые русые волосы. Я задыхалась чаще, впитывая в себя его пьянящий запах, и прикрыла глаза.

— Поля, — полусшепот-полустон, в котором отчетливо ощущается отчаяние. Вязкое, отдающее горечью и обреченностью. — Еще один раз, Поля, последний раз...

Я сама подалась вперед, уничтожая те жалкие сантиметры, которые нас разделяли. Если падать в бездну, то сразу с головой. Если умирать, то с одного выстрела. Если любить...

А нам любить нельзя.

И я первая оттолкнула его, закрыла лицо ладонями, пытаюсь удержать слезы. Лавиной на меня нахлынуло понимание всей ситуации, и стало горько, тошно и обидно. Как пазл сложились все картинки из нашего прошлого, но итоговая картинка была неприглядной. В глазах остальных и вовсе отвратительной.

— Полина, эй, — он обнял меня, прижал мою голову к своему плечу. — Не плачь. Все, я успокоился.

Не смогла. Солёные капли все же вырвались наружу, обжигая кожу, а все те чувства, что сдерживала столько лет, пробили плотину.

О, Господи...

— Марик... — я сжала пальцы на его футболке. — Я извращенка, да? Почему я люблю тебя не так, как должна? Почему, скажи?

— Я тогда тоже извращенец, — усмехнулся. Горько. — Забудь и не думай ни о чем. Этого больше не повторится. Все будет как всегда.

Я задыхалась в своих словах, в его запахе и в своих ощущениях. Неправильных. Мерзких. Тех, что не должны быть.

Я не хотела забывать. Теперь не хотела, чтобы он снова отдалился от меня. А хотела того, о чем никогда не признаюсь вслух. Боже, так неправильно, так мерзко, так нельзя.

— Марик...

— Все будет хорошо, Поль, — он ласково гладил мои волосы, и его ладони будто обжигали меня своим прикосновением. — Я придумаю что-нибудь. Могу уехать. Мы

сделаем вид, что ничего не было.

Только от одной мысли, что его не будет рядом, все внутри будто покрылось инеем. Я бы что угодно отдала, чтобы вернуть время вспять. Чтобы ничего такого между нами не произошло, чтобы мы и дальше игнорировали друг друга, чтобы я и дальше пыталась ненавидеть его. А сейчас... Я упала прямиком в бездну, и самое страшное — я желаю в ней остаться, утонуть и дойти до самого дна.

— Нет, нет, нет, — покачала головой, прижимаясь к нему крепче. — Я хочу понять, почему? Почему?

Он тоже не знал ответ на чертов вопрос.

— Стена холодная, иди сюда, — Марик осторожно поднял меня и сел прямо на землю, устроив меня у себя на коленях. Затем отвел мои ладони от лица и, посмотрев в глаза своими потемневшими зелеными, произнес: — И прости меня, Поль. Простишь же?

— За что? — всхлипнув, спросила я, жадно его разглядывая.

Идеальные черты, ямочка на подбородке, родинка над губой, высокие скулы, растрепанные мною русые волосы с удлиненной челкой. На его лице читалось искренняя нежность.

Я обязательно его нарисую таким. Чтобы навсегда запечатлеть единственный момент, когда он был моим.

— За все. Я вел себя как последний урод, — немного шершавые пальцы стерли с моих щек слезы. Выдохнул сквозь сжатые зубы воздух. — Дьявол, Поля. Все летит к чертям! Я пытался бороться... Я ненавижу себя за все это, но я действительно старался держаться подальше. Не приходил домой, не смотрел на тебя, заставлял себя ненавидеть... Не получается. Кажется, я болен. Черт...

Я слушала его, кусая губы, на которых, будто клеймом, отпечатался его вкус, чтобы не разреветься. Как же все неправильно и сложно.

— Я просто болен на всю голову, — повторил, очерчивая мои скулы. Затем резко отдернул ладонь, словно обжегшись, сжал ее в кулак и снова выдохнул.

— И что мы будем делать? — спросила осторожно, накрывая его кулах своей рукой. Расслабила его пальцы и переплела со своими. Невинное прикосновение, ничего такого, просто кожа к коже. Можно же, правда? Можно. Держаться за руки можно.

Но даже от этого простого жеста под кожей словно прострелил ток, а сердце пойманной птицей забилось в груди. Оно, как я, искало выход, но его нет. Если сердце в клетке ребер, то я в цепях рассудка. Такого не должно, не должно было случиться.

Но тогда почему?..

— Мы? — слабо улыбнулся Марк. Растеряно. Как в тот злополучный день, когда рассказывал про ограбление киоска. Когда в последний раз доверился мне и когда я не смогла ему помочь.

— Ты и я, — широко улыбнулась, подавив в себе всхлип, и повторила те же слова: — Я тебя ни за что не оставлю, Марик. Уговаривала себя столько времени, пыталась ненавидеть, но не вышло. Кажется, ты обречен всю жизнь меня терпеть.

Он несколько долгих секунд смотрел на меня нечитаемым, просто непроницаемым взглядом, и я успела построить в голове кучу догадок и даже один раз поругаться с ним, как парень нежно улыбнулся мне. Все сомнения отпали. Я снова видела перед собой своего Марка, которого еще в шесть лет назад полюбила искренней любовью. Спустя столько лет недопониманий, ссор и боли, передо мной снова он. Без масок, без шипов в виде острых

шуток, просто Марк со своей улыбкой, от которой дыхание замирает.

— Мы будем... — снова улыбка. Светлая и яркая настолько, что я цепенею на миг. —

Завтракать для начала. Ты утром ничего не ела. Думаю, разок прогулять пары можно.

— А потом? — осторожно спросила, боясь спугнуть свое счастье.

Он поднялся вместе со мной, а затем аккуратно поставил меня на ноги, чтобы сразу же взять за руку. Я сжала его горячую ладонь.

— Жить, — коротко ответил Марк и повел меня в сторону парковки.

Жить. Каждый своей жизнью. Сделать вид, что ничего не произошло сегодня, и жить...

Так правильно, но почему от осознания этого легче не становится?

— Куда мы поедем? — задала вопрос, едва мы сели в машину, и он бережно застегнул на мне ремень безопасности. Сам.

— Увидишь, — загадочно ответил Марик. — Тебе должно понравится.

Я не стала говорить, что рядом с ним мне нравится буквально все, и хотела начать беседу о всяких глупостях, как...

Ой, черт.

Вспомнила о своем вчерашнем сюрпризе. Я честно не хотела пачкать сиденье, просто Марк тогда вывел меня из себя, и все произошло спонтанно. Но как ему это объяснить теперь? И не разрушу ли я наше хрупкое, как ростки диковинных цветов, перемирие такой мелочью?

— Поля? — только сейчас поняла, что брат что-то говорил мне, но я пропустила мимо ушей.

— Тут я, — прикусила губу, прикидывая в уме, как решить эту проблему. Я же говорила, что пальма первенства в невезении моя? Если нет, то сейчас самое время признать это.

— Что-то не так? — напряженно спросил он, сжав руль и поглядывая на меня. — Ты не хочешь никуда со мной ехать? Я тебя напрягаю? Давлю? Тебе непривычно? Поля, не молчи!

Покачав головой, я зажмурилась и... Была не была!

— Обещай, что не станешь ругаться или обижаться! И что ничего между нами не изменится.

Он некоторое время молчал, а затем совершенно постным тоном, отчего я не смогла понять его настроение, согласился:

— Обещаю. Что случилось, Поля?

— Позавчера я пролила сок.

— И?

Закрыла лицо еще и ладонями, лишь бы не видеть в его глазах упрек, и выпалила:

— Пролила сок на сиденье твоей машины. Прости. Мне так стыдно!

Я ожидала всего, но не того, что Марик вдруг... рассмеется! Удивленная реакцией, посмотрела на парня сквозь пальцы, чтобы удостовериться, не обманывает ли меня слух.

Нет. Он действительно веселился.

— И ты расстроилась из-за подобной ерунды? — насмешливо спросил Марк. — Забей. Бывает. К тому же я вчера... гм... заметил и съездил на мойку.

— Ты не понимаешь, я специально взяла и... — снова прикусила губу, собираясь с силами.

— Понимаю, я заслужил, — он легко пожал плечами, и я снова замерла, любуясь им.

Его широкими плечами, крепкой шеей — им целиком. Впервые за долгое время позволила себе просто изучать его, не прячась, но все равно стыдась. Неправильно. Это

неправильно. Надо бежать, спрятаться от себя и него, но никак не сидеть рядом и не...

Я не успеваю додумать, потому что мою мысль обрывает голос Марика, который решил нарушить возникшую паузу:

— Прости меня.

Коротко, немного грубо, но так искренне и честно. Я никогда не ждала громких красивых фраз, и мне с лихвой хватило сухого "прости", чтобы, будто по мановению волшебной палочки, перестали болеть нанесенные им раны. Боже, я за одну его улыбку уже все простила.

— Марик, — я задержала дыхание, надеясь передумать, но переубедить себя не получилось, — мы же обсудим...

Не договорила. Струсила. Но он догадался, что я имела в виду. Остановился на светофоре, посмотрел на меня и как-то устало кивнул:

— Позже.

Позже так позже. Мне и самой не хотелось с разбега прыгать в прошлое и копаться в нем, пытаюсь найти ответы на целую кучу вопросов. Позже, а сейчас я хочу впервые за долгое время делать то, что приносит мне огромное удовольствие.

Мне действительно понравилась небольшая кофейня с видом на старые улочки центра. Мягкий свет, куча зелени, уютные диванчики и запах какао — то, что нужно для расслабления. Мы выбрали самый дальний столик, скрытый ажурной перегородкой. Я заказала какое-то аппетитное пирожное и моккачино с высокой пеной зефирок, политых карамельным сиропом, а Марик ограничился лишь зеленым чаем.

— Когда ты так на меня смотришь, то у меня одно желание — взять и самой накормить тебя, — не выдержала я, когда очередной кусок пирожного чуть ли не попал в другое горло. — Заказать тебе что-нибудь на свой вкус?

— Нет, — брат качнул головой и, чуть склонившись ко мне, произнёс: — Я просто безумно соскучился.

Сжала со всей силы ручку чашки. Его голос... Он говорил даже больше, чем это сочетание слов. Слова — всего лишь мишура, настоящую роль играют тон и те чувства, что человек вкладывает в свою речь.

— Мы же видимся каждый день и вообще живем в одном доме, — взволнованно, боясь перейти ту черту, за которой нас сметет бушующий океан, ответила я.

— Но кажется, что в разных мирах, — Марк замолчал, и несколько секунд нашим фоном стали звон чашек, мой пульс и женский смех с соседнего столика, а затем попросил, глядя мне в глаза: — Я хочу тебя слушать. Поговори для меня.

В горле пересохло, сердце начало биться быстрее, чуть ли не оглушая меня моим же пульсом. Я перебираю в голове кучу фраз, все, что угодно, лишь бы позорно не разрыдаться от его нежности.

А когда-то давно он всегда просил меня улыбаться для него...

— О чем? — приходит в голову самый глупый вопрос, но я цепляюсь в него мёртвой хваткой. Хоть что-то в штормовом море, что бушует в голове.

— О чем угодно. Расскажи об учебе, своих картинах, красках, о том, что теперь любишь делать. О том, что читаешь, что смотришь, что... Да обо всем, — он немного нахмурился, пятерней прошелся по русым волосам, потом широко улыбнулся и добавил: — Можешь, кстати, поведать о том, как пришла идея поделиться соком с кожаным салоном. Я, между прочим, сел аккурат на сладкую жижу, даже не подозревая, что ты у нас настолько коварная

девушка.

Смутилась, но нашла, что сказать:

— Зато теперь у тебя...

И оборвала себя на полуслове, "зацепившись" в толпе вошедших в кафе за очень даже знакомые фигуры, которые направлялись напрямиком к нам!

— Полин? — позвал меня Марк и посмотрел туда, куда был направлен мой взгляд. Бритый и... девушка Марика уже почти дошли до нашего столика. — Какого... черта?!

Не знаю, какого черта или чего-то еще, но, радостно улыбнувшись, Бритый сел рядом со мной на диванчик, бесцеремонно подвинув меня в сторону. Девушка же заняла место рядом с братом, при этом чуть ли не залезла к нему на колени, но он вовремя ее остановил ледяным:

— Что ты здесь делаешь?

— Гуляю, — она ничуть не устыдилась. — Впрочем, и ты время зря не теряешь. Да, Ромик? Мы же мимо приходили?

Бритый вальяжно развалился на мягкой поверхности, взял мой кофе и, сделав несколько глотков, бодро отозвался:

— Ага. Мимо проходили, и тут твоя тачка. О, вкусный, кстати, напиток. Это латте?

Я немного пришла в себя после неприятной встречи и хотела съязвить, но Марик, тяжело посмотрев на друга, произнес таким тоном, что даже мне стало не по себе:

— Тебе не кажется, что ты забываешься?

Но парень и бровью не повел, отложил мою чашку и пожал плечами:

— Вроде не кажется. Но я просто понять не могу: а какого хрена ты делаешь рядом с... никем?

Меня захлестнула обида, злость, и даже мелькнула мысль, что сейчас все обернется злой шуткой. Окажется, что надо мной просто издеваются.

Посмотрела на брата, ища в нем хоть каплю поддержки, но столкнулась лишь с яростью. Не ко мне, разумеется.

И так напряженная атмосфера вокруг столика раскалилась до предела, что чуть ли искры не посыпались между, вероятно, уже бывшими друзьями. Но радость этой гипотезе была быстройтечной, потому что в следующий миг рывком поднялся Марк. И я знала, для чего.

— Марик, пожалуйста! — поднялась следом. Мой голос срывался. На меня накатила внезапно паника от того, что сейчас будет драка. — Давай уйдем?

— Нет, давай, снова устроим мордобой. Мне как раз надо обновить синяки, — с кривой ухмылкой Бритый тоже встал с дивана.

— Ромик, тебе что-нибудь заказать? — проворковала вдруг подружка Марка жутко приторным тоном, изучая меню.

Просто шикарно! Что за цирк они устраивают?!

— Закажи себе для начала мозги, пожалуйста, — прошипела я и вышла из-за стола, надеясь, что брат последует моему примеру.

— Разве я могу отказать старому другу? — Марик размял плечи. — Идем выйдем... Ромик.

— Выйдем, — согласно кивнул Бритый. — И я наконец-то разукрашу твое смазливое личико.

— Думаешь? — как-то даже лениво спросил брат. — Ну надейся. А... черт, стой,

"надейся" — это ведь твой девиз по жизни? Надейся, и что-нибудь перепадет. Да, Даша?

— Я Олеся, — вспыхнула девушка, покраснев.

Марк проигнорировав ее поправку, продолжил:

— Надейся, и найдешь момент ударить в спину. Идем.

Я растерялась и не вмешалась, и парни покинули кофейню. Блин! Что делать? Не в полицию же звонить, правда? Быстро взяла куртку Марка и хотела было уже броситься к дверям, как снова активизировалась Олеся:

— Он оставил меня из-за тебя, маленькая дрянь. Думала, я тебе это так просто оставлю?

Боже! Какой же надо быть гадкой и беспринципной, чтобы вот так вот сталкивать людей?! Мне стало противно от нее и от ситуации в целом.

— А ты уверена, что вы встречались? Знаешь, когда люди встречаются, они запоминают хотя бы имя партнера. Поразмышляй об этом на досуге, — и больше не медля, направилась на выход.

Только бы успеть, пока он не натворил бед!

Не успела. Я бежала, как могла, но все равно не успела: Бритый, одной рукой вытирая кровь из, скорее всего сломанного, носа, уходил от точных ударов Марка.

— Хватит! — я вцепилась в руку брата, чтобы он прекратил. — Прошу тебя, Марик. Оставь его, а?

— Какая вы милая парочка, — расхохотался Бритый. — Лишь нюанс в том, что вы родня... Но в семье не без уродов, верно?

— Поля, отойди, — он расцепил мои пальцы со своего запястья, но я, не сдавшись, обняла его за спину. — Твою мать, Поля!

— Меня сейчас стошнит радугой, — ослабился Рома, стирая рукавом кровь и продолжая провоцировать. Он специально злит брата. Только чего добивается?! — Какая любовь! Какие...

— Полина, не вмешивайся, — Марк оторвал меня от себя и сделал шаг в сторону Бритого.

Я снова попыталась его остановить, но, запнувшись о какой-то камень, упала прямо на колени, больно ударилась об асфальт и счесала ладони, которыми уперлась в землю.

Не успела осознать, что произошло, как Марик уже поднимал меня с твердой поверхности.

— Ты как? Где болит? Сильно больно? Прости... — проговорил он виновато, осматривая мои коленки. — Здесь больно?

Если честно, больно было в момент столкновения, а сейчас она притупилась, но... Я оглянулась на ухмыляющегося Бритого и с уверенностью соврала:

— Очень больно! — всхлипнула, чтобы было более убедительно. Что-то во мне требовало увести Марка, пока ничего не произошло: Бритый ведет себя более чем странно. — И ладони...

Показала немного кровавые царапины и тихонько выдохнула. Кажется, лишь за это мне должны вручить "Оскар".

— Отвези меня домой.

И в итоге у меня получилось: проигнорировав очередную хлесткую насмешку со стороны бывшего друга, брат сел со мной в машину. Злой, напряженный и еле сдерживающий себя. Рома поступил подло и жестко, но при этом... Почему чувствовала себя виноватой я?

— Давай сначала уедем отсюда? — попросила, когда он достал аптечку, чтобы обработать мои ранки.

— Нет, — уверенно ответил Марк.

Промокнул вату перекисью — быстро, резко, а затем осторожно обхватил мою правую кисть, притягивая к себе мою руку. И так же осторожно провел по коже ваткой, стирая кровь и грязь.

Я задержала дыхание и зажмурилась.

— Потерпи, — сказал он и взялся за другую ладонь.

Не знаю, от чего жгло больше — от перекиси или его нежности. Не знаю, из-за чего на глазах собирались слезы: от слов Бритого или от своих чувств. Лишь одно понимала ясно: этот день — одна огромная ошибка, и его надо забыть. Запрятать куда-нибудь вглубь памяти, на самую дальнюю полку, покрыть пылью и паутинками и ни за что не вытаскивать на свет.

Марк молча закончил обрабатывать, заклеил пластырем царапины и, убрав аптечку, так же молча завел машину. Всю дорогу до дома мы не общались — кажется, каждого из нас терзали собственные мысли. Меня уж точно. Будто наяву, я слышала снова и снова ядовитые фразы Ромы и думала-думала. Кусала губы, вспоминала нашу посиделку и искала хоть малейшую вещь, что выбивалась бы из отношений "брат-сестра". А едва "ауди" оказался у самих ворот, я, не став больше колебаться, выпалила:

— Нам надо поговорить.

Он повернулся ко мне и кивнул, остановив авто:

— Хорошо. Говори.

— Все, что сегодня... — опустила глаза и сглотнула. — Все, что сегодня произошло, это просто... Этого не должно было быть, Марик. О, черт, у нас один отец, мы брат и сестра... Мы не должны так... Мы неправильно поступили.

Все тщательно подобранные слова для этого разговора закончились, и повисла тягучая пауза. Напряженная, ранящая своими острыми гранями нервы.

— Скажи хоть что-нибудь! — взмолилась я, не выдержав тяжести тишины. — Не молчи, прошу тебя.

— А что мне сказать? — его голос звучал с несвойственным ему надрывом.

— Что ты согласен со мной? — я сжала пальцы, осознанно причиняя себе боль. — Что ты забудешь? Что это пройдет?

Марк рассмеялся. И я не поняла, смеялся он надо мной, над собой или над всей ситуацией в целом.

— Посмотри на меня, — его пальцы сжали мой подбородок и приподняли. — Хочешь услышать ложь? Окей, я совру. Все пройдет. Я забуду. И ты забудешь. Но теперь перейдем к правде.

— Марик...

Кожу на подбородке печет, а его дыхание, что касается лица, оставляет тысячи мурашек. Бритый был прав. Я совершенно мерзкая.

— Я ни черта не забуду, Полина. Столько лет не забывал, думаешь, теперь смогу?! — с отчаянием, смешанным со злостью, спросил Марк. — Может, ты и сможешь, а я, кажется, полностью отравлен тобой. Я знаю, что это все неправильно. Я знаю, черт подери!

Он опустил мое лицо, на миг закрыл глаза, успокаиваясь, и когда снова открыл, из него будто вытащили все чувства. На красивом лице ни единой эмоции, а в глазах такой холод, что я неосознанно передернула плечами. Только голос — уставший, глухой, выдавал его

истинное состояние:

— Никакого Гоши и никаких свиданий.

— Ты не можешь говорить мне такое! — вспыхнула я.

— Правда? — с мрачной усмешкой приподнял бровь, заводя машину и направляя ее в гараж. — Интересно. Повторяю: никакого Гоши и свиданий. Как видишь, могу и говорю.

Я готова была взвыть! Вот куда делся милый Марк? Почему передо мной снова тот, кого я давно мечтаю как минимум придушить? Причем отнюдь не из-за сильной любви.

— Ты меня бесишь, — выдала я чистосердечное признание. — Невыносимо просто бесишь.

— Как видишь, я тоже не полностью тобой доволен, — пожал плечами, произнес Марик. Открыл через пульт двери гаража, припарковался...

Что?!

— Ты что творишь?! — возмущенно воскликнула я, когда дверь с моей стороны распахнулась и меня бесцеремонно подняли на руки.

Я ради интереса посмотрела вниз — высоко! Надеюсь, он меня не уронит. По приколу, мало ли. Потому вцепилась на всякий случай в его плечи.

— Бешу тебя и дальше, — спокойно отозвался брат и потащил меня в дом. И с таким видом, будто каждый день так носит! — Кто ныл о том, как больно?

Вообще, да, колени саднили, но в целом я могла и сама добраться до своей комнаты.

— Отпусти меня!

А он взял и расслабил ладони, из-за чего я немного скользнула вниз. О, Боже! Еще сильнее ухватилась за парня и даже за шею обняла.

— Да ты... ты просто! — у меня слов не нашлось. Цензурных, по крайней мере. — Не так отпустить!

— Ты не уточнила, как именно. А я исполняю твои желания, между прочим, — хмыкнул Марк, прижав меня к себе. Крепко. Надежно.

Я позволила себе лишь на несколько минут забыть. Просто закрыть глаза, ощущать его дыхание, стук сердца, тепло и самый родной запах, при этом ни о чем не задумываться. Только сейчас, а потом я обязательно возьму себя в руки и буду... сторониться. И его, и свои мутированные чувства.

Марик остановился у лестницы, задумчиво посмотрел наверх, а затем произнес невероятное:

— Приготовишь мне что-нибудь? Готов съесть даже слона, — широко улыбнулся и лукаво добавил: — Ну, или пересоленный суп и подгоревшее мясо.

— Ты помнишь?? — удивленно переспросила.

— О, я этот восхитительный вкус не забуду нико... — я несильно ударила его по плечу, чтобы не издевался, и парень весело рассмеялся. — Что? Я ведь откровенен как никогда!

— Что было, то прошло, — смутившись от нахлынувших воспоминаний, поспешила закрыть тему я. — Сейчас я гораздо лучше готовлю.

— Поль, не волнуйся, мне и тот ужин безумно понравился. Честно.

— Соленый и горелый? — приподняла я бровь.

— Это все нюансы, а главное — ты сама старательно его солила и палила, — Марик опустил меня на кухне. — Я ведь все съел, помнишь?

Пять лет назад

Сегодня я впервые решила приготовить ужин сама, без помощи домработницы. Было немного страшно, но Марк меня заверил, что верит в меня и в свой желудок, который способен переварить и совсем несъедобное.

— Когда-то я жевал сырую картошку с луком, — слегка поморщившись, вдруг сказал брат. — После этого все ерунда.

— Сырую? — я оглянулась на него. — Почему?

— От голода, — он легко пожал плечами, а затем улыбнулся и заправил мой выбившийся из косички локон. — Будем сегодня рубиться в "ГТА"? Мне тут Гоша крутую штуку рассказал, надо бы опробовать...

Когда Марик говорит об играх, то его уже не остановить, но я умудрилась его перебить:

— Подожди-подожди, расскажи мне, пожалуйста, как вышло, что... — запнулась, не в силах повторить его слова.

Они не укладывались в моей голове. Как так? Слишком звучало... странно, нереалистично и дико, но при этом я знала: Марик мне никогда не лжет. Недоговаривает иногда, конечно, но не врет.

— Забей, потом как-нибудь, — снова отмахнулся брат. Взял со стола большое яблоко и вгрызся в красный бок фрукта. — Сколько время? Капец! Мне пора на бокс.

И он, поднявшись, хотел сбежать от меня и моих вопросов. Вот... гад!

— Марик! — возмущенно крикнула я. — Я ведь все равно от тебя не отстану.

— Все потом, малышка, — меня потрепали по голове и шутливо пригрозил: — Чтобы к моему возвращению ужин был готов, иначе...

— Иначе?

— Иначе будешь расчесывать свои волосы сама, — нашелся Марк после короткой паузы. — И вообще, не мужское это дело. Я до сих пор в шоке, что поддался на твои уговоры!

— А я тогда возьму и подстригусь, — пригрозила я, ничуть не обидевшись. — Не мне нравятся длинные волосы.

— Все-все, забираю свои слова обратно! — хмыкнул Марик. — И с тобой я живу? Шантажистка.

— И с тобой я живу? Молчун и убегун! — парировала я и уже серьезно спросила: — Ты же мне расскажешь, правда?

По красивым губам скользнула кривая улыбка. Он отвел взгляд, будто боялся, что что-то прочитаю у него в глазах, и кивнул:

— Когда-нибудь. Не сейчас.

Я тяжело вздохнула и закатила глаза. И ведь знает, что не полезу добывать волнующую информацию силой и буду ждать эти самые "когда-нибудь" и "не сейчас". И нет, не потому, что обладаю супер терпением, а потому что Марик пока не готов открыться, и я не имею права настаивать. Кажется, жизнь его успела и без меня знатно потрепать. А я должна быть его поддержкой, а не... неприятным человеком.

Коротко попрощавшись с братом и заставив того дать обещание не перекусывать ничем по дороге, подошла к холодильнику, чтобы достать необходимые продукты. На ужин я собиралась готовить любимый Марком гороховый суп — на первое, и на второе жаркое, уже обожаемое блюдо папы. Мне так хотелось их накормить и вообще порадовать. Настолько, что я перестаралась...

Все пошло наперекосяк. Я сто раз проверяла "соленость" супа и добавляла соль, пытаюсь добиться идеальности, что в итоге просто-напросто пересолила. А пока я заливалась слезами

и сетовала на свой перфекционизм, жаркое стало из "жаркого" "паленым". Вся вода испарилась, а кусочки мяса и овощей сначала круто так пожарились на оставшемся масле, чтобы потом благополучно прилипнуть к стенкам казана и начать подгорать. И когда я выключила плиту, то запах гари уже заполнил всю кухню.

— Пожалуйста, только бы было съедобно, только бы... — шептала я, открывая крышку и выпуская горький дым. — Только бы...

Надежда умерла так же быстро, как рассеялся пар по большой кухне. То, что я увидела на дне котелка, просто вырвал одним своим видом из меня стержень. Картошка скукожилась от обезвоживания, лук я вообще не сумела разглядеть, морковь повторила печальную судьбу картошки, а про мясо лучше промолчать. Но самое ужасное — противный запах гари, что никак не выветривался.

Я, едва сдерживая рыдания, села прямо на пол, обхватив колени руками.

Сейчас должен вернуться Марик, еще через час папа, а у меня уже просто нет сил и желания готовить и вряд ли еще появится. Меня словно тоже пережарили и пересолили.

Черт. А я ведь просила брата не есть на улице и бежать домой! Хвасталась, что многому научилась и теперь могу сама что-то сделать, кроме как яичницы и гречки.

Какая я самоуверенная дура...

Как назло, хлопнула дверь. Вернулся Марик. Послышались торопливые шаги.

— Поля, что горит? Где горит? Ты как? — его встревоженный голос стал последней каплей, и на меня со всей дури упала истерика. Упала и раздавила.

Жаль, только морально, потому что теперь я понятия не имею, как смотреть в глаза Марку.

— Я сейчас поту... — брат замер с огнетушителем в руках на пороге.

Спрятала лицо, уткнувшись в колени. Боже, какой стыд!.. Он ждал вкусный ужин, а получил...

Звякнул баллон огнетушителя, снова слышались шаги, но теперь в мою сторону.

— Кажется, ты тут все сама уже потушила слезами, — бодро произнес Марк, присаживаясь рядом на корточки. — Ничего уже не дымится, Полинка. Чего продолжаем реветь?

Прикусила губы, чтобы не начать рыдать в голос. Как же стыдно и обидно!

— Эй, малышка, эй... — он осторожно придвинул меня к себе, обнял. — Ну чего ты? Перестань, я не запрограммирован утешать плачущих девочек. Где у тебя кнопка отключения воды? Ты же нас затопишь!..

— Не преувеличивай, — снова всхлипнула и прижалась к его груди.

— Да ты просто солёный пруд, который успела наплакать, не видела. Мне, чтобы попасть домой, пришлось переплыть его! Оу... А теперь, вместо того, чтобы благодарить и гордиться моим подвигом, нагло слюнявишь меня, Полин.

— Я? — возмущенно прохрипела и хотела оттолкнуть Марка, но тот не пустил и лишь рассмеялся.

— Ты такая обворожительная, когда делаешь вид, что злишься, — с умилением протянул он. — Даже с красными глазками и распухшим носиком...

А вот теперь я реально разозлилась и вырвалась из кольца теплых рук. Мне плохо, а он издевается!

— Иди ты!

— О, все, дуешься — значит, в норме, — меня вернули обратно и сжали еще крепче, а

я... я не стала сопротивляться. — Ну что ж, рассказывай. Кто горел? Почему меня не позвала на аутодафе?

Губы сами расплылись в широкой улыбке. Марик. Ну вот кто еще может вызвать улыбку, даже когда все хреннее некуда? Произошедшее казалось тогда концом света, трагедией чуть ли мирового масштаба, но пришел Марк и мгновенно меня успокоил.

— Хотела сжечь твои комиксы, но не вышло, — рукавом вытерла мокрое лицо

— Комиксы? — он вскинул бровь. — А чем они тебе не угодили?

— А нечего на них кучу времени тратить, — невозмутимо ответила. — Я, может, ревную.

— Вот как, — и спросил, посмеиваясь: — Ну и как так вышло, ревнивица, что в итоге моя коллекция не пострадала, а вот ужин немного... поддумянился?

"Поддумянился". Из горла вырвался смешок. Ага, там такая корочка, что уголь позавидует.

— Суп при трагических обстоятельствах пересолился, и пока я его оплакивала, жаркое принесло себя в жертву во имя твоих журналов, — печально отозвалась. — Мне теперь два трупа прятать в мусорное ведро. Пусть свалка будет им пухом. Аминь.

— Ну ты даешь, малышка. Ладно, поднимайся, уберемся по-быстрому, и я попробую твои шедевры.

Марк встал первым, потом поднял меня, удивленно переваривающую его слова, и принялся убирать лишние тарелки в мойку. Потом открыл окна...

— Так, стоп, что ты будешь пробовать? — до меня никак не доходило. — Пересоленный суп и подгоревшее второе? Я больше ничего не готовила. И вряд ли буду. Кажется, это не мое, Марик...

— Я же говорил, что всеядный? Так вот, буду оценивать твой труд. Если меня не убили красная икра и оливки, то и это не убьет.

Он говорил легко и просто, словно каждый день утешает по сто зареванных Полин.

— Что стоим? Ну вот куда мир катится, а? Меня нагло взяли в кухонное рабство, заставляют мыть посуду...

Я была в какой-то прострации, а Марк, делано ворчливым тоном, жаловался на жизнь и на меня столь комично, что стало жаль, что нет в руках фотоаппарата. Убрался, затем, несмотря на мой протест, прилично так положил к себе в тарелки супа и жаркое.

— Пошутили и хватит, — попыталась я призвать к благоразумию парня. — Мы же решили, что закажем пиццу.

Так как время уже близилось к восьми, брат предложил не париться и купить пиццу. Папа вряд ли будет против.

— А я и не шучу, Поль. Подай сухари, начну с супа.

Я машинально сделала, как он велел, и с огромными глазами продолжила наблюдать за тем, как он ест. Он. Ест. В голове не укладывалось.

— Марик, хватит...

— А я люблю, кстати, соленое, — беззаботно произнес Марк, отправляя очередную ложку в рот.

Врун. Не любит. Острое вот да, даже сейчас добавил красный перец в тарелку.

— Марик, вода, — я поставила перед ним наполненный стакан. После подумала и притащила всю бутылку. — И прекрати. Я серьезно.

— Я тоже серьезно. Голоден как волк, не мешай.

Он все доел. Даже "румяную" картошку и мясо. Не морщился, а поддерживал и чуть ли не добавку просил. Его поступок был не самый обдуманый, но настолько искренний, что...

Я загорелась идеей научиться готовить и справляться с бытовыми проблемами. И не потому, что хотела уделывать кого-то и доказать что-то, нет. Я безумно хотела, чтобы в следующий раз Марик ел мою стряпню и ему действительно понравилось. Чтобы он получил такое же удовольствие, которое сегодня получила я, когда он мне помог. Ну, или почти такое же — вряд ли можно испытать от еды ту феерию ощущений, что испытала я от его поддержки.

В тот день я так и не пошла никуда. Сначала я готовила, параллельно болтая с Марком, а после поехала помогать папе с делами. А Гоше пришлось написать, что появились непредвиденные обстоятельства, и пойти на свидание не смогу.

"Очень жаль. Раз так, то, окей, в другой раз. Но я обязательно жду тебя с Риной завтра вечером в "Орбите". Мы с парнями будем выступать", — ответил почти сразу парень.

Я тогда отделалась туманным обещанием посмотреть на обстоятельства и поскорее отложила телефон. Не хотелось тратить время на что-то или кого-то, кроме него. Как там мне говорил сам Марик? Что соскучился и что мы жили будто в разных мирах? Я только сейчас поняла, как же мне его не хватало эти несколько лет. Действительно, вроде проживали в одном доме, но такое чувство, что даже не в разных мирах — Вселенных. И тот факт, что теперь можно с ним общаться и не беспокоиться о прошлом, делало меня безумно радостной. Настолько, что я, кажется, опьянела от счастья, и наделала глупостей.

Легла в свою постель с тем же ощущением счастья в груди. Мы с Мариком, как в старые добрые времена, играли после сытного ужина в монополию и рубились в старую версию ГТА*, которую он где-то откопал. Широко улыбнулась, вспомнив, что в этот раз победа была на моей стороне, и собралась спать, как меня отвлекло уведомление о новом сообщении, пришедшее на смартфон. С глупой улыбкой на губах взяла в руки гаджет, чтобы глянуть одним глазом, кому и что от меня на надо...

"Неизвестный номер: Я знаю твой грязный секрет, Полечка. Очень грязный и мерзкий. И когда это видео увидит твой папаша, то представь его реакцию сама, моя испорченная девочка"

Я сначала посчитала, что это какой-то розыгрыш или спам. Нахмурившись, открыла послание полностью и едва сумела сделать следующий вздох. Воздух, будто самый опасный яд, обжег горло и легкие, а пальцы задрожали, и я чуть ли не выронила телефон на пол.

Не может быть.

Не может...

Не може...

Может.

Похолодевшим пальцем нажала на "плэй", запуская видео. Уже заставка с очень знакомым местом — той самой университетской стеной, говорила о многом, и я уже знала, что на записи. Знала, но хотела... А чего я хотела? Сделать себе еще больнее, чем сейчас? Или вогнать себя в еще большую трясику страха? Не могла себе ответить, когда смотрела на наш с Мариком злополучный поцелуй. На нашу самую страшную ошибку, расплата за которую будет непомерно высокой. Да, неправильно, да, извращенно.

Но я не могу отвести взгляд. Там отчетливо видно меня — точнее, запись размытая, потому что снимали издалека и с приближением, но мое лицо можно разобрать. Крепкий затылок Марика тоже не спутать ни с чьим из-за прически. Да и одежда...

Черт. Сжав тонкий смартфон до боли в пальцах, зажмурилась, лишь бы не заплакать. Боже... Это конец. Если папа узнает, если...

Всю ночь я не спала. Сидела на подоконнике и, открыв форточку, пыталась надышаться свежим воздухом. Я задыхалась. Чувствовала себя тонущей в болоте, бессмысленно барахтающейся и безнадежно зовущей на помощь. Думала, кто так мог поступить. Кто

сегодня был рядом со мной? Кто пошел за мной и Марком, когда мы отошли поговорить? Или...

Рядом с той пристройкой футбольная площадка и спортивный зал. Вдруг оттуда?.. Но все мои предположения разбивались вдребезги, столкнувшись об еще один факт: аноним был в курсе нашего кровного родства.

Заснула я беспокойным сном ближе к четверем утра, так и не придумав ничего путного. Но одно осознала точно: надо убить в себе эти мутировавшие чувства, задавить их безжалостно, пока ничего не вышло из-под контроля.

Громкие биты действовали на нервы, от душной атмосферы клуба начинало подташнивать, однако я старательно терпела и давила в себе порыв уйти.

— Круто поют, правда? — счастливо улыбаясь, прокричала Ринка и, не дожидаясь моего ответа, снова влилась в толпу танцующих.

Я вымученно улыбнулась. Да, Гоша и Ник действительно неплохо пели для не профи, и я бы наслаждалась музыкой, если бы не несколько "но". Основательных таких.

Первое — уже два пропущенных от Марика, которого я сегодня весь день избегала, настораживали. Он просил меня подождать его после пар около остановки, но я струсила и... И поехала к Карине. После мы с ней пришли в клуб на выступление группы Егора. Да веду себя как ребенок, но я не знаю, как быть. Я потерялась, и помочь распутать клубок дорог мне никто не спешит.

Второе — злополучное видео. Весь день в универе мне казалось, что за мной следят, и кто-то, ухмыляясь, готовится нанести следующий удар. Или однокурсники знают, что произошло вчера. Мне было стыдно, страшно и так невыносимо больно. Понимание того, каким же отвратительным является наш с Марком поступок, пришло лишь сейчас, и я медленно сгорала каждый раз, когда ловила на себе чьи-то взгляды или слышала приглушенный смех и шепот.

— Эй, Поля, — растормошила Карина. — Выступление закончилось, идем.

Кивнув, пошла за ней, даже не спрашивая, куда. Мы снова направились к той незаметной двери за кулисами, а за ней уже стояли Егор, Никита и Рома уже без сценических костюмов — в обычных футболках и джинсах.

— И как мы сегодня зажгли, красавицы? — Ромка бесцеремонно приобнял за плечи меня и Рину. — Круто получилось?

— Еще как! Мы с Полей получили нереальный кайф, — с восхищением отозвалась подруга.

— Плюсую. Мне кажется, вам пора задуматься о музыкальной карьере, — поддержала Карину, осторожно освобождаясь от наглых руки.

— Спасибо, посмотрим, как пойдет, — Гоша ответил вместо друга. — Ладно, давайте наверх. Там кое-кто нас уже заждался.

Рома широко ухмыльнулся и хотел что-то сказать, но молчавший до этого Ник припечатал:

— Заткнись.

— Да ладно, не кипятись. Подумаешь, тебя Лерка...

Что там Лерка, он не договорил — Гоша бросил на парня такой взгляд, что даже мне стало непосебе.

— Сорри, молчу уже, — приподняв вверх ладони, стусевался Рома и первым двинулся

вперед.

— Ого! Как там? В тихом омуте и черти водятся, — хмыкнула Карина. Только на нее никак не подействовала маленькая перепалка ребят.

— Ты про Гошу? — шепотом уточнила я. А голове никак не клеился образ спокойного и доброго парня с той агрессией, что исходила от него минуту назад.

— Да я про всех, Полечка. Но не морочь сейчас этим голову, мы же пришли веселиться по полной! Или я не права?

— Права, — вынуждена была признать я.

— Ага, правильный ответ! Тогда сначала поедим, а потом снова пойдём на танцпол, — заключила довольная девушка.

Лера ждала нас, сидя за тем же столиком, за которым мы собрались в прошлый раз. Недовольно посмотрела на наручные часы и заключила:

— Вы опоздали на семь минут. Совести у вас нет.

— Прости, малыш, — Ник обнял свою девушку, — грим смывали. Стойкий, что б его.

— Но совести у них все равно нет, — добавил весело Рома. — За нее не платят.

— За то, что мы тебя терпим, нам тоже никто не платит, — легко пожал плечами Гоша. — Но не будем о грустном. Как ваши дела, девчонки?..

Дальнейшая беседа потекла, как и в тот раз — плавно и непринужденно. Парни шутили, рассказывали забавные истории, которые смешно комментировала Лера.

— Кажется, я дошла до кондиции — самое время для танцев, — допив свою "Пина Коладу", заявила Карина. — Кто со мной?

— Я не откажусь, — чуть подумав, поднялась Лерка. — Никит? Ты со мной?

— Думаешь, я отпущу тебя в этом платье одну? — парень снова поправил ее подол. — Твою мать! Завтра же куплю паранджу.

— Полин? Гоша? — перевела взгляд на меня и Егора подруга.

— Пока не хочется, — я покачала головой.

— Идите без меня. Потом догоню, — ответил парень, оторвавшись на миг от телефона. Он что-то сосредоточенно печатал.

Ребята ушли, а я, посидев еще немного, решила взять в руки свой смартфон. Несколько писем от Марика, которые побоялась открыть, сообщение от папы — на него я ответила, пять пропущенных от брата и ни единой весточки от "неизвестного". Номер был скрыт, к тому же я не могла писать ему, окошечка "ответить" просто-напросто не было. Ночью я не обратила внимание, но сегодня целый день ломала голову над этим. Зачем так заморачиваться анониму? Чего он добивается?

Прикусив губу, убрала гаджет в сумочку и собралась было встать, но в эту же секунду начал подниматься Егор, сидящий рядом, и мы неловко столкнулись в достаточно тесном пространстве. Я вновь села, чтобы он сначала вышел из-за стола. Но его рукав умудрился зацепиться за почти полную соусницу, и часть кетчупа, прежде чем планировать на пол, оказалась на моей блузке.

Я неосознанно поморщилась, почувствовав, как холодный соус через ткань касается моей кожи.

— О, черт! Прости, пожалуйста! — мгновенно среагировал парень.

— Ничего страшного, после стирки даже следа не останется, — заверила его я, пытаюсь найти на столе бумажные салфетки. Не нашла ни одной — использованные убрали официанты, а новые забыли принести.

— Мне так жаль. Давай я покажу тебе туалет? Идем, я помогу.

— Нет-нет, я и сама...

— Поля, я виноват — я помогу, — уверенным тоном отрезал Гоша.

Он отвел меня в туалет. Большое помещение с раковиной и широким зеркалом, ведущее уже в две комнаты поменьше, было общим, так что парень не оставил меня и там.

— Гоша, я и сама могу....

Но он мои несмелые возражения отмел сразу простым:

— А я могу помочь. Держи бумажное полотенце.

Он протянул мне целый рулон. Я, долго не думая, взяла, и мы принялись очищать слой кетчупа, который успел размазаться, пока мы шли к уборной.

— Ну я и растяпа, Полин, — Егор встал на колени и стер большой участок соуса с моего колена. — И джинсы тебе испачкал.

— Эй, ты что? Поднимайся! Здесь же грязный пол, — произнесла я с некоторой долей удивления и смущения.

Просто... это очень милый поступок.

— Подожди, еще вот тут на блузке... Оттяни немного ткань.

Я сделала, как он велел.

— Молодец, вот так, ага... Почти все, — Гоша оторвал еще несколько кусочков от полотенца и провел по кромке джинс, собирая оставшийся там кетчуп.

Мы почти справились, и все было хорошо, но ровно до момента, пока рывком не распахнулась дверь туалета.

Кажется, мы с Гошей синхронно повернули головы на хлопок. Повернули и столкнулись со злым взглядом зелёных, чуть прищуренных глаз.

— Марк... — выдохнула я и, поняв, как мы с Егором смотримся со стороны, отшатнулась от парня. — Марик, я...

— М? Что ты? — брат вошел и закрыл дверь прямо перед носом каких-то девушек.

Я не знала. Прикусила губу, сделав еще один шаг назад. Мысли в голове, словно тесто в вафельнице из "Алиэкспресса", слиплись, образуя кашеобразное нечто.

— Привет, Марк, — Гоша, будто и не ощущая напряжение в триста вольт, витающее в воздухе, широко улыбнувшись, поднялся и протянул руку. — Давно не виделись!

— Я бы предпочел не видеть тебя еще столько же, — безэмоционально отозвался Марк. Проигнорировав его ладонь, снял куртку и повесил ее на крючок, вытащил из ушей беспроводные наушники, сунул их в карман кобухи.

Я следила за его движениями с какой-то заторможенностью и растерянностью, и до меня дошло, что он готовится к драке лишь тогда, когда Марк размял с хрустом пальцы.

— Нет! Ты все неправильно понял, Марк! Гоша мне просто помогал!

— Да ладно? — делано изумленным тоном перебил Марк, а затем припечатал: — Полина, ты меня совсем за идиота держишь?!

— Я действительно просто помогал ей, Марк, — нахмурившись, вмешался Егор. — И ничего большего. Я понять не могу, из-за чего ты кипишуешь. Она взрослая девушка, и ты не имеешь права так маниакально ее контролировать.

— Тебя забыл спросить, — Марик двинулся на совершенно спокойного парня и с ухмылкой добавил: — О, и не спрошу уже, потому что сейчас уже во второй раз выбью тебе передний зуб.

Ой черт... Что он творит?!

Я, долго не думая, повисла на руке брата, чтобы не дать ему ударить Гошу. А тот, видя, какой распаленный Марик, лишь подливал масла в огонь. Нет бы попытаться его успокоить!

— Даже не думай, иначе я сильно разозлюсь, — это Марку, а Клинову: — Оставь нас, пожалуйста? Прости, что так вышло, но нам с Марком очень надо поговорить.

Егор сжал зубы и, окинув нас взглядом, уточнил:

— Ты уверена?

Сжала напряженное запястье брата сильнее и уверенно кивнула:

— Да.

— Ладно. Если что, то... — он не договорил и покачал головой. — Ладно, забей.

Едва парень покинул комнату, Марк отцепил меня от себя. Тяжело выдохнул, стоял несколько секунд, повернувшись ко мне спиной, а затем ... закрыл на щеколду дверь.

— Что ты... — только и успела произнести, когда оказалась притиснутой к стене. Мои руки он предусмотрительно сжал и приподнял, пригвоздив таким образом к твердой поверхности.

— Мы будем говорить. Ты же этого хотела, да? — его горячее дыхание коснулось моей щеки. — Ты вообще очень многого хочешь, оказывается. Например, усидеть на двух стульях одновременно...

— Ты переходишь границы, — прошипела я, пытаюсь выбраться. — Отпусти сейчас же!

— То есть он не переходил, а я, просто удерживая тебя, ее пересекаю? Интересные границы, — снова ухмылка, от которой сквозит злостью. Нет, даже яростью.

— Марк, ты мой брат...

— А-а, ну да, это все в корне меняет, конечно! — хрипло рассмеялся и, склонившись к моему уху, сообщил разъяренно: — Я же, как подобает самому лучшему брату на свете, должен быть в восторге, что какой-то укуренный парень с двумя девицами на коленях на мой вопрос, где ты, отвечает, что "уединилась с Егорычем"! А потом сдохнуть от счастья от мысли, что мою сестру могли нагнуть, как дешевую шлюху, в туалете, так, по-твоему?!

— Да что ты несешь?! — кровь прилила к щекам, а от злости даже на миг дара речи лишилась. Черт, если бы могла, то хорошенько бы ему вмазала! — Ты конченный придурок, Марк! И отпусти меня сейчас же! Видеть тебя не хочу!

Он проигнорировал мою тираду, молча подождал, пока перестану вырываться, а потом прижался своим лбом к моему плечу. Выдохнул. Вдохнул. Снова выдохнул.

Я стерпела все без возражений. Вот освободит мои запястья от тисков своих пальцев, и я первым делом попробую вернуть на место его мозги. Они явно накренились, иначе как объяснить его сверхглупые мысли?

— Что у тебя с блузкой? — спросил Марик, немного отстранившись, но не выпуская меня. — Почему она красная, бл... ин?!

Теперь, кажется, моя очередь устраивать истерику. Невольно расхохоталась.

— Мог спросить и через год, — зло процедила. — Или через два... Главное же черти о чем подумать!

— Полина, — грозным тоном протянул. — Что за хрень?!

— Кетчуп, — недовольно ответила. — И если бы ты меня выслушал, то узнал бы, что Гоша помогал мне оттереть пятно.

— Ну да, ну да, святого мальчика обидели, — Марик закатил глаза. — Не дергайся.

Закономерное "А почему?" застыло на губах, когда брат внезапно разжал пальцы, которыми удерживал мои руки, а затем, не дав опомниться, рывком стянул с меня

испачканную блузку.

— Что ты... — возмущенно прохрипела, прикрываясь.

— И помолчи, — коротко бросил, снимая свою толстовку и таким же неуловимым движением надевая ее на меня. — А теперь можем идти.

И я действительно промолчала, но не потому, что выполняла его просьбу, а потому что дар речи потеряла от его наглости и происходящего. Слова и адекватное мышление вернулись ко мне, когда Марик уже тащил меня прочь из туалета.

— Марк, прекрати! Я в состоянии сама идти.

— Верю, — судя по голосу, мне не верили ни капли. — Но в последнее время ты не в ту сторону идешь, так что я буду тебя направлять, скажем, на путь истинный.

И он повел меня дальше по своему праведному, блин, пути. Его конечным пунктом в итоге оказался... наш с ребятами столик. А там все были в сборе. Разве что Ромы с его дамами не обнаружила.

Ой, черт!

— Полина?! — удивленно произнесла Карина, переводя взгляд с меня, утопающую в марковской кофте, и на, собственно, брата, щеголяющего в одной черной майке, подчеркивающей широкие плечи и рельеф мышц. В одной руке он держал мою блузку, что вызвало еще больше вопросов у Рины. — Что происходит?

И вот что ответить? Я и сама не знала, если честно. Но в какой-то степени испытывала облегчение — это же Марк, он сильный, он мне поможет. Чем я думала, когда решила скрыть от него правду?

— Все, идем, — Марик даже не поздоровался ни с кем, просто нашел мою сумочку и даже не отдал ее мне.

Снова стиснул мои пальцы, готовый указывать мне правильную дорогу. Он явно выбрал себе неправильную профессию. Какая мировая экономика? Ему быть навигатором или маяком.

— Ты уже уходишь? — подключилась Лера. — Давай еще посидим? Мы найдем стул и для твоего парня, Поль. И даже не съедим его, честно!

Пальцы Марика сжались на моей ладони до легкой боли, а у меня вспыхнули щеки. Неужели мы со стороны выглядим?..

— Он брат Полины, — поправила тем же недовольным голосом Карина. Ей явно не понравилась то, что я от нее скрываю некоторые моменты.

— Ой... Простите, пожалуйста! — смущенно пролепетала Лера. — Вы просто не похожи и...

— Ничего, все в порядке, — я растянула губы в улыбке. — Мне сейчас пора, извините, что так вышло. Всем пока!

А Рине, перед тем как совсем исчезнуть в толпе, бросила:

— Я тебе напишу!

— Итак, Поля, играем так: ты мне все рассказываешь, а я пообещаю сильно не злиться, — едва мы сели в его машину, постановил Марк с совершенно непроницаемым лицом. — И пристегнись.

Я пристегнулась, сложила руки на коленках, как прилежная школьница, и позволила себе выплеснуть негодование:

— Прекрати вести себя со мной так, как ведешь! Перестань указывать и требовать! Ты

не имеешь права вот так вот... игратья мной, как куклой! Мне не пять лет и уже даже не двенадцать.

Марк вырулил с парковки и, влившись в поток авто, спокойно отозвался:

— Я знаю.

Серьезно?!

— Что именно?

— Что тебе не пять и не двенадцать, — опять как ни в чем не бывало.

Дыши, Полина, дыши. Марк должен выжить. Почему? Зря, что ли, ты наготовила всякой всячины вчера? Кто это есть будет? А ведь да! Меню на похоронах совсем другое, потому надо подождать, пока он поест.

— А остальное? — с намеком протянула я

— А что не так? — брат бросил на меня колючий взгляд и снова вернулся к дороге. — Как я понял, мы друг другу позволяем все. Ты — недоговаривать, верить в чепуху и откровенно меня игнорировать, а я — делать в свою очередь то, что считаю нужным. Заметь, не ты, а я, как идиот, просидел два часа, ожидая тебя. Не ты искала потом по огромному универу одну самостоятельную. И не ты...

— Прости, — перебила его, не в силах дальше слушать. Мне стало так стыдно, как не было в день, когда я впервые соврала папе. — Прости-прости-прости!

Марк рассмеялся, и я замерла, слушая его потрясающий смех. Я бы вообще слушала его всегда. И смех, и просто голос. Пусть даже отчитывает или ругает. Пусть... Пусть кто-нибудь вправит мне мозги, а? Что за мысли у меня в голове?

— Совесть проснулась, Поль? — насмешливо спросил парень, но, заметив перемену настроения во мне, помрачнел и потребовал: — Рассказывай. Я сейчас где-нибудь припаркуюсь.

Сделав большой глоток воздуха, устроилась поудобнее.

— ...А потом я решила, что сама как-нибудь разберусь, — закончила, не сказав про то, что думала найти себе, наконец, парня. Зачем? Чтобы доказать себе, что я не больная. Что смогу влюбиться в другого. Наивно и тупо, конечно, но ведь даже это хоть что-то?

Посмотрела на брата, ожидая от него хоть какой-то реакции. Он молча сжимал до побелевших костяшек руль. Мышцы на его руках напряглись настолько, что бугрились под кожей. Каждый жгут можно было потрогать, если поддаться вперед, и я уверена на все сто, что они каменные наощупь, если не железные. Еле сдержала в себе желание провести по ним пальцами, чтобы удостовериться в своих мыслях.

Красиво. Притягательно. Опасно.

— Покажи сообщение, — холодно произнес Марк, опуская руль и поворачиваясь ко мне. Видеть в его глазах стужу было немного боязно. Я сделала что-то не так?

— Держи, — открыв злополучное послание, передала смартфон.

Марик не стал брать телефон, обхватил мое запястье, одним прикосновением обжигая чуть ли не до костей, и, приблизив мою руку с гаджетом к себе, вчитался в написанное. Затем включил видео.

Судя по его сжатой челюсти и "ходящих" желваках, он сильно разозлился. Да что там, впал в ярость. Но его чувства относились не только к моему обидчику, но и ко мне.

— Полина, — Марк отпустил мою ладонь, повернулся ко мне и, заглядывая в глаза, уточнил: — Еще раз: тебя шантажировали, а ты, лишь бы мне не говорить, избегала и вообще поехала в клуб искать приключений?! Я правильно понял?

Я немного ступевалась. Как-то в моей голове все выглядело куда более логично.

— Шикарная логика! Я балдею просто! — восхитился с иронией брат.

— А ты сам вообще меня игнорировал кучу лет, забыл? — нашлась я. — Так что не надо мне про логику, у меня отличный пример перед очами.

Марк хмыкнул.

— Ну да, ну да, это из серии "я дура, но ты дурнее".

— А что, нет? — я пожала плечами. — Ты дурак, а я дура. Звезды сошлись.

— Согласен. Я полный дурак, а ты глупенькая дурочка.

Мило. Кто-то "зайчики" и "котики", а мы "дурак" и "дурочка".

— Такого словосочетания не может быть, Марик, — фыркнув, покачала головой. — Это тавтология, а на простом языке — масло масляное.

— Не волнуйся, как показывает случай — все может быть, — мрачно утешил меня он, потягиваясь за косяком, брошенной на заднее сиденье.

— Ты куда? — удивленно спросила, наблюдая за тем, как брат натянул куртку и вытащил ключ зажигания.

Он ответил не сразу — взял телефон, что-то там посмотрел и только потом сказал:

— Проветрюсь немного и пройду до магазина. — Мой закономерный вопрос о том, что буду в это время делать я, он явно предвидел, потому продолжил: — А ты тихо посидишь в машине и подумаешь о том, как научиться не влипнуть в неприятности.

Прелестно! Просто прелестно! Нет бы успокоить меня и заверить, что все будет окей, и тот "доброжелатель" не успеет ничего отправить папе! Я уже готовила тираду, полную возмущения, как Марик внезапно спросил:

— Тебе что-нибудь купить?

Уже не язвительным или холодным тоном, а как-то мягко, тепло и... уютно. Странно сравнение, понимаю, но в его голос в этот миг хотелось укутаться, как в тёплый плед, или сохранить, чтобы слушать, когда за окном метель, а дома — холод и тьма, пропитанные одиночеством.

— Да, — кивнула, негодуя на себя. Вот почему я не скажу ему несколько крепких слов? Могу же, но почему превращаюсь в мягкое желе, когда Марик рядом? — Ром. Или вино. Буду проводить отпевание своей блузки. Ну, или моих возможных отношений с Гошей.

— Мечтай, — он ухмыльнулся и, перед тем как выйти из авто, бросил через плечо: — Принесу детское питание по акции. Как там в рекламе? Фруто-няня — помощь Марку.

— Дурак! — недовольно буркнула я.

В ответ послышался лишь хлопок дверцы. Свалил таки. Пересев на водительское сиденье, проводила взглядом крупную фигуру брата, направляющуюся к неоновой вывеске впереди. Хотела открыть окно и прокричать ему что-нибудь, пока не ушел далеко, но он поставил машину на сигнализацию. Жаль.

От скуки начала сначала изучать все имеющиеся кнопочки и даже включила какую-то радиостанцию, но потом мое внимание привлек бардачок. Вообще, это неправильно. Но и я не самый правильный человек, так что, забив на совесть, открыла. Там обнаружила пачку жевательной резинки, футляр с солнечными очками, карманный фонарик и... резко отдернула ладонь от цветастой коробочки, словно обжегшись.

Боже, ну кто хранит презервативы в бардачке?! И почему, черт возьми, от очередного факта, что Марик ведет отнюдь не монашеский образ жизни, меня воротит?

Я ощущала внутри сотню тысяч эмоций, большую часть которых не смогла

охарактеризовать. Стыд, неловкость, ревность, злость, смущение — и это лишь капля в том океане, что образовался во мне. Вроде уже взрослая девочка, но... Глупая дурочка.

Кое-как взяв себя в руки и успокоившись, я достала телефон: полистала ленту в соцсети, затем зашла в мессенджер. Мне написали Карина, Гоша и даже пара одноклассниц, но вот папа, чей ответ я ждала, даже мои вопросы не прочел. Это показалось мне несколько странным. Он очень редко игнорировал мои сообщения, а сейчас прошло два часа и ничего. Только три моих письма с безжизненно-серой галочкой напротив.

"Может, занят?" — мысленно пожалала плечами. Мало ли, завал на работе? Или очередные проблемы с новым заводом, который родитель приобрел на свою голову?

Марик вернулся спустя полчаса с большим пакетом. Отключил сигнализацию и открыл дверцу, впуская в салон октябрьский холод.

— Ты что, решил скупить весь магазин? — я с интересом заглянула внутрь.

— Неа, только детский отдел.

Он просто невыносим! Нет, дважды невыносим, потому что шуточек ему оказалась мало, и он действительно купил баночку с пюре и пачку жидкой каши в бумажных пакетах. Идиот.

Или нет...

Кроме детского питания, я еще нашла мой любимый шоколад с карамельной начинкой, бутылку сока и еще всякую мелочёвку.

— Ты куришь? — удивилась я, когда он извлек из пакета пачку сигарет.

— Очень редко.

Вот гад! Мне нервы мотает, папе тоже по нервной системе достается, но и о себе не забывает, старательно портя лёгкие. Я потянулась и, воспользовавшись моментом, отобрала у него упаковку.

— Поля, ты что творишь?

Договаривать ему и не нужно было — сам прекрасно увидел, что я сделала — открыла окно, и коробочка красиво улетела куда-то в кусты, мокрые от дождя.

— Курить вредно, а тебе еще до законной пенсии доживать, Марик, — невозмутимо постановила я.

— Поля, ты... ты... — пропустил сквозь сжатые зубы воздух братец.

— Чудо? Солнце? Твое счастье? — широко улыбнулась.

— Ходячее проклятие. Ладно, поехали домой, пока ты не вынесла мне мозги окончательно.

Grand Theft Auto* — серия мультиплатформенных компьютерных игр, созданных и разрабатываемых главным образом британской компанией-разработчиком Rockstar North.

Утро следующего дня

— Марик, папа до сих недоступен, — чуть нахмурившись, произнесла я.

Меня напрягало молчание отца. Он не приехал ни на ужин, ни на совсем поздний ужин и даже вот утром тишина. Что-то подобное уже бывало однажды — как оказалось, папочка тогда просто задержался у своей пассии. Что-то у нее произошло, и он не смог ее оставить один на один с проблемой. А сейчас, кажется, он ни с кем не встречался. Нет, я ни разу не против новых отношений папы, это нормально, я бы была рада, если бы он женился на хорошей женщине.

— Я подвезу тебя и съезжу в офис, — брат тоже напряжен, хотя и старательно скрывал свое состояние.

— Спасибо, — улыбнулась ему. — А я тогда приготовлю что-нибудь папе и пойду собираться. Хочешь еще кофе?

— Хочу... — он хотел добавить что-то еще, но раздался оглушительный рингтон его телефона.

Марик отошел в гостиную и потом минут пять с кем-то беседовал. Я не вслушивалась и варила нам кофе, думая о том, что же мне ответить Карине. Она сегодня точно пристанет ко мне и потребует объяснений...

— Полина, — вырвал из размышлений брат.

— А? — я разлила бодрящий напиток по чашкам. — Кофе готов. И кстати, кто звонил?

— Поля, послушай...

— Папа звонил? И тебе надо срочно в офис?

Повернулась к нему с его порцией в руках, чтобы протянуть ему кружку, но замерла, встретившись с его взглядом. Тяжелым и пустым.

— Что-то случилось? — насторожилась я.

— Я не стал бы говорить, я бы подождал и подготовил тебя, если бы имел такую возможность... — он сказал это как-то странно. Приглушенным, холодно-отстраненным тоном. — Но ты имеешь право узнать все сейчас.

Я с изумлением приподняла брови. И уже открыла рот, чтобы поругать его за начало очень глупой шутки, как Марк произнес:

— Поля, отец попал в аварию. Он в реанимации.

Из моих пальцев выскользнула чашка и с тонким звоном, похожим на визг, разбилась. Горячий кофе некрасивыми кляксами расплылся по чистому паркету, намочил коврик и испачкал дверцу холодильника. Из моего горла тоже вырвалось что-то похожее на этот звон. Я тоже разбилась. И если чашку уничтожил удар, то меня, кажется, только слова.

"Марик, скажи, что шутишь. Боже, скажи, что соврал", — двигаю губами, но звуки не выходят. Просто немая мольба.

Он больше не выдал ни слова, но я на интуитивном уровне осознала: все плохо. Это серьезно.

О, Господи...

Перед глазами возникла какая-то пелена, потому не сразу поняла, что меня крепко обнимает Марик, а я отчего-то сопротивляюсь.

— Тише, солнце, тише, на полу осколки. Успокойся. Ты все равно не знаешь дорогу, эй.

Давай так: ты оденешься, и мы вместе поедem. Поля, спокойно... — я услышала голос Марка будто сквозь призму, но он подействовал на меня как сильнейшее седативное. Прекратила молотить ногами воздух в попытке вырваться и побежать к папочке. Марик прав. Нужно одеться — короткие шорты и футболка вряд ли идеальная одежда в нулевую температуру.

— Марик, я не смогу, — прошептала, прижимаясь к нему в поисках тепла. Мне холодно. И руки дрожат.

— Я же рядом, — он меня гладил по голове, как маленькую девочку. — Я тебя одену.

Не хватило сил даже на кивок, но Марк и не ждал ответа — подхватил на руки и понес в мою комнату. Я крепко обняла его за шею и зажмурилась, чтобы удержать слезы. Только от одной мысли, что папе сейчас плохо, меня выворачивало и трясло.

— Посиди, а я возьму твои вещи, — ласково произнес брат, аккуратно усаживая меня на моей кровати. Сам направился к шкафу и через несколько минут вернулся, держа джинсы и бежевый свитер. — Ну как? Вроде нормально...

— Нормально, — хрипло прошептала, не пытаясь встать и помочь ему. Упаду, скорее всего.

Дурацкая реакция на стресс. Когда умерла мама, я не могла два месяца прийти в себя, а сейчас... Сейчас я чувствовала себя гораздо хуже. Будто реальность упала со всей дури на голову, размозжив меня до состояния фарша. Будто всю радость и в целом все хорошее из меня выкачали, оставив лишь дикое состояние безысходности и ожидания чуда. Вдруг все сон? Вдруг я скоро проснусь?

Но я не сплю, и этот кошмар, что меня окружает — реальность.

Одевал меня Марик. Мне было неловко, но... Сама бы я провозилась долго, а так мы быстрее поедem к папочке.

Едва мы зашли в больницу, ко мне волшебным образом вернулась энергия. Нет, мне все еще было плохо, невыносимо плохо, но мысль, что скоро я увижу папу и удостоверюсь, что не все не так хреново, придала сил.

Лечащим врачом отца, к которому нас направила медсестра, оказался брюнет средних лет с небольшой бородкой — Леонов Павел Дамирович. Он, поправив очки на переносице, оглядел нас с братом и виновато произнёс:

— Сожалею, но на данный момент мы не можем пустить посетителей к пациенту. Состояние Андрея Федоровича крайне тяжелое.

Ладонь Марика сильнее сжала мою, а я оперлась на его сильное плечо.

О, Господи...

— И чудо, что он жив и... — он выдохнул и с некоторой заминкой завершил: — и имеет шансы на выздоровление. Пройдемте в мой кабинет, нам надо обсудить некоторые моменты.

И мужчина первый направился к нужной двери. Мы с Марком замедлили. Я не могла никак "переварить" слова доктора и принять их. Как так? Ведь еще вчера утром мы с папой завтракали и обсуждали предстоящий отдых на побережье. Еще вчера вечером мы с ним переписывались, и он обещал вернуться с работы пораньше. Еще вчера он готовил для меня сюрприз и обещал удивить меня.

Как же так, папочка?..

— Не плачь, Поля, — немного шершавые пальцы брата прошлись по моим щекам, стирая соленые капли. — Все будет хорошо. Я с тобой.

— Ты обещаешь? Что будешь со мной всегда? И не оставишь? — глотая слезы, спросила я. — Обещаешь?

Мне вдруг стало страшно. Страшно открыть глаза в следующий раз и обнаружить, что вокруг никого. Я одна. Что еще один человек покинул мою жизнь навсегда.

Мне нужны его слова. Нужна хотя бы призрачная уверенность, что завтра он со мной. И послезавтра. В этом году и в следующем.

— Обещаю, — уверенно ответил Марик, доставая платок и вытирая мое зареванное лицо. — А теперь идем. Нас ждут.

— Спасибо.

— За что? — удивленно спросил он.

— За то, что я не одна, — и поспешно повторила его же слова: — Идем, нас ждут.

В кабинете Леонова было просторно и свежо. Здесь пахло отчего-то лавандой и свежестью, а не типичным больничным запахом — фенола и безысходности. Врач сидел в широком кожаном кресле за столом, уставленном бумагами, и держал в руках файл с исписанными листами. Его он передал Марку, едва мы сели и устроились на стульях по другую сторону от медика.

— Как видите, многочисленные травмы, большая потеря крови. Вашему отцу нужен донор. И вы оба, как ближайшие родственники...

— Я могу стать донором! — перебила мужчину, поднимаясь. — Я здорова, и у меня, как у папы, первая положительная группа крови. Я... я могу сдать все анализы... я...

Горло сжало спазмом.

— Сядь, Полина, — раздраженно отозвался Марк, усаживая обратно на стул. — Ты не станешь никаким донором и сдавать кровь тоже будешь, даже если ты хоть трижды здорова.

— Что?.. — растерялась я.

— Брось, ты все прекрасно слышала, — его голос звучал резко и... властно?

— Но это мой папа, Марк! Ты не можешь так...

Он снова принимал решение за меня, не интересуясь моим мнением!

— Не только твой, Полина, — в бесконечно зеленых глазах плещется стужа, а красивое лицо застыло прекрасной маской. Лишь выступившие желваки выдают его напряжение. — Я все сказал: ты не будешь и точка.

Спорить с Марком — бесполезное дело, потому я даже не стала продолжать битву, которую проиграла еще до начала военных действий. Лишь отобрала свои ладони из плена его рук и, устроив их на своих коленях, продолжила слушать лечащего врача. Тот, дождавшись конца нашей перепалки, продолжил рассказывать про состояние папы и план его лечения. Я мало что понимала в медицинских терминах, но, попросив у Павла Дамировича листок и ручку, прилежно конспектировала. Дома все расшифрую в интернете, и мне станет немного легче: я буду знать, что с папой, и как ему помогают в больнице.

— Четвертая отрицательная, — чуть нахмурившись, сообщила женщина в белом халате. Ее имя Марк даже не стал запоминать — скользнул безразличным взглядом по табличке на двери и вошел в лабораторию.

— И? Что не так? — не понял парень негодования женщины. Впрочем, меньшее, чего он сейчас желал — это разгадывать экивоки врача.

— Все, — она вновь посмотрела на листок со штампом — результатом анализа. — Вы не можете быть донором своему отцу. Я вообще не понимаю, как такое возможно. Вы уверены в своем родстве? Я, конечно, не генетик, но и той базы, которой я обладаю, достаточно, чтобы осознавать: если у одного из родителей первая группа крови, то у их

ребенка не может быть четвертой, независимо от того, какую имеет второй родитель. Это или феноменальный случай, или же вы обладаете ошибочными данными, молодой человек.

"Ошибочные данные"? Смешно. Марк поморщился. Его мать сделала два теста ДНК в разных клиниках, чтобы доказать родство с Довлатовым. И Марик сам был бы рад, если эти гребанные данные были ошибочны, если бы не видел воочию самый последний ответ — почти стопроцентное сходство. Благодаря той бумажке он и оказался у "папочки": суд признал его отцом, и тому ничего не оставалось, как забрать новоприобретенного отпрыска к себе.

— Так вы будете сдавать кровь? — как ни в чем не бывало продолжила женщина, заполняя параллельно какой-то журнал. — Для нашего банка крови. А Довлатову Андрею может сдать... У вас же есть сестра? Можем проверить и ее.

Ага, сейчас! Так он и позволит Полинке. Она и так слабая и хрупкая, тронь рукой — и останется след.

— Есть. Но сдавать кровь она не будет. Я найду другого, подходящего по группе крови, человека. А насчёт меня: конечно. Что мне делать?

Дни тянулись так медленно. Невыносимо, тягуче, серо. Моя идеальная жизнь, которую по кирпичикам строил папа, рушилась без него. Меня выматывало и выводило из калеи абсолютно все: и многочасовые разговоры со следователями, и учеба, и даже общение с Кариной. Они с Гошей писали мне каждый день, а я не могла найти в себе силы ответить. Не хотела. Ничего не хотелось, кроме одного — увидеть отца снова. Сесть рядом и просто смотреть на него — прикасаться к нему я боялась. Вдруг сделаю больно? Нам с Марком разрешили зайти к нему всего лишь на пять минут, и этого было мало. Безумно мало, если понимаешь, что, возможно, больше не услышишь его дыхание и не почувствуешь родное тепло. Марк не желал, чтобы я знала про его истинное состояние, но... Судьба любит случайности.

Я и не думала подслушивать, просто оказалась не в том месте и не в то время. Сбежала с пар и поехала в больницу, а когда проходила мимо кабинета лечащего врача, слух уловил знакомый голос. Марк. Что он здесь делает в час дня?

— Я понимаю, Марк Андреевич, — проговорил Павел Дамирович, выдержав небольшую паузу. — Но и вы поймите: я медик, а не волшебник. Я не могу мановением руки вылечить многочисленные травмы. Для восстановления организму требуется время, особенно в его возрасте...

— Отцу пятьдесят два, а не восемьдесят, — раздраженно перебил мужчину брат.

— Пятьдесят два — это не двадцать лет, — парировал Леонов. — Для восстановления организму требуется время, особенно в возрасте Андрея Федоровича, только этого времени у него нет. Мы делаем все, что в наших силах. Мы очень надеемся, что ничего не случится, а следующая операция... Не делать ее мы не имеем права, но и... Мы вынуждены рисковать и надеяться, что все пройдет благополучно. Если его организм выдержит, то ваш отец поправится, и все будет хорошо, а если...

— Не продолжайте.

Марик сказал тогда что-то еще, но я не став разбираться, что именно, побежала на улицу. Слезы душили, а я никак не могла заплакать — страшное состояние. Когда внутри все раскалывается от боли, однако ты не можешь выплеснуть эмоции. Хочешь кричать до боли в горле и сорванных связок, только изо рта выходит лишь короткий всхлип. Очередной звон разбившейся вдребезги надежды.

Вместо меня в тот день плакало небо. Серое, нахмуренное, оно рыдало, гремело, разрывая облака на части. Я наблюдала за буйством стихии из окон дома. Своего некогда самого надежного убежища. Уютного. Теплого. Только ключевое слово "некогда".

Марк вернулся ближе к полуночи. Думал зайти тихо и незаметно, но удивленно застыл, едва увидел бодрую меня в гостинной.

— Ты чего не спишь, Поль? Все-таки разбудил? — спросил, улыбнувшись. Он выглядел дико уставшим. Его лицо немного осунулось, отчего скулы стали острее, плечи были напряжены, а судя по красным глазам — брат жутко недосыпал. — Прости. Я знаю, что топочу как слон...

— Нет-нет, — поспешила его заверить, — я сама не спала. Ждала тебя, чтобы накормить.

— Мне, конечно, приятно, но не стоило. Я бы сам как-нибудь поел, а тебе завтра с утра

в универ, — чуть нахмурившись, проговорил Марк. — Так что иди спать, окей?

Еще чего! Я что, зря заставляла себя готовить?

— Иди мыть руки и за стол, — невозмутимо постановила я.

— Поля, — недовольно прошипел брат.

— Марк.

— Полина.

Тяжело вздохнув, осознавая, что не отстанет, призналась:

— Я, между прочим, не ужинала даже.

Не стала добавлять, что обед и завтрак тоже благополучно пропустила, но и так фраза подействовала — Марк, посетовав на бестолковую сестру, пошел за мной на кухню.

За поздней трапезой он ни слова не сказал про папу. Я все ждала, что, подняв на меня взгляд ярко-зелёных глаз, повторит речь доктора, но нет. Промолчал.

Зато не выдержала я:

— Марик, миленький... — сделала большой глоток воздуха и задала вопрос, который душил меня после первой встречи со следователем: — Отец же не сам... не сам захотел, чтобы машина?..

Бред, правда? Чтобы мой совершенно здоровый папа вдруг решил совершить самоубийство, при этом забрав еще несколько жизней с собой? Бред. И я не понимаю полицейского, который на полном серьезе заявил нечто подобное. Мол, столкновение машины отца и легковушки произошло не случайно. И не понимаю его вдвойне, потому что... Он же видел, какое у меня состояние. Так зачем? Это жестоко.

— Что за глупости? Не бери в голову всю ту хрень, что несет подполковник. Ему просто хочется закрыть дело побыстрее, — брат оставался спокойным, и его состояние передалось и мне. — Холодно? Иди ко мне.

В кухне было действительно прохладно, и я, долго не думая, залезла к нему на диван и прижалась к теплому боку парня. Вдохнула его аромат, смешанный с запахом одеколона... и стало немного лучше. Полчище диких кошек, что раздирали мою душу на части, отступили на время и спрятали когти. Марк обнял меня и положил голову на мое плечо.

— Как дела в офисе? — спросила я осторожно через несколько минут уютной тишины.

— М? — растерянно пробормотал он, продолжая обнимать меня.

— Говорю, как дела в офисе? — терпеливо повторила, мягко массируя крепкую шею. Его мышцы были напряжены настолько, что казались тверже камня.

— А... — выдохнул. — Все отлично. И у тебя просто волшебные руки, Польша.

— Все отлично? И потому ты пропадаешь там целыми днями? — я пропустила мимо ушей комплимент. — Может, тебе нужна помощь? Хоть какая.

— Нужна, — кивнул Марк. — Проследи за одной девочкой, которая ложится непонятно когда, ест непонятно что и прогуливает учебу.

Я закатила глаза. Все со мной хорошо. Уж мне точно лучше, чем Марику, который взял на себя столько всего. Зачем? Кажется, из-за меня. Чтобы я не волновалась и могла вести такой же образ жизни, как если бы с нами был папа. А я... а что делаю я? Стало очень стыдно.

— А если серьезно? — не дала ему увильнуть с темы.

— Это серьёзно, — он снова уткнулся лбом в мое плечо. — Еще серьезнее будет, если я отшлепаю кое-кого.

— Что?.. — у меня просто дар речи от подобного заявления пропал.

— Отшлепаю, — продолжил Марик тем же спокойным тоном. — За то, что кое-кто в итоге не сдаст сессию.

— Все я сдам! — возмущенно отозвалась, чувствуя, как щеки покраснели. Идиот. Ну какой же он дурак, а? — И я сейчас о тебе. Ты печешься обо мне, но о себе совершенно забыл. Так нельзя.

Планировала сказать очень многое. И про работу, и про его учебу, и еще про много чего, но вместо этих слов произнесла совершенно другое, но куда более важное и правильное:

— Береги себя. Я тебя люблю, ты же знаешь?

Марк мне улыбнулся. Легко, весело и обворожительно, будто и не было между нами недопонимания, а в нашей жизни — столько проблем. Будто все так, как до того злополучного вечера после полученной мной двойки. Будто...

— Знаю.

И я вздрогнула от неожиданности, когда его губы коснулись моей щеки. Невесомое прикосновение, невинное, но дыхание захватывает, а кожа горит.

— Теперь иди спать, Поль, — он разорвал объятие и осторожно подтолкнул меня вперед.

— А грязная посуда и...

— Я сам уберу, — оборвал меня на полуслове. — Сладких снов.

— Сладких снов, — повторила за ним, почему-то уже шагая в сторону своей спальни.

Марк что, маг? Околдовал меня. Меня и, наверное, весь мир, потому что с той ночи дела пошли куда лучше. Я впервые за долгое время выспалась и поехала на учёбу, не опоздав при этом. Сдала несколько тестов, которые пропустила и к которым совершенно не готовилась, с первого раза. А потом, когда добралась до клиники, меня и вовсе обрадовали новостью, что операция прошла успешно и теперь можно посещать папу. Мое счастье не смог бы измерить ни один прибор — ему просто-напросто не хватило бы шкалы.

"Марик, как дела? Надеюсь, ты пообедал. Я сегодня бью рекорды по удачливости! Сейчас иду к папе — мне разрешили зайти к нему, представляешь? И заедешь за мной вечером?" — быстро напечатала брату. Не могла не поделиться захлестывающими меня эмоциями.

Ответ пришел почти мгновенно:

"Завидую. А у меня удача на нуле. Осталась лишь надежда на конспекты".

И прислал фотографию, на которой был запечатлен "творческий беспорядок" в виде тетрадей, каких-то бумаг, стикеров и чашки с недопитым эспрессо. Судя по интерьеру и освещению помещения, Марик зависал в кафе, расположенном под офисом отца. Ну что сказать? Трудоголик обыкновенный: умудряется совмещать работу и учебу. Плюс не забывает обо мне, отце и о спортзале. Это восхищает. Сделала мысленную пометку поймать его и насильно помочь.

"Когда примерно заехать? Я буду свободен после 6", — добавил он через пару секунд.

Немного подумав, написала:

"Как сможешь;) И лови немного моей удачи!"

Закрывает мессенджер, убрала телефон в сумочку и с широкой улыбкой направилась в палату папы. Причем чуть ли не вприпрыжку — я казалась себе перезаряженной батареей, у которой клеммы уже искрятся от высокого напряжения.

Однако мой пыл угас, едва я вошла в нужный бокс. Замерла у порога, не сразу сумев сделать шаг вперед.

— Полина Андреевна? — окликнула медсестра, сопровождающая меня. — Все в порядке?

Я выдохнула и вошла. Просто в тот единственный раз, когда нас пустили на пару минут к отцу, мне не удалось его разглядеть. Голова кружилась, а подступающие слезы и вовсе не давали видеть ничего дальше своего носа. А сейчас...

Папа был весь в бинтах. И мне сразу вспомнились материал дела и заключения врачей. Голова — сотрясение и раны от осколков, руки — папа до последнего сжимал руль, пытаюсь вернуть себе контроль, правая нога — ее придавило, когда машина перевернулась, туловище — открытые раны и сломанные ребра. И это лишь часть полученных увечий.

— А ему точно не больно? — глупый вопрос, понимаю, но мне было важно знать ответ.

— В состоянии коматоза реакция на боль ослабевает, так что нет, не больно, — пояснила женщина.

Кивнула, таким образом благодаря ее, и присела на стул рядом с кроватью. Стараясь быть максимально осторожной, потянулась и коснулась пальцев папы — привычно шершавых, но... не таких теплых, как должно быть.

— Можно еще спросить? — поспешила уточнить, пока медсестра не ушла.

— Да, конечно, — работница клиники замерла у дверей.

— Если я буду говорить, то меня папа действительно услышит?

— Я ничего не могу вам обещать, однако есть шансы, что... — небольшая пауза, во время которой в ушах набатом звучит писк приборов, подключенных к Довлатову-старшему, — что все же услышит. Что-то еще?

— Нет, спасибо, — я снова прикоснулась к родителю, но затем, словно обжегшись, отдернула ладонь.

Мало ли, вдруг что-то задену?

Медсестра ушла, но я еще долго сидела в тишине, собираясь с силами и подбирая слова. Что мне говорить? В голову ничего не приходило. Но вдруг моя речь поможет? Вдруг его состояние улучшится? Как... как в фильмах или тех статьях, что я успела перерыть в поисках достоверной информации.

— Пап, как ты себя чувствуешь? — запнулась, осознав, что за чушь произнесла. Несколько минут думала, о чем бы ему рассказать. Поднялась, начала мерить пространство палаты широкими шагами. Потрогала растение с необычными листьями, стоящее на подоконнике, пытаюсь понять, что за цветок передо мной. Снова вернулась к стулу и села, обняв себя руками.

О чем бы ему рассказать? О чем бы...

— Знаешь, папа, мы так по тебе скучаем, — слова сами собрались в словосочетания, а те в свою очередь в предложения. — Марк себе места не находит. Помнишь, ты говорил, что воспитал его не так? Сожалел, что что-то упустил? Нет, Марик... замечательный. Он руководит твоими проектами, занимается расследованием вместе с адвокатами компании, заботится обо мне и регулярно ездит сюда, чтобы лично узнавать о тебе от врачей. Он столько всего делает, папа... Ради тебя и меня. Я восхищаюсь им, а ты бы точно гордился.

Начала — и не могла остановиться. Как самая настоящая болтушка, поведала все то, что меня беспокоило, просила его побыстрее выздороветь и зачитывала ему новости. Я верила, что самое трудное мы преодолели, и теперь все точно будет хорошо.

— Марик, купишь? — клянчила я, глядя на братца с самыми невинными глазами. Прямо

такими, как у Кота в сапогах. — Ну купи!

Марк же в ответ одаривал меня недоуменным взглядом. Мол, Полина, куда мозги дела?

— Зачем тебе спиночесалка?

Я пожалала плечами и выдала:

— Надо!

— Уверена? — он вскинул бровь. — И что ты с ним будешь делать?

— Ну, например... — задумалась. А что, собственно, буду с ним делать? Посмотрела на длинную палку с когтистой лапкой на конце и нашла ответ: — Тебя чесать. Даже можешь не благодарить, я уже по выражению твоего лица поняла, насколько ты счастлив. Знаю-знаю, со мной тебе очень повезло.

Марк тихо рассмеялся и сдался:

— Кидай в тележку. Мне уже не терпится опробовать эту штуку на тебе.

— Спасибо! — я с широкой улыбкой бросила спиночесалку к остальным выбранным товарам, а потом замерла: — Стоп. А почему на мне?

— Потому что жертвовать собой и своей спиной ради твоих экспериментов я не готов. Так как больше счастливчиков нет, то сомнительная честь стать первой жертв... клиенткой этой хрени предоставляется тебе.

— Что? — выдохнула я.

— Готовься, говорю, — ухмыльнулся Марик, разворачиваясь вместе с тележкой и направляя ее в мясной отдел.

Решительно догнала его и вытащила обратно спиночесалку. Просто у нее реально когти ого-го. Марка не жалко, а себя как-то очень.

— Эй, полож обратно! Я уже сроднился с ней, не надо... Поля, ты меня лишаешь самого светлого в моей жизни. Поля, только не клади его на место. Полина, одумайся!

Штучка вернулась к своим сородичам, издав тихий стук при соприкосновении с полкой.

— О нет! — патетично воскликнул Марк. — Жестокая женщина. Нет, я не могу видеть эту душещипательную сцену... Нет, не могу! Пошли отсюда к курицам. Может, сочная запеченная ножка сможет залатать ту дыру, что оставила после себя потеря.

— Дурак, — покачав головой, вынесла вердикт я.

— Слышу от дурочки, — парировал он и, поймав мою ладонь, сжал ее и повел за собой. — Пошли, нас цыпочки заждались.

Ну точно дурак.

"А я дурочка", — хмыкнула я, касаясь кончиками пальцев своих губ. Улыбаюсь и не могу прекратить. Что за магия? Марик точно колдун. Самый лучший и идеальный колдун!

Домой мы вернулись лишь через час. Еще минут десять Марик, кряхтя, как столетний старик, тащил кучу пакетов из машины на кухню. Как-то со всеми проблемами мы совершенно забыли, что продукты надо покупать пару раз в месяц, и в холодильнике не то что мыши, там даже тараканы решили, что хватит с них подобных потрясений, и экстренно самоубились. Так что да, поход в супермаркет был вынужденной мерой.

Вот выпишут папу, и я снова буду ему готовить каждый день. Ему первое время нужен будет особый уход, и времени на магазины не останется.

— Прости, но я не буду готовить, — едва вдвоем разобрали купленные товары, призналась брату. Выдохнула и бросилась на диван. — Можешь погрызть меня, если остались силы.

Протянула ему руку, а он взял и... коснулся зубами запястья!

— Марк! — возмущенно выдохнула, отнимая конечность.

— Что? Ты сама сказала, что готова стать моим ужином, — ничуть не устыдился брат.

— Но я же не всерьез.

— Вот и верь тебе после такого обмана, — деланно обиделся парень. — Ладно. Так и быть, я сегодня буду нас травить.

— Ты имел в виду "кормить"? — вскинула я бровь.

— А есть разница? — удивился Марик, уже направляясь на кухню.

— Ну как бы есть — я хочу не только кушать, но и после трапезы желательно выжить, — терпеливо объяснила, устраиваясь на диване удобнее.

Как круто! Еда сама сейчас придет, и можно пока отдохнуть.

Марк вернулся с разогретыми куриными ножками, соусом, бутылкой "Колы" и вазочкой с попкорном уже спустя пятнадцать минут.

— Ты мой герой! — я отняла у него тарелку с "цыпочками", расположила на столике и, обмакнув в кетчуп одну ножку, вгрызлась в мясо. — Божественно! У тебя золотые руки — профессионально греешь еду.

— Ага, я знаю, — довольно отозвался он и приказал: — Двинься.

Хотя и рядом было свободное кресло и еще один диван, я подвинулась, освобождая место и брату.

— Так, Поль, — Марк тоже вооружился курицей, несколько раз откусил мягкое мясо и, жуя, спросил: — Выбирай: смотрим триллер или ужастик?

Подумала и, вспомнив оставленную в супермаркете спиночесалку, мстительно ответила:

— Мультки! И точка.

— Мультки? — Марик лукаво улыбнулся. — Будем смотреть "Винкс". Где там пульт?

Я рассмеялась. Он не поставит. Дурачится же, как и всегда. Он...

— Ты изверг! — сообщила очевидное парню, когда началась очень знакомая заставка и прозвучала песня, от которой у меня явно мог развиваться диабет.

— Учился у профессионала своего дела, — фыркнул братец, приобнимая меня, чтобы не убежала.

Я первые пару минут действительно пыталась вырваться из его объятий, но поняв, что это бессмысленно, устроилась на нем поудобнее. Какой Марик теплый. Жаль, жесткий — мышцы стальные, а пузика, на котором можно мягко устроить голову, в помине нет.

В итоге мы так и заснули — в обнимку на диване в гостиной и под приключения наивных фей.

А через три часа нас разбудил оглушительный рингтон телефона Марка.

— Ну кто звонит в такое время? — широко зевнув, проворчала себе под нос и поднялась. Марик никак не хотел просыпаться и находить свой смартфон, и это пришлось делать мне.

Проклиная все на свете, пошла на противный звук и оказалась на кухне. Телефон, сверкая экраном, лежал на кухонном островке. Явно брат забыл, когда мыл посуду. Поморщившись от очередного резкого подключения к композиции ударных, взяла гаджет в руки и приняла вызов.

Мысленно еще раз посетовала на судьбу, которая подкинула мне Марка, совершенно не умеющего выбирать рингтоны.

— Да?

— Доброй ночи, с вами на связи клиника "Авиценна", — раздался по ту сторону холодный женский голос. — Как я могу к вам обращаться?

У меня от плохого предчувствия похолодели ладони. Сильнее сжала тонкий айфон, чтобы не уронить, и, едва дыша, произнесла:

— Здравствуйте. Меня зовут Полина.

— Полина, можете, пожалуйста, позвать Чернигова Марка Андреевича?

— Что-то случилось с отцом? — проигнорировав ее вопрос, выпалила я. — С ним все в порядке? Он очнулся, да?

Женщина, вероятно дежурный врач или медсестра, ответила не сразу. Несколько долгих, бесконечно долгих минут мы обе молчали, и воцарившуюся тишину нарушал лишь мой учатившийся пульс — сердце билось оглушительно громко где-то на уровне горла.

— Сожалею, — снова пауза, во время которой у меня в голове сотни мыслей успевают убить меня и разобрать на составляющие, сжечь и мой пепел развеять в водах моего личного Ганга, — но Довлатов Андрей Фёдорович скончался сегодня в час сорок восемь минут от остановки сердца и...

Совершенно пустой и безэмоциональный голос работницы клиники продолжал что-то говорить: про морг, про то, что надо забрать личные вещи, что-то еще, а я стояла, растерянная, подавленная и потерянная.

Ее слова до меня дошли не сразу — мозг просто не мог переварить новую информацию. Немыслимую. Странную. Страшную. Нереальную.

Нет, не может быть...

— Полина, вы слышите меня?

— Да, — мой же голос звучит твердо и звонко, и я вздрагиваю — настолько он чужой и... пустой.

— Вас и вашего брата ожидать в первой половине дня, верно?

— Да.

— Хорошо. Наша клиника приносит вашей семье соболезнования и...

— Спасибо, — перебила речь женщины и отключила звонок. Посмотрела на номер "Авиценны", пытаясь сфокусировать взгляд и как-то успокоиться. Думать обо всем, лишь бы не...

"Довлатов Андрей Фёдорович скончался сегодня в час сорок восемь минут от остановки сердца"...

Смартфон выскочил из ослабевших пальцев и столкнулся с паркетом. Раздался хруст треснувшего стекла. Также оглушительно разбились мои надежды на то, что все станет как прежде. Будет папа, будет снова наша семья, но на этот раз счастливая.

И из моего горла вырвался крик — надрывный, хриплый, переходящий во всхлип крик. Безумный. Безутешный. Горький.

Я не могла остановиться, не могла сделать нормальный вдох, задыхалась, но продолжала пытаться выплеснуть всю ту боль, в которой я тонула.

— Поль?! Полина, очнись! — перепуганный Марик тряс меня за плечи. — Поля, что случилось? Полина, посмотри на меня, эй.

Он сжал мое лицо в своих ладонях, вынуждая зацепиться за его взгляд.

— Поль, посмотри на меня. Только на меня и скажи, что случилось. Давай, малышка, ты сможешь. Ну же, родная. Давай.

— Папа, он... — только и выдавила я. Слезы душили. Боль сводила мышцы, выворачивала нервы. Я будто сама умираю. — Марк, миленький, он...

Зажмурилась до белых точек перед глазами и вцепилась в брата. Тот заключил меня в кольцо своих рук, прижал к себе, поглаживая в успокаивающем жесте спину. Молча. И я была очень благодарна ему за тишину.

Прошел месяц

— Из-за каких-то бумажек? Серьезно? Нам принадлежит контрольный пакет акций, Евгений Эдуардович. Допустим. Да, тот провал отразился на нашем соглашении, признаю, но Рижские согласились на повторную встречу... — разговор шел на повышенных тонах, так что я прекрасно слышала, о чем Марк беседовал с одним из директоров компании даже через плотно закрытую дверь. — Откуда я вам найду? Нет. Я же сказал: нет. Ничего продавать я не стану. Это дело моего отца, и раз он решил, что "Энергик" войдет в холдинг, значит, так и будет.

Тяжело вздохнув, хотела было воткнуть в уши наушники и пойти попробовать все же поспать, как следующие слова брата просто вывели меня из привычной серой колеи:

— Осознаю. Да. Что если мы все потеряем? А с чего вы решили, что я позволю это? Пока все под контролем. Нужные бумаги я оставил у Лаврова, просмотрите, и жду вас завтра у себя...

После Евгения Эдуардовича Марик позвонил юристам, и из обрывков следующего диалога я пришла к мысли, что он многое умалчивает. Не врет, но так искусно огибает эти темы, что я теряю бдительность.

Или это я просто не замечаю ничего? Не замечаю проблемы в компании, что разгребает брат в одиночку, не замечаю то, как он выкладывается на все сто. Ничего, кроме своей боли, не замечаю.

Я всю ночь думала об этом. Сидела на подоконнике, кутаясь в плед и наблюдая за одиночными звездами, чье сияние пробивалось сквозь полотно туч. Правда, в голове, вместо пасторальной картины, отображалось совершенно другое — кладбище и влажные комья земли, которыми засыпали гроб.

Тряхнула головой, прогоняя непрошенные воспоминания, и перебралась на кровать. Утром с братом пообщаюсь. Кажется, он должен мне рассказать очень много всего.

Только Марик ушел раньше, чем я проснулась. Как всегда. Только запах его духов и небольшая записка на столе говорили о том, что он ночевал дома.

"Не скучай. Сегодня буду позднее, чем обычно

P. S. Не забудь про завтрак".

И все. Смяв бумажку с каким-то странным раздражением, бросила в урну и поднялась в свою комнату. Поздно. А когда он вообще рано возвращался?!..

В своей спальне огляделась. Не находя себе места, направилась к рабочему столу.

"Интересно, как выглядит его новое "поздно"? Очередная кукла с дурным характером или братец научился выбирать нормальных девушек?" — зло подумала я, остервенело собирая с поверхности целую кипу скетчев. Быстрые наброски, просто рисунки, зарисовки — то, чем я занималась в последнее время, в порыве необычных эмоций я сжала в ладонях и выбросила. Не знаю, зачем, но впервые за эти дни захотелось. Хоть чего-то захотелось, и я с радостью исполнила желание.

После незапланированной уборки немного успокоилась и даже устыдилась. Боже, что за тупое рассуждение? Марк работает, а я тут... Мало того, что бездельничаю, так еще допускаю подобного рода мысли. Он, как никто другой, достоин и хорошей девушки, и нормальной личной жизни, и вообще всего самого лучшего.

Нельзя больше сидеть в четырех стенах, иначе скоро начну подозревать существование зеленых человечков. Надо что-то делать. Это я точно понимала, но одно дело — планировать, а совершенно другое — подняться и начать. Легко строить в голове по кирпичам новую жизнь, но так трудно выбраться из горящих руин прошлого.

Надо. Надо, Полина.

Папа бы не хотел, чтобы я так прозябала в четырёх стенах.

Стиснув зубы, я поднялась из своей постели и спустилась на кухню. За последний месяц я ужасно раскисла: замкнулась в себе, забыла про учебу и друзей. Опять же осознавала, что так неправильно, что надо жить дальше. Хотя бы ради папы и ради Марка, если не для себя. Но как это объяснить той маленькой девочке, что жила внутри меня? И которая полностью осиротела. Вот так.

Папа мне всегда говорил, что семья — мое все. Моя поддержка. Моя опора. Мой шанс подняться, даже если упала на самое дно. Впрочем, я себя так и ощущала: упавшей в пропасть, но не разбившейся. Потому что у меня есть Марк. Есть он и есть его иступленная любовь ко мне. Именно она держала меня на плаву. И именно он протянул руку, чтобы вырвать меня из лап отчаяния. Сам держался из последних сил, однако меня вытащил.

На кухне было стерильно чисто. И как-то... чужеродно. Прежний уют, будто осенние листья, слетел и растал. Продукты лежали аккуратно, но не там и не так, как ставила я, тарелки стояли строго по размеру, а забавных стикеров и рисунков на холодильнике больше не было. Домработница, которую нанял Марик, очень старалась и держала все в чистоте, но это было не то.

Ну, ничего! Я снова в строю.

Достав нужные ингредиенты, замесила тесто для пиццы, подготовила начинку и занялась шарлоткой. Привычного удовольствия я пока не получала, и даже такая легкотня меня безумно утомила. Было ощущение, что вагоны разгружала, а не пиццу и пирог состряпала.

После, устроившись в гостиной с чаем, принялась писать курсовую, которую должна была сдать неделю назад. Должна была, но не то что сдала — тему из предложенного списка не выбрала.

Марк, как и сказал, вернулся ближе к двум часам ночи. И, увидев меня, очень удивился:

— Полина?

Я отложила ноутбук, потянулась, разминая затекшие мышцы, и с улыбкой сообщила ему:

— Надеюсь, ты не поел в каком-нибудь кафе? Я ужин приготовила.

Брат с заминкой покачал головой и, одарив меня еще одним внимательным взглядом, спохватился:

— Ты на время смотрела, Поля?

— Ага. Но я тебя ждала. Посидим вместе?

Я думала, меня отчитают и попробуют отправить спать, но нет, по четко очерченным губам Марка скользнула теплая улыбка.

— Только подождешь меня? — он скинул куртку, а под ней у него оказались лишь майка и штаны, которые он надевал на тренировки. — Я после качалки.

— Конечно, я пойду тогда накрывать на стол, — смущенно отозвалась, вспомнив, с чем связала его задержку. Да и если и есть у него девушка, то я должна радоваться. Это же хорошо, это же... Только почему от подобной мысли у меня снова опускаются руки?

— Ну что ж, рассказывай, — велела я, когда мы закончили с пиццей и принялись за чай.

— М? — Марик откусил большой кусок шарлотки и принялся жевать. Тщательно и медленно, явно поняв, что снова буду затрагивать темы, которые он не желает со мной обсуждать.

— Например, о том, чем закончился суд... — сглотнула, но четко и, не отпуская взгляд, продолжила: — о деле отца? О том, что за проблемы начались в компании? И почему есть риск потерять все?

Брат, спокойно запивающий десерт ягодным чаем, замер с чашкой в руках. Его плечи напряглись, а черты лица немного заострились.

— И ты мне расскажи, Полина. Например, с каких пор ты начала подслушивать? — спросил он ровно спустя несколько долгих секунд, чуть прищурившись.

— С тех пор, как ты решил, что моя доля — мучительная неосознанность, — парировала я.

— Меньше знаешь — крепче спишь.

— Но не в моем случае, — я рывком поднялась со стула и осталась стоять, сжимая его спинку. Не могла больше сидеть. Эмоции просто не позволяли. — Я устала, Марик, от твоей скрытности. Устала ждать тебя и ответы на вопросы, которые я вправе знать. Устала от молчания — твоего и своего. Хватит!

Сорвалась на крик и замерла, кусая губы. Сделала плавный выдох и уже тише произнесла:

— Я больше не могу, понимаешь? Да любая правда лучше, чем все то, что придумывает мой чертов мозг! Расскажи уже мне все, и я перестану сходить с ума. Встану и начну что-то делать.

— Тише, Поль, — Марк отодвинул от себя блюдо с пирогом, стер крошки с ладоней и тоже поднялся. Одним шагом преодолел небольшое расстояние между нами и утянул на тот самый диванчик, на котором мы разговаривали в прошлый раз. Крепко обнял, предвещая мое сопротивление.

— Ты сейчас снова будешь заливать о том, как все хорошо, да? — устало поинтересовалась, откидывая голову на его крепкое плечо и устраиваясь удобнее. — Марк, я давно выросла из сказок. Можешь быть честным, утопию оставь для фанатов этого жанра.

Он тихо рассмеялся, и я, если честно, заслушалась. У него красивый смех и голос. Мы так давно не сидели вместе и так давно нормально не общались. Я соскучилась. По нему, по папе, по нашей жизни, что осталась в прошлом. Сейчас наши прошлые пикировки и мои обиды выглядели сущей ерундой.

— Какая ты... воинственная сегодня, — хмыкнул Марик. — И кого или что мне благодарить за это?

— Ты мне зубы заговариваешь, — нахмурившись, постановила я.

— Правда? — невинным тоном спросил парень, за что мгновенно получил довольно ощутимый тычок в бок от меня. — Ладно-ладно! Прости. И кстати, было больно.

— Тоже прости. И я жду ответы.

Он не сразу начал говорить. Где-то с минуту гладил мои руки, то переплетал наши пальцы, то разрывал прикосновение, чтобы пройтись по чувствительной коже на запястье.

— Последнее заседание состоялось на прошлой неделе, — Марк не опускал мои ладони и продолжал мягко массировать их тыльную часть. Я и не стремилась вырваться из захвата — мне впервые за последний месяц было хорошо. Умиротворенно. Спокойно. Не душили страх и растерянность. — Доказать, что отец совершил самоубийство, у них не вышло. Я же сказал, что следователь глупость молотил.

— А тогда причина?..

— Неисправная машина, — после небольшой паузы ответил он.

Из меня будто выкачали весь воздух. Ударили чем-то тяжелым по голове. Толкнули в пропасть.

Просто не может быть! Ну не может. Нет. Не может.

— Бред, Марик, это полнейший бред, — повернулась к нему и заглянула в ярко-зеленые глаза. — Папин "Мерседес" был куплен меньше месяца назад. Он просто не мог сломаться за столь короткий срок. Бред...

Губы брата искривила легкая усмешка, но больше он никак не отреагировал.

— Ты ведь знаешь что-то еще, да? — пришло осознание. — Знаешь, но не хочешь говорить. Я не могу поверить в то, что ты мог принять эту чушь. Скажи, что я верно рассуждаю.

— Какой у тебя был второй вопрос? — проигнорировав мои слова, произнес Марк.

— Нет, скажи! — потребовала я, делая попытку высвободиться из кольца его рук. — Я каждый чертов день считала виноватой себя и то чертово видео. Каждый день, Марк. А сейчас...

Меня сжали крепче, горячие пальцы зарылись в мои волосы, прежде чем притянуть мою голову к его плечу. Только спрятав лицо у него на предплечье, поняла, что плачу.

— А тут точно бред, — он ласково погладил по спине. — Что за дичь, Польша? Как ты вообще додумалась до подобного?

Только Марк может быть недовольным, но при этом... мягким и нежным.

— Тот дол... — осекся и, поморщившись, исправился — допустим, придурок только игрался, Польша. Отправить он ничего не отправил. К тому же в тот день его номер уже был удален.

Я замерла. А потом резко отстранилась от парня и вскочила на ноги, озаренная внезапной догадкой. Части пазла, которые до этого были разбросаны и представляли собой разноцветный хаос, начали собираться в еще не четкую, но единую картинку. Запугивание, авария, потом проблемы в бизнесе — цепочка из неприятностей, которые вроде как слабо

связаны, но...

— А ты не думал, что все подстроено? Столько очень странных совпадений, которые ведут к... — не успела закончить мысль — брат перебил меня:

— Иди ко мне.

— Но...

— Иди сюда, — тверже повторил Марик и потянул меня снова в свои объятия. Сжал. И, едва касаясь губами моего уха, тихо простонал: — И почему ты такая сообразительная?

Насупившись, решительно потребовала:

— Я хочу знать, что ты собираешься делать.

Ответом мне была тишина. Снова чертова тишина, которая уже порядком бесит. Что мешает ему хоть немного раскрыться мне?

— Поль, уже поздно, — сказал он через пару минут и, отстранившись от меня, первым поднялся. — Хватит с нас разговоров. Остальное потом.

Вот опять. Через сколько "потом" я добьюсь от него правды?

— Это не смешно.

— Прости, я не настроен сегодня шутить, — хмыкнул Марк и принялся убирать со стола посуду и загружать посудомоечную машину.

Я хотела было помочь ему, но замерла, неотрывно следя за парнем. Высокий, накаченный, в простых серых спортивных штанах и черной майке, подчеркивающей литые мышцы, — он выглядел сногшибательно, особенно на фоне кухни.

— А куда девать остатки пирога? — чуть нахмурившись, спросил Марк, поправляя светлую челку, которая лезла на лоб.

До меня не сразу дошел смысл его слов — тупо засмотрелась на его идеальный профиль и широкий разворот плеч, а когда дошло, то уже не успела ответить.

— Полин? — мягко позвал брат. — Ты уже начала клевать носом, иди спать.

Я покраснела, кажется, до кончиков волос. Боже, что это со мной? Что за мысли? Какие, блин, плечи и профиль? И как же хорошо, что он не понял истинную причину моей заминки.

— Я сейчас достану контейнер, — сглотнула вязкий ком в горле. — Впихнем в него шарлотку и в холодильник...

Поднялась и попыталась склониться к нижнему шкафчику, чтобы найти необходимое и одновременно спрятать свою растерянность и немного успокоить бешено бьющееся сердце. Что за черт со мной творится? Однако не удалось — мои запястья перехватил Марик и, чуть прищурившись, посмотрел мне прямо в глаза, будто заранее выискивая ответ на свой вопрос:

— Ты в порядке?

Нет. Нет, совсем не в порядке — голова идет кругом от всей этой ситуации. Еще я в шоке от себя — я узнала новые подробности о смерти папы, но вместо этого в моих мыслях... Боже, какая я противная.

— Да, в порядке, — разорвала зрительный контакт. Мне было стыдно. — Лучше скажи... — перевела дыхание и спросила прямо: — Почему ты все это делаешь? Ты же никогда не хотел заниматься бизнесом и собирался уехать, когда закончишь университет и заберешь ключи от квартиры матери.

Нет, я была очень благодарна за то, что он со мной, но... Ох уж это "но". И мне именно сейчас было важно знать: что его мотивирует и что его держит на плаву? Настолько, что он, забив на свои желания, занимается тем, чем никогда думал заниматься. Он помогал папе

тоже с одной целью: что после завершения учебы тот от него отстанет. Но почему сейчас, когда он мог наконец уйти, не дожидаясь еще один год, Марик остался? Причём взвалив на себя столько всего, а я, всегда считающая себя опорой отца, сдулась и сдалась?

Он несколько секунд смотрел на меня молча, а затем, опустив мои кисти, мягко коснулся волос. Я рвано выдохнула. А он зарылся пальцами в небрежно собранный хвост, ослабил резинку, отчего та скользнула с них и упала на пол. Волосы рассыпались по плечам.

— Почему? — мягко помассировал макушку и немного оттянул пряди, заставив откинуть голову назад. Кожу прострелили тысяча мурашек — странных, обжигающих и приносящих легкую, сладкую боль. — Думаешь, надо все оставить? Тебя, и то, чему отец посвятил всю свою жизнь? Я, конечно, не самый правильный сын, — усмехнулся, одной рукой обхватил мой подбородок, так же обжигая кожу своим теплом, — но... Я ценю то, что он для меня сделал. И еще больше ценю тебя.

Я не знаю, что приятнее — его слова или прикосновения. Только фразу "еще больше ценю тебя" я готова, как мантру или молитву, запомнить на всю жизнь. Запомнить, чтобы каждый раз, когда опускаются руки, воскресить в памяти и идти дальше, освещая свой путь ими.

— Так что глупый вопрос, Поль, — Марик мягко улыбнулся и отошел на шаг, разорвав наш контакт.

Я еле удержала в себе разочарованный стон. Прикусила нижнюю губу и, тоже отступив, произнесла:

— Мне кажется, он бы тобой гордился. Ты самый лучший сын и б...

— Не надо.

Кивнула ему и все же достала из шкафа злосчастный контейнер. Убрались за собой мы молча и молча же разошлись по комнатам.

— Думаешь, это хорошая идея? — Марк нахмурился, неотрывно следя за дорогой. В этой части города покрытие было просто отвратительным — будто асфальт не меняли эдак со времен моего рождения. К тому же растаявший вчера снег замерз и теперь Москва представляла собой как минимум каток, а как максимум — самую настоящую ледовую арену.

— Даже если и плохая, уже поздно разворачиваться назад, — пожала плечами я. — Едем дальше.

— Ты права, — по его губам скользнула кривая ухмылка. — Ну что ж, домой так домой. Вчера ночью я долго не могла заснуть и ворочалась в кровати. Тогда и возникла мысль, что, может, Марку стоит побывать в квартире своей матери? Просто... Папа неправильно поступал, не давая ему доступ в нее. Эгоистично. Брат ведь скучает по маме, как и я по своей. И ему, как и мне, наверняка не хватает ее присутствия. Так что, с утра немного покопавшись в отцовском сейфе, я поставила перед Мариком ключи и предложила потратить воскресенье с пользой: съездить в ту квартиру. Брат молча покрутил в руках брелок, сжал в руках и со странным выражением лица разглядывал связку.

Конечно, он сначала отказался, однако я сумела не только поменять его решение, но и уговорила взять меня с собой. Мне безумно хотелось увидеть воочию его прошлую жизнь и немного приоткрыть завесу тайн, что Марик хранит в себе и защищает надежнее дракона. Может, в месте, где он провел свое детство, есть ответы на мои вопросы? Например, почему же его мама умерла? Откуда у него шрам на ребре? И как родились его кошмары, которые снятся ему до сих пор?

Нужная улица находилась на отшибе города. Криминальный район, недостроенный жилой комплекс и заброшенная когда-то давно школа — вот что окружало низенький четырехэтажный дом с разрисованными стенами. Его местоположение было очень неудачным, потому что тень от рядом стоящих домов падала так, что он просто погружался во тьму. Мрачно, сыро и как-то... Не очень. Почти нет деревьев, от детской площадки лишь одно слово, потому что вряд ли можно кататься на подверженном коррозии металле, который и горкой назвать сложно, про покосившиеся качели, издающие жалобный скрип, лучше не вспоминать.

— А здесь всегда так... — заметив двух пьяных мужиков, плетущихся в нашу сторону, сглотнула и прижалась к Марику, — мрачно?

— Почти, — он переплел мои пальцы со своими, а затем задвинул меня за свою спину, тем самым скрывая от подошедшей алкашни.

— Есть двадцать рублей, пацан? — еле выговаривая слова, прохрипел первый. Небритый, с длинными нечесанными лохмами на голове и с жутким перегаром.

— Нет, — холодно ответил Марк.

— Ик! А десять? — подключился второй мужик. Он выглядел не лучше, запах от него шел тоже не самый приятный. — Не будь жмотом, парень.

— Да-да, — снова первый. — Красивые цыпочки не любят жмотяг.

— Нет.

"Красивые цыпочки"? Серьезно? Я еле сдержала смехок.

— А если поиска... ик! Поискать? — не сдавался первый.

Марк демонстративно хрустнул костяшками и повел плечом, разминая мышцы. Пьяницы мгновенно отступили и примирительно пробормотали:

— Нет, так нет, брат.

— Да, мы понятливые. Кризис, все такое.

И они, продолжая сетовать на тяжелое экономическое положение страны, пошли прошли прочь. Мы с Марком проводили их взглядом, и я первая нарушила вновь воцарившуюся тишину:

— Идем? Нам в какой подъезд?

— Стоп, — его голос звучал решительно. — Ни в какой. Было плохой идеей сюда идти, особенно с тобой. Возвращаемся.

Что?! Я сюда тащила почти два часа, чтобы просто уйти? Черта с два!

— Марик, ты перегибаешь палку! — возмущенно прошипела и вырвала из плена его пальцев свою ладонь. — Или ты прекращаешь так себя вести со мной, или...

Что "или", не договорила. Застыла, огромными от изумления глазами рассматривая тощего мужичка с жидкими темными волосами. Он, не замечая меня, неся вперед, спрятав руки в карманы и очень знакомо переставляя ноги — мыски его ботинков при ходьбе смотрели немного вовнутрь, а не вперед или в сторону.

— Или что? — мрачно уточнил Марк.

Когда-то я обещала себе его найти, но сейчас растерялась. Даже если пойду за ним и смогу прижать к стенке, что я ему скажу? Верни мне цепочку с крестиком, которую украл шесть лет назад? Сомневаюсь, что он все это время ее хранил и пыль протирал, а не сдал в ломбард в тот же день.

— Полина? — позвал брат.

Я не ответила. Следила за ублюдком, который, воровато осмотревшись, хотел было спуститься в подвал дома, но вдруг тоже увидел меня. Узнал. Его некрасивое, похожее на крысиную морду, лицо вытянулось, а тонкие губы растянулись в ухмылке. Тварь. Мерзкая, мелочная тварь. Я думала, он устыдится или испугается, но нет, лишь скривил рот. Ублюдок.

— Да что там такое?! — Марик проследил за моим взглядом.

Мужик мгновенно перестал скалиться и отчего-то бросился бежать, совсем забыв про изначальную цель. Он испугался... Марка?

— Ты с ним знакома, Полина? — лицо брата будто окаменело. Скулы обозначились еще сильнее, желваки "заходили" под кожей, а зелень его глаз обжигала едким холодом.

— Можно и так сказать, — чуть нахмурившись, кивнула. Реакция парня меня несколько озадачила. — Он украл у меня мамин золотой крестик. Ну, и забрал на память прядь волос, — машинально потрогала через шапку голову, поморщилась.

Тот день я помнила до мельчайших деталей: начало осени, я собирала около школы листья клена для гербария в ожидании нашего водителя, Влада, как появился он. Все произошло так быстро, что я не сумела ничего предпринять. Да и могла противостоять мужику двенадцатилетняя девчонка? Подонок толкнул меня, одной рукой схватился за мои волосы, причем настолько сильно, что потом на его ладони остался пучок, а другой рукой буквально вырвал тонкую цепь с шеи. Мне было плевать на тупую боль, прострельнувшую затылок, это суший пустяк по сравнению с отчаянием, что я испытывала в тот миг.

— Интересно, — как-то сухо и безэмоционально протянул Марик. — Время и место? И почему не рассказала мне?

— У ворот школы, в сентябре, шесть лет назад. Почему не рассказала? Тогда мы с отцом про тебя вообще не знали... — запнулась и, внимательно посмотрев на напряженного брата, прищурилась: — Марк? Ты же не собираешься...

Он широко ухмыльнулся и размял пальцы.

— Понятия не имею, что я не собираюсь, но ты сейчас идешь, садишься в машину и ждешь меня. Окей?

Почему-то мне не хотелось его отпускать. Просто что-то внутри шептало, чтобы я не позволила ему уйти. То ли интуиция, то ли чувство самосохранения — мало ли, какие тут еще люди обитают. Уже троих жителей встретила, и они мне очень не понравились.

— Нет, не окей, — сложила руки на груди и поставила перед фактом: — Или я с тобой, или мы вместе идем посмотреть квартиру.

— Полина, — произнёс тоном, не терпящим возражения.

— Марк, — для подкрепления своих слов вцепилась в его ладонь. Очень горячую, кстати, потому вытасила из кармана вторую руку и переплела наши пальцы.

Он тяжело выдохнул и чуть хрипло спросил:

— Где твои перчатки?

— А зачем мне перчатки, если есть ты? — невинно ответила, продолжая его удерживать.

Странное, очень странное ощущение, что если он уйдет, что-то произойдет. Причем вряд ли хорошее.

— Не заговаривай мне зубы, Поль. Посиди, пожалуйста, минут десять, я быстро вернусь.

— Нет. Нет. Нет.

— Полина, прекрати, — с глухим раздражением в голосе прошипел он.

Вот же упёртый! Нет бы хоть разок согласиться со мной!

— Прошу тебя, не ходи, — упрямо попросила и встретившись с его решительным взглядом, не выдержала: — Что мне сделать, чтобы ты послушал меня?

Ответом мне была тишина, и я уже думала, что еще предпринять, дабы удержать твердолобого братца, как Марк, резко втянув холодный воздух, произнёс:

— Поцелуй.

Я оторопела.

— Что?..

— Поцелуй меня, — с какой-то злой усмешкой повторил. — Один поцелуй, и я сделаю все, что ты хочешь. Поцелуй по-взрослому, а не в щеку.

Все мысли как-то мгновенно покинули голову, и я несколько секунд перебирала слова, в попытках найти нужные. Черт! Черт! Черт!

Не могу его отпустить. У меня остался только Марик. Не могу ему позволить. Не могу но и целовать...

Черт! Это будет неправильно. Очень неправильно.

— Нет? — усмешка. Горькая. — Отлично. Тогда...

Беспомощно огляделась вокруг и... Плюнув на все и послав к дьяволу, приподнялась на цыпочках и обхватила ладонями его лицо. Только от контакта нашей кожи по моим венам, вместо крови, потек высокочастотный ток.

— Поля... — попытался что-то произнести Марик.

— Помолчи, будь добр, — бесцеремонно приказала и, зажмурившись, коснулась его губ своими.

Сумасшествие. Чистое. Концентрированное. Лишь соприкосновение, я не нашла в себе силы пойти дальше, но и оно вышибло весь кислород из легких, невероятным удовольствием разлилось по всему телу, согревая и... наполняя каждую клеточку странным огнем.

— И все? — его слова я скорее почувствовала, чем услышала.

Быстро скользнула губами к его щеке и чмокнула.

— Теперь все. Какой же нам подъезд нужен? Пошла сама посмотрю, — проговорила торопливо, отстраняясь и оставляя Марка стоять с неопишным выражением лица.

Я ощущала себя как минимум победительницей какого-нибудь турнира. Как максимум — Олимпиады. С прямой спиной протопала всего шагов так пять, как меня вдруг схватили и нахально закинули на плечо.

— Марик! — возмущенно воскликнула, извиваясь и дергаясь.

— Помолчи, будь добра, — вернул мою же фразу он, спокойно направляясь в сторону припаркованного авто.

— Отпусти меня немедленно!

— Отпустить? Уверена? — насмешливо поинтересовался. — Вряд ли тебе понравится лужа, в которую упадешь.

Я еле удержала в себе тот скромный, но достаточно экспрессивный запас ругательств. Идиот! Придурак! А я ведь ему поверила! А я... Но на всякий случай вцепилась в его куртку.

— Поставь на ноги, черт тебя подери! Иначе...

— Иначе что? — этот потенциальный самоубийца легко достал из кармана ключи, выключил сигнализацию машины, все еще удерживая меня. — Я внимательно слушаю, Полин.

— Иначе... иначе... — прикусила губу, зло подбирая достойную расправу.

И пока я отчаянно думала, Марк умудрился все же вернуть меня на землю. Только я и перевести дыхание не успела, как тот распахнул дверь своего "ауди" и затолкал меня в салон. Затем так же живо закрыл дверцу и заблокировал ее.

Да он просто охренел! Да он...

Я была возмущена и зла? Забудьте! Я в бешенстве. В ярости!

— Я тебя убью, Марк! Придушу! Открой дверь сейчас же! — взревела, нажимая на все кнопки в машине. Почему я не могу даже окна открыть? Что за фигня?

Он лишь широко улыбнулся и показал знаком, что не слышит. Послал воздушный поцелуй и пошел туда, куда убежал воришка.

С-сволочь! Какая же сволочь!

Чем больше я ждала Марка, тем больше злилась. Что за выходка? Мало того, что меня обманул, так еще все же сделал по-своему. Ему, наверное, сейчас жутко икалось — я каждую секунду думала о нем и каждую же секунду проклинала его и его дурной характер. Ну и кто меня за язык тянул? Зачем я рассказала ему про тот случай? Не представляю, куда убежал тот мужик — этот район меня настораживал. И Марик жил здесь со своей матерью?..

Отправив очередное послание непутевому братцу, в котором обещала собственноручно придушить, откинулась в кресле и прикрыла глаза. Кроме ярости во мне плескалось еще одно чувство: страх. Вдруг тот ублюдок что-то сделает Марку? Вдруг у него нож или пистолет? Вдруг он позовет своих дружков?

Тяжело выдохнула и нагло залезла в бардачок машины — видела там в прошлый раз жвачку. Пожую, может, успокоюсь. Ну, или плюну со злости в упаковку.

Он явился через минут сорок. Взволнованный, но с широкой улыбкой на губах.

— Как сиделось? Надеюсь, не замёрзла? — поинтересовался как ни в чем не бывало, открывая дверцу с моей стороны и выпуская меня.

Зря! Очень зря!

— Как сиделось, да? — я мгновенно выскочила из авто и поравнялась с парнем. Тоже широко улыбнулась и... привстав на цыпочки, укусила его за нос.

— Эй! За что? — Марик отшатнулся и потер ладонью пострадавший орган.

Он еще спрашивает? Серьёзно? Значит, слабый был укус, потому, вцепившись в него, захватила зубами уже кончик подбородка.

— Поля, ты чего? Все же хорошо, я вернулся, а ты меня умудрилась подождать без сторонних приключений. Это оказалось легче, чем ты предполагала, правда? — он сам подписывал себе приговор с каждым словом. Если бы не его насмешливый тон, то я бы перестала, а теперь... Теперь меня волнует одно: на его могилу тащить кактусы или начать выращивать сорняки? И как же жаль, что в детстве выбрала танцы, а не, как Марик, бокс.

Следующим место, до которого я смогла дотянуться, была шея. Осторожно прикусила ее, хотя хотелось посильнее, чтобы знал: злить меня не стоит. Но добила совершенно иного эффекта:

— Слушай, — его голос звучал как-то хрипло. — Мне начинает нравится твое недовольство. Продолжай!

У меня, кажется, не только лицо, даже ногти и те покраснели. Молниеносно отстранилась от наглеца и, сложив руки на груди, решила высказать все, что о нем думаю:

— Извращенец! Обманщик! Самонадеянный идиот! Ду...

— Кто? Повтори сначала, — чуть прищурившись, перебил Марк.

— Обманщик, самона... — моё мнение несколько не поменялось.

— Нет, не с этого. Ты назвала меня по-другому.

— Извращенцом, — и бровью не повела. — Я, между прочим, совсем не то вкладывала в...

Мрачно кивнув каким-то своим мыслям, Марик сделал шаг вперед и зловеще протянул:

— Извращенец, значит?

В следующую секунду я оказалась прижатой к напряженному твердому телу, а через еще одну его губы прижались к моим, запечатывая невысказанную тираду, полную возмущения. Несмотря на резкость, он целовал до упоения нежно, бережно касаясь и исследуя мой рот.

— Все, теперь идем, — Марк отстранился и, игнорируя мое удивление и растерянность, потянул к дому, в котором провел свое детство.

— Больше так не делай, — проговорила я, опуская взгляд.

Я действительно растерялась, что даже сопротивляться не смогла, и никак не могла теперь прийти в себя. Что это было? Зачем? И я настолько погрузилась в свои мысли, что очнулась только тогда, когда мы переступили через порог обшарпанной квартиры.

В нос сразу ударил запах затхлости. Брат поморщился, но крепче сжал мою ладонь и закрыл за нами входную дверь — почти что новую, достаточно дорогую. Скорее всего, ее поставил отец, когда выкупил жилище, чтобы кто-то в него не пробрался.

В полнейшей тишине добрались из прихожей до зала, стараясь ступать осторожно — не хотелось поднимать пыль, оседшую на пол.

— Как-то я по-другому все представляла... — поежившись, осмотрелась.

Обоев почти нет и из-под газет, которыми кто-то отделал стены, выглядывал бетон. Из

мебели жуткого вида диван, деревянный, еле держащийся на ножках, столик и полки. Пустые. Никаких картин, фотографий, сувениров и прочих мелочей. Только пыль, пыль и паутина.

Снова повернулась к Марику:

— А здесь всегда было... так?

— Допустим, — он неопределенно покачал головой. Затем его губы растянулись в кривой ухмылке: — И как же ты все представляла, а, Поля?

— Не знаю, — призналась отчего-то шепотом. — Не знаю, но я не думала, что... — не нашла подходящих слов и решила перевести тему: — Покажешь свою комнату?

— Комнату? — его насмешливый голос обжигал арктическим холодом. Я резко перестала быть любопытной. — Ты ее уже видела. Даже шкаф умудрилась на прочность попробовать.

Что? Он знал! Он знал, поэтому в день злополучной "мести" не только не разделся, но и не запер дверь! Он знал, но позволил мне уйти!

— Если хочешь, можем хоть сейчас поехать, — нагло ухмыльнулся. — Кровать ты наверняка еще не...

— Перестань! — у меня щеки уже просто пылали.

Кажется, еще чуть-чуть, и я загорюсь полностью. На всякий случай ладонью закрыла ему рот.

И лучше бы я этого не делала!

Марк умудрился поцеловать мои пальцы и слегка прикусил кожу. Руку отдернула быстрее, чем со скоростью света, и даже на пару шагов отошла. Мало ли — он какой-то странный.

— Ты такая красная. Как помидор, — он открыто забавлялся над моей реакцией. — Должен признать, самый забавный и привлекательный помидорчик на свете.

— А ты такой наглый, — мрачно ответила я. — Должна признать, настолько, что хочется обнять. За шею. Желательно сильно.

Парень рассмеялся и, пожав плечами, заявил:

— Ничего, я тоже много чего сильно хочу. Перетерпишь, — и первым двинулся в сторону, предположительно, кухни, бросив мне: — Еще минуты две, и поедем домой. Точнее, ты домой, а я по делам.

Я молча последовала за ним, не став спорить. Сегодня ко мне должна прийти Карина. Давно мы не собирались вместе. Возможно, она мне поможет советом в одном деле, а то...

— Черт! — чуть ли не споткнулась о порог, который надо было преодолеть, чтобы попасть на кухню, но вовремя удержалась на ногах.

— Поль, жива? — поинтересовался Марик, повернув голову в мою сторону. Он что-то увлеченно искал в ящике под кухонным островком.

Просто кивнула ему, и брат, удовлетворенный ответом, принялся дальше копаться в вещах. И как получилось, что их не выкинули люди отца? Потому что квартиру явно полностью вычистили, оставив совсем ничего. Но долго думать об этом не получилось: в следующую секунду я взглядом наткнулась на какую-то штучку, торчащую из лохмотьев линолеума, что застилал пол. Мыском ботинка вытащила ее.

То, что увидела, просто перевернуло мой мир. Нет, не так. Он разрушился до основания. Эмоции захлестнули с головой, и я чаще задыхалась. Как так? О, Боже. Мысли, чувства, боли — все смешалось в ядреную, взрывоопасную смесь, что жгла мне мозг.

Машинально сделала шаг назад, но снова наступила на чертов порог и чуть ли не свалилась на грязный пол. Невольно вскрикнув, вцепилась в косяк двери.

— Поля?! — Марик с силой захлопнул шкаф.

Не знаю, откуда у меня нашлось столько прыти, но я метнулась к тому месту, где в линолеуме была дырка, и запихнула ногой шприц обратно. В голове набатом билось одно: не позволить и ему заметить его. Не сомневаюсь, что он был в курсе, но сейчас... Зачем ворошить болезненное прошлое и обнажать старые раны?

— Колечко уронила, — нервно улыбнулась подошедшему парню. — Что ты там искал?

Пыталась быть спокойной, но в груди гулко стучало сердце, чуть ли не оглушая меня. Я в шоке.

Как там говорил Марк? "Почему ты такая сообразительная"?

А сегодня мысленно задаю себе этот вопрос. Почему? Я бы никогда не хотела знать то, что мне открылось. Я бы не хотела, как пазл, собрать ужасающее детство своего единственного близкого и любимого человека. Не хотела. Но картинка, будто магниты, собралась, и я не сумела вовремя отвернуться. Слова Марка о том, что когда-то он ел сырую картошку, его кошмары, шрам на ребре, озлобленность на всех, нежелание ничего рассказывать, раздолбанная квартира матери и последний кусок пазла — шприц. Длинный, тонкий, с короткой иглой и тёмным сгустком внутри. Насколько я знаю, такие довольно популярны среди... наркоманов. Во скольких фильмах, и не только художественных, мелькали кадры с именно такими медицинскими инструментами? Девяностые и двухтысячные оставили нам огромное информационное наследие на тему наркотической зависимости.

— Ничего, решил память освежить, — он внимательно осмотрел меня и нахмурился. — Нигде не болит?

— Марик, я же не упала, — отчего-то растрогалась. В его звучит голосе столько заботы и нежности, что я не могу сдержаться. Наплевав на все, бросилась ему на шею и крепко обняла. — Я есть хочу. Давай уже уйдем отсюда?

Его руки сомкнулись на моей спине, прижимая сильнее к нетренированному телу. Несколько минут — безумно приятных и самых лучших за последние дни, мы стояли в обнимку и молчали. Я думала о том, какую же папа совершил ошибку, допустив подобное. Чтобы его сын, его частица, жил в кошмаре долгих четырнадцать лет. Марк — невероятный, безумно добрый и умный. Он как никто другой заслуживает нормальной жизни.

Вокруг летала пыль, в доме царил полутьма, в воздухе витал запах затхлости и сырости. А мы просто обнимались, и Вселенная для меня будто замерла. Перестала существовать. Миром стало его тепло, его горячее дыхание на моей шее и его пульс под моими пальцами.

— Ты странная, — нарушил тишину Марик, скользя своей широкой ладонью по моей пояснице и оставляя огненный след. Огонь проникал через куртку, проходил сквозь тонкий свитер и пронзал жаром до костей. — Но мне нравится. Даже мысли немного прояснились.

— М? — я немного отстранилась и посмотрела в зеленый омут его глаз. — Какие мысли? На какую тему?

Он снова прижал меня к себе и только потом объяснил:

— По поводу всего, — тяжело вздохнул. — Тебя, матери, квартиры. Не елозь, Польша, давай еще немного постоим?

— Да хоть вечность, — сказала, а потом только поняла, что брякнула. Смутилась и хотела было оттолкнуть брата, но тот обнял крепче.

— Вечность так вечность. Уговорила, — Марк точно насмеялся. — Заметь: фраза твоя, я тут ни причем. Наверное, всему виной моя харизма и...

Вот дурак! Стукнула его по плечу и выпуталась из плена рук.

— Даже хваленая харизма не спасет, если я от голода начну тебя есть.

— Очень испугался, — фыркнул. — Ладно, идем, пока ты вправду не сгрызла меня.

— О, смотри, — Карина протянула мне свой телефон с открытой вкладкой "Инстаграма". — Влада с третьего курса. Как я и говорила, она встречается с преподавом.

Я без особого интереса посмотрела на фотографию жгучей брюнетки, которая обнималась с русоволосым мужчиной. Его лица не было видно, но я, приглядевшись поближе, узнала в нем Романа Васильевича — преподавателя по английскому языку.

— Тайные отношения, ага, — хмыкнула Рина. — Настолько тайные, что только слепой и глухой о них не знает.

— Я не знала, — пожала плечами, потянувшись за очередным куском пиццы с пепперони.

Пообедать с Марком мы не успели — его срочно вызвали куда-то, а одной есть не хотелось, так что пришлось ждать сначала Каринку, а потом доставку вкусностей.

— Потому что ты все время витаешь в облаках, — отмахнулась подруга, продолжая листать снимки. — Фотосессия Лерки на пляже. Видела? Оу, у ее Ника шикарная фигура.

— Она разве не в Москве? — я под села ближе к девушке и отобрала у нее смартфон.

Белокурая Лера в пыльно-розовом купальнике на фоне лазурного неба, белого песка и светло-голубого океана выглядела шикарно. На одном из многочисленных снимков она улыбалась в камеру и сжимала зубами трубочку яркого тропического коктейля.

— Ага, в Бали умотала на днях, — сообщила Карина.

Молча вернула ей гаджет. Бали. Я хотела полететь туда с отцом. Строила планы, купила всякие нужные мелочи, а в итоге...

— Поли-и-ина! — проорала Рина чуть ли не в ухо, чтобы привлечь мое внимание. — Гоша красавчик, правда?

— А? — заторможенно отозвалась, прогоняя горькие воспоминания прочь.

— Сюда глянь! — мне под нос снова сунули многострадальный айфон.

На фото, запечатленном предположительно в частном спортзале, Клинов сжимал в руках штангу. Под кожей, покрытой ровным загаром, выступали натренированные мышцы, на "кубиках" живота и на широких плечах сверкали бисеренки пота. Свет падал так, что делал его черты лица чуть хищными, придавая породистому лицу мужественность. Только я не впечатлилась. Как-то не фанат парней, что выставляют все напоказ. Да и, если быть честной, до Марка ему еще далеко.

— Он, кстати, все о тебе спрашивает, — беззаботно начала болтать Ринка. — Достал меня вопросами типа "У нее есть парень?", "Что она любит?", "Какой кофе пьет?". Между вами что-то есть, да? Так какого черта я не знаю об этом?

Именно в этот момент я жевала очередной кусок пепперони, а от удивления еда попала не в то горло, и я закашлялась. А какого черта я не знаю, что у меня с ним что-то может быть?!

— Эй, Поль, ты как? — встревоженно спросила, хлопая меня по спине, Карина.

Сделала большой глоток воздуха и показала жестом, что все путем.

— Ты осторожнее. Хочешь, я принесу тебе воду?

Чуть было не согласилась, чтобы немного прийти в себя и хорошенько подумать над ответом, который она, несомненно, потребует, но тут ожил мой телефон. Тихо завибрировал в моем кармане, уведомляя о входящем сообщении. Отчего-то не было сомнений по поводу

отправителя. Марк. Хотя... Кто еще, кроме него, будем мне писать? Разве что Гоша и еще пара знакомых, но... Но надеюсь, что не они.

— Нет-нет, — покачала головой и поспешила ее успокоить: — Я в порядке. Сама сейчас спущусь.

Подруга окинула меня внимательным взглядом, но кивнула и попросила:

— Сделаешь мне чай тогда?

— Конечно, — поднялась и уже у дверей уточнила: — Две ложки сахара, как и всегда? Девушка вгрызлась в пиццу и с полным ртом проговорила:

— А ифшо деферт!

Невольно улыбнулась. Она выглядела такой забавной с набитыми щеками... Как бурундук.

На кухне достала смартфон и открыла мессенджер. Я оказалась права.

Марик: "Помнишь, что ты обещала вести себя хорошо? Никаких вечеринок и шабашей!"

Теперь моя улыбка могла посоревноваться с улыбкой Чеширского кота.

"Ой. А мы тут уже всю гуляем. Если поспешишь, то успеешь на жертвоприношение!" — напечатала я.

Следующее сообщение не заставило себя ждать:

Марик: "Жертвоприношение? Мне начать волноваться за сохранность дома?"

Марик: "Однажды кое-кто чуть ли не устроил потоп. Потом пожар. Мне продолжать?"

"Не надо. Роль жертвы точно твоя", — обидевшись, ответила я. За те случаи мне было стыдно до сих пор, и припоминать их не стоило.

Марик: "Сделай вид, что здесь шутка, потому что то, что у меня в голове, лучше тебе не писать"

Я ведь не знаю, что он хотел сказать, но почему краснею до кончиков волос?! Немного подрагивающими пальцами прислала парню плачущего от смеха смайлика.

Мы с ним еще немного пообщались, пока я ставила чайник, а потом заваривала ароматный ягодный чай и выкладывала на тарелки шоколадный торт.

Марик: "Я сейчас убегаю, но через пару часиков буду дома. Приду голодный, так что хочу желательной мясной ужин или же я съем тебя", — своеобразно подвел итог разговора братец.

Марик: "Хотя... Слушай, мне зашел вариант с "или". Только представь: ты, я, полутьма кухни, я уже готов, но в самый ответственный момент приходит страшное понимание. Мы забыли тебя посолить и поперчить!"

Прочитав его письмо, не сумела сдержать смех. Ну и как можно быть настолько потрясающим, а, Марк? Гадом, сволочью, но шикарным гадом и сволочью?

В свою комнату поднималась очень медленно — мне нужно было время, чтобы убрать с лица совершенно глупое выражение и немного успокоиться. Я чувствовала себя воровкой или какой-нибудь преступницей. Будто похищаю чье-то счастье, занимаю чью-то жизнь и с жадностью впитываю всю ту нежность, которую Марик должен отдавать другой. Не мне. Но я, как последняя скряга, не могу его отпустить. Все время отталкиваю, понимая, что у нас нет будущего, но всего лишь на два шага. На такое ничтожное расстояние, потому что боюсь и безумно ревную. Только представляю, что он встречается с девушками для определённых целей... Нет, не хочу об этом ни думать, ни тем более знать о его похождениях.

У самого порога спальни прикрыла глаза и выдохнула. Что-то на этот раз посиделки с Кариной меня морально вымотали. Настолько, что как-то не хочется возвращаться к беседе.

— Рин, я принесла торт... — толкнула ногой дверь и вошла в помещение.

Недоуменно повертела головой. Пусто.

Поставила поднос с чаем и сладостями на столик и удобно устроилась на диване. Скорее всего, подруга пошла в туалет. Однако я выждала больше пяти минут, а ее все не было. В конце-концов я не выдержала и пошла искать пропажу, очень надеясь, что она не обиделась и не сбежала домой, пока я пропадала на кухне.

Не знаю, зачем, но заглянула в комнату Марка — он ее больше не запирает, затем проверила ванную и хотела было посмотреть на первом этаже, но вдруг раздался протяжный скрип двери. У нас скрипела лишь одна дверь — ведущая в кабинет папы.

— Карина? — позвала, направляясь в другую часть дома.

Туда я старалась не заглядывать — столько всего мне напоминало об отце. Его вещи убрать мы не решились. Глупо, конечно, но просто рука не повернулась. Казалось, если оставить все нетронутым, то он в какой-то мере с нами. Запах его духов хранят стены, ковер и паркет помнят его шаги, а я помню его тепло. Да, глупо, но где взять силы, чтобы развеять пути самообмана?

Я застала Карину выходящей из кабинета отца. Удивленно посмотрела на напрягшуюся девушку.

— Что ты здесь делаешь? — нахмурившись, спросила я.

Нервно улыбнувшись, она выдала какой-то бред про то, что ей еще давно приглянулась одна из картин папиной коллекции, и Рина решила узнать имя художника, пока я занята. Точно бред, учитывая, что еще пару месяцев назад она назвала работы Мане и Моне бездарной калякой, но в ее исполнении даже бред выглядел убедительно.

— Прости, что тебя не подождала, — добавила, опустив глаза. — Это было неправильно.

— Ничего, все в порядке. Идем есть торт, — не стала дальше развивать тему, потому что доверяла ей, однако не смогла не поинтересоваться: — А что за художник, кстати?

— Николай Андронов, — после небольшой заминки ответила подруга. — У него невероятный стиль.

— Мне нужна помощь, — когда Карина отложила в сторону кружку, произнесла я.

— М? На свидание собрать? — она вскинула свои идеально ровные брови, а затем одобрительно качнула головой: — Давно пора! Неужели я дожила до этого светлого дня?! Гоша, наверное...

— Нет, я о другом, — пусть это и некрасиво, но я перебила на полуслове. — О более серьезном и важном.

Рина села ровнее и внимательно на меня посмотрела, готовая выслушать.

— Понимаешь... — выдохнула, сжала сильнее ручку своей чашки. — После смерти отца Марк работает не покладая рук. Я хочу ему хоть как-нибудь помочь, но не могу придумать ничего путного.

Я ждала любой реакции, но только не неестественного смеха. Карина где-то с минуту смеялась, а затем резко замолчала. Снова откинулась на подушки и совсем невесело усмехнулась:

— Надо же, а ты шутить научилась, Довлатова.

— Я серьезна как никогда, — уже пожалела, что решилась попросить у нее совета. Зря.

Черт, знала ведь, какое отношение у нее к брату и все равно... Что могу сказать? Я дура.

Надеялась на поддержку, совершенно забыв, что о нашем полном перемирии с братом она не в курсе. И ведь не стала рассказывать лишь по одной причине: Рина не поняла бы. Сейчас я в этом убедилась. Не понимает и даже не думает пытаться понять.

— Помочь? Серьезна как никогда? — из ее горла вырвался короткий смешок. — Да ты себя слышишь? Он же издевался над тобой все это время. Уже забыла его выходки? Забыла, как каждый раз доводил до слез и лишал самого дорогого? Забыла, как...

— Перестань, — поморщившись, прервала ее тираду. — Ты сейчас не права.

— Не права?! — истерично вскрикнула Карина, соскользнув с моей кровати и рывком поднимаясь на ноги. — А в чем? В том, что, в отличие от тебя, вижу правду? Святая моя наивность, пока ты размышляешь, как ему помочь, он приберет деньги Андрея Федоровича к рукам и... — она сжала пальцы в кулак, а затем разжала, показывая пустую ладонь. — И исчезнет. А ты останешься ни с чем, Поль. Так что мой совет: сыграй в ва-банк. Я тебе помогу. Опереди его, а то твой братик спустит все наследство на вечеринки и шлюх...

Я всегда считала себя спокойным человеком, терпеливым и умеющим держать эмоции под контролем. Но сегодня поняла, что ошибалась. Во мне полыхнул пожар такой силы, что он мог бы запросто поглотить в огне, полном ярости, не то что наш дом, но и весь коттеджный поселок.

— У него такая натура, — продолжала девушка зло. — Знаешь ли, гены на землю не падают... О-о, ты же не знаешь! Наш ранимый цветочек как всегда не всегда в курсе всего, что за гранью ее радужной жизни! Так слушай: мамочка твоего ненаглядного братца проститутка, алкашка и...

— Заткнись! — мой голос, наверное, разнесся по всему этажу. А костер, что пылал во мне, вырвался наружу. — А твои гены, дорогая подружка? Не твоя ли идеальная мамочка гуляет направо и налево? А твой отец? Кем бы он был, если бы мой папа не принял его на работу? Давай поразмышляем... Подзаборной пьяницей! — выдохнула, потерла ноющие виски пальцами и велела застывшей Карине: — Убирайся вон.

Она выглядела ошарашенной — не думала, что я ей отвечу в ее же манере. Но заминка длилась всего пару секунд, потом бывшая подруга, прошипев что-то себе под нос, сдернула с комода свою сумку и направилась к дверям. У порога остановилась и бросила через плечо:

— Ты полная дура! Но мы еще посмотрим, как ты заговоришь через пару недель.

— Конечно, — широко улыбнулась. — Только через пару недель мы с Мариком будем такими же счастливыми, а ты останешься мелочной дрянью. Всего плохого! Провожать не буду, тебе известно, где у нас выход.

Карина ничего не ответила, просто хлопнула дверью и ушла. Послышались ее шаги, затем еще через минуту второй раз хлопнула дверь — на этот раз входная.

Вот истеричка!

Я устало опустилась на мягкий ковер. Ярость почти отступила, спасовав перед сознательностью. Что здесь творилось?! Мы с Кариной поссорились. Крупно. И, скорее всего, без надежды продолжать общение. В голове не укладывалось. Неужели Рина, моя Ринка, с которой мы дружили с начальной школы, могла сказать что-то подобное? А я? От своих слов тоже пребывала в шоке, но... Она оскорбила Марка. Я могла бы закрыть глаза на подобное и сгладить ситуацию, если бы ее слова касались только меня. Не оправдываю себя, да, я сказала гадость. Причем впервые в жизни.

Посидела еще немного, пытаюсь успокоиться и подавляя в себе желание разнести комнату ко всем чертям.

"Наш ранимый цветочек как всегда не всегда в курсе всего, что за гранью ее радужной жизни!"

Действительно. Сколько информации хранил от меня в тайне папа? А сколько всего скрывает сейчас Марик?

Впилась в ладони ногтями и поднялась. Я все узнаю. Завтра. Сегодня не смогу — просто не найду на это сил.

В ушах почти на полной мощности звучали песни любимых "Imagine Dragons". Я, иногда подпевая, буквально летела по кухне, умудряясь следить за овощами в мультиварке, курицей в духовке и при этом продолжая жарить панкейки. Не знаю, зачем столько еды для двоих, но готовка меня расслабляла.

Совсем забыв, что у некоторых жильцов дома иногда сдают мозги и они начинают жестко тупить, продолжала свое нехитрое занятие. Выключив плиту и отложив остывать сковороду, я открыла холодильник, чтобы достать нужные ингредиенты для шоколадного соуса, как на мою талию опустились чужие руки!

Я от неожиданности вскрикнула, машинально ударила локтем в бок парня и уронила на пол бутылку сливок. Беспроводные наушники, выпав из ушей, тоже куда-то покатались.

Меня мгновенно отпустили и даже отпрянули на метр.

— Бл... Блин! — судя по шипению Марика, то баночка с молочным изделием упала аккурат на его ногу.

— Сам ты блин, — я развернулась к парню, чтобы оценить масштаб трагедии. Столкновение завершилось благополучно: сливки не пострадали, Марк лишь, согнувшись, потирал ушибленные места. — Ты меня напугал!

— Я думал, ты слышала мои шаги, — отозвался он, выпрямляясь. Улыбнулся, обнажая зубы, и весело объявил: — Но эффект мне понравился! Надо бы тебя обучить парочкам приемов и будет вообще зачет!

Приемам? Разве что против него самого. Например, метод, как выведать у него всю-всю информацию был бы очень кстати.

— Боже, с кем я живу?.. — закатила глаза. — Какой эффект, Марк? У меня чуть инфаркт не случился!

А он, все так же лучась довольством, несколькими шагами преодолел расстояние между нами, заключил меня в объятия и уже куда-то в мои волосы произнес:

— Ну-ну, не ворчи, Поль, как старушка.

Умиротворение, которое всегда дарило его тепло, мгновенно улетучилось. Я отстранилась и переспросила:

— Как кто?

В колдовских зелёных глазах Марка зажегся огонек.

— Как старушка, — он растянул губы в усмешке. — Как самая миленькая и сексуальная стару... Эй, за что?!

Этот тычок в ребро парня был совершенно осознанным и обдуманым решением.

— За все хорошее, — буркнула я, выпутавшись окончательно из его хватки. — Идем ужинать, пока я добрая и не...

Я уже подняла с паркета пачку сливок и хотела поискать свои наушники, как мои кисти мягко обхватили пальцы Марка, и он развернул меня. Быстро чмокнул меня в щеку и... И собственно все. Мысли запутались, слиплись, как неправильно сваренные спагетти, и даже

забылось, почему я пока добрая и что "не".

— Чуть позже, Полянка, — брат уже направлялся прочь из кухни. — Сейчас я минут на десять в кабинет, а потом спущусь, и ты мне расскажешь, что испортило твоё настроение.

Мне сразу вспомнилась Карина. Поморщилась и... Стоп. Кабинет папы? Сегодня это место очень уж популярно. Не знаю, но что-то у меня в голове противно щелкнуло. Подозрительно? Очень. И как бы мне не хотелось верить, что Авдеева не такая, но надо было перестраховаться.

Быстро стянула с себя фартук и бросилась за Мариком.

— Марк! — позвала и вбежала по лестнице к остановившемуся парню.

— Что случилось? — он посмотрел в мои глаза, выискивая ответ.

— Ничего. Просто... Я сегодня застала Карину, выходящей из папиного кабинета, а у её отца руководящая должность в компании. И мне подумалось... — я не была уверена, но и не сказать не могла.

Понедельник. Утро

— Марик, останови машину вон там, — показала на угол, где ютился маленький книжный магазин. — До универа я пешко...

— Зачем? — бесцеремонно перебил он, отвлекаясь от дороги и посмотрев на меня.

— Как это "зачем"? — не поняла я. Скрестила руки на груди и терпеливо пояснила: — Чтобы нас не видели вместе, конечно.

Если бы лишь взглядом можно было бы испепелить или заморозить, то я сейчас лежала бы на переднем сидении машины Марка кучей заиндепевшего пепла. Потому что в его глазах засверкал обжигающий холод, причину которого я не сумела определить. Что не так? Перебрала в уме наш разговор — мы вполне мило беседовали о разной ерунде до моей вполне безобидной просьбы.

— Как хочешь, — холодно кивнул парень, вновь сконцентрировавшись на вождении. Светофор зажегся зеленым, и Марик плавно повел "Ауди" вперед.

Я расстегнула ремень безопасности, достала из сумочки зеркало. Вгляделась в свое несколько помятое лицо и с досадой отметила, что темные мешки под глазами несколько не ушли — кажется, освежающие патчи освежают лишь кошелек, оставляя после себя ощутимую пустоту. К слову, мне ни холодный душ, ни крепкий кофе тоже не помогли. А вот нормальный сон помог бы, только вот учеба...

Вздохнув, быстро прошлась расческой по волосам. Вчерашний вечер и ссора с Кариной совсем выбили меня из колеи. Я всю ночь думала о ее словах и о возможных проблемах, которые она теоретически могла вызвать.

Погрузившись в размышления, не сразу не заметила, что книжный мы давно проехали и уже подъезжаем к самому университету.

— Марк?!

Он криво улыбнулся:

— Да, Поля?

— Тормози сейчас же! — возмущенно воскликнула я. — Какого черта?!

Если я считала, что он слушает меня, то ошибалась. Марик снова сделал по-своему: преодолел оставшиеся триста метров и потом да, действительно притормозил. У самого альма-матер. И заявил как ни в чем не бывало:

— Остановился.

Приличных слов у меня не нашлось, потому, сжимая в руках лямку рюкзака и сдерживая в себе желание стукнуть им наглеца, прошипела:

— Как ты точно выполняешь мои просьбы! Я в восторге!

— Ага, — парень ничуть не смутился и самодовольно ухмыльнулся. — Я вообще очень исполнительный.

— Но не предусмотрительный, — вставила я и язвительно продолжила: — Ты как-то забыл, что твою машину разве что слепой не знает. А так как в нашем замечательном учебном учреждении слепых пока нет, то... Полюбуйся, милый!

И собственно указала на совсем-совсем случайно оказавшихся вдруг рядом студенток. Даже те, кто до этого спешил скрыться от холодного ветра в холле, передумали заходить в здание и с любопытством поджидали, кто же выйдет из авто самого Марка Чернигова. Он же

никогда не скрывал свои похождения и менял девушек быстрее, чем успевал запомнить их имя. Когда-то. Сейчас у брата времени не то что на интрижки, даже на отдых нет, но от воспоминаний у меня все равно еще больше испортилось настроение.

— А что тебя смущает, — хмыкнул, — милая?

Интересно, если исполню свое заветное желание его, придушив его, и скажу, что так и было, мне поверят?

— Не знаю, дорогой, — стараясь говорить спокойно, произнесла я. — Может быть, восхитительнейшая картинка "Возвращение блудного бабника"? Или то, что я стала ее непосредственным участником? И ведь всем не объяснишь правду.

Марик обвел взглядом собравшихся, потом посмотрел на меня и неожиданно рассмеялся.

— Что? — хмуро спросила, понимая, что начинаю смягчаться и ругаться как-то уже не хочется.

— Ты безумно очаровательная, даже когда строишь кровавые планы в своей хорошенькой голове, — меня щелкнули по носу. И пока я ошалело переваривала его фразу, парень заправил мою непослушную прядку за ухо и, наклонившись и опалая дыханием кожу, прошептал: — Кстати, я не против еще посидеть, но понимаешь, пока мы прилично общаемся, кто-то додумывает свою версию "Возвращения блудного бабника" с рейтингом "R"*. И со всеми интимными подробностями!

Я выскочила из машины раньше, чем он успел договорить. Захлопнула дверцу под его хохот и быстрым шагом направилась к крыльцу. Игнорируя жар в щеках, которые и холодных ветер остудить не сумел, и повышенное внимание со стороны студиозов. О, Боже, с кем я живу? И кого я терплю? Зла на него не хватает! В этом очередной раз удостоверилась, когда не успела я снять верхнюю одежду, зазвонил телефон.

— Я забыл пожелать тебе удачного дня, — уже без издевки в голосе сообщил он, едва приняла звонок.

— Угу. Спасибо.

— Эй, ты что, Поль? Расстроилась из-за возможных слухов?

Очень. Афишировать, что мы родня, я не желаю, а слышать бредовые истории о том, как и меня Чер (так называли Марка его дружки и девушки) поматросил и бросил — сомнительное удовольствие.

— Поль? — нетерпеливо позвал.

— Да, — выдохнула в трубку, расстегивая куртку одной рукой. Потом, зажав смартфон между щекой и плечом, повесила свою парку на крючок в гардеробе.

— Тогда я готов расстаться со своей репутацией и рассказать, что ты меня послала куда подальше. Все ради тебя, малышка, — в привычном шутливом тоне ответил Марик.

— Сейчас точно пошлю! — не выдержала я. Ну сколько можно издеваться?

— А я пойду. Точнее, уже пошел, но обещаю вернуться! — ни капли не смутился парень, но продолжил уже серьезно: — Поль, не придавай ничему большого значения. Главное, что мы с тобой знаем правду. И еще: не расстраивайся, хорошо? Карина не стоит твоих нервов.

Моему удивления не было предела. Я ведь вчера ему ничего не рассказала, решив не нагружать своими проблемами.

— Откуда ты...

— Интуиция, — перебил он меня. — Так, на чем я остановился? Выше нос, Полинка. И

ты сейчас опоздаешь на пару, если не поспешишь.

Ой, черт! Вскочила со скамьи, на которую присела, и подняла рюкзак с пола, отряхнула его.

На том конце провода раздался приглушенный смех.

— Все-все, отключаюсь, — брат точно улыбался. — Будь хорошей девочкой и оставайся на связи!

— И тебе удачного дня, — закатила глаза я.

Первые две пары прошли быстро. Лекции были очень интересными, что я и забыла обо всем, что не касалось учебы.

Ровно до одного момента.

Я шла в столовую, когда вдруг заметила в толпе учащихся Карину. Она болтала со своей одноклассницей, но, тоже увидев меня, замолкла. Не долго думая, быстро пересекла расстояние между нами.

— Привет, девчонки, — растянула губы в улыбке.

— Привет, Поль, — бодро отозвалась Лена Орлова, миловидная шатенка. Она, как и Рина, училась на факультете психологии.

Подруга же промолчала, окинув меня недовольным взглядом. Я сжала ладони в кулак, но не отступила и спросила у приятельницы:

— Лен, а можно я украду у тебя Карину на пару слов? — снова улыбнулась и шутливо добавила: — Верну в целости и сохранности!

— Ну раз в целости и сохранности, — девушка хихикнула. — Позволяю!

— Карин, отойдем? — посмотрела на нее.

Она лишь кивнула. Воспользовавшись согласием, я потащила ее в сторону туалета. Едва мы зашли в помещение, заперла за нами дверь, чтобы никто нам не помешал.

— Что ты хотела? — холодным тоном уточнила Авдеева, сложив руки на груди и наблюдая за моими манипуляциями с щеколдой. — Давай быстрее. У меня нет времени на ерунду.

На ерунду? Поджала губы, но не стала ничего отвечать ей на это.

— Рин, — выдохнула, собираясь с мыслями, — вчера мы наговорили друг другу глупостей. Мои слова были просто ужасными. Прости меня, пожалуйста. Мир?

Я не была уверена, что мы и дальше продолжим общаться, но извиниться должна была. Всю ночь меня грызла совесть. Да, я дала ей отпор за Марка, но... Слишком жесткий. Я не хотела ее обижать. Пускай наши пути разойдутся, но без обид и недомолвок.

— Какая же ты дура, Довлатова! — неожиданно зло выплюнула девушка. — "Прости меня", бла-бла-бла! Бесит! Хотя...

Из ее образа исчезла мягкость, подавленная агрессией, губы, накрашенные красным тинтом, скривились.

— Ну да, ты же идеальная во всем и правильная до тошноты Поляночка. Как я могла забыть?

— Что ты несешь? — удивленно спросила я. Услышанное просто не укладывалось в голове.

— Правду. Не чистую и светленькую, отбеленную твоим папочкой и братцем, а такую, какая она есть. О, кстати, про братца... — она мило улыбнулась. — Думаешь, я не знаю о вашем грязном секрете? Вот народ удивится, когда узнает, что и у тебя есть изъян. Скажи...

Он ведь уже успел переспать с тобой. Какой Марк в постели?

На меня будто вылили ушат ледяной воды. Я смотрела на лучшую и единственную подругу, с которой мы дружили со школьной скамьи, и видела незнакомого человека. И с ней я делилась всем? Ее относил к самым близким людям?

— Что я тебе сделала? — меня интересовало только это.

— Что ты сделала мне? — повторила Карина, прислонившись к раковине. Задумчиво поковыряла ногтем стену и с неожиданной ненавистью воскликнула: — А что я сделала Вселенной?! А? Почему деньги, нормальная семья, любовь — все тебе? А я так, приложение к единственной доченьке Довлатова. Пустота, которая становится видимой лишь когда с Полиночкой надо познакомиться.

— Неправда. Я никогда так к тебе не относилась. Я считала тебя своим другом, Карина.

— Конечно, — легко кивнула девушка. — Пока не появился Марк и...

А мне вдруг вспомнились наша с Мариком стычка у стен университета и наш поцелуй. Затем то видео, которым меня пытались шантажировать...

— То видео ведь твоих рук дело, да? — перебила ее я и потребовала ответа: — Зачем?

— Да. Правда, мне немного помогли, — бывшая подруга не стала отрицать. — Зачем? Потому что захотелось. Потому что я увидела вас, и это было поистине мерзко. Кстати, твоему отцу про Марка тоже я рассказала — ты так удачно оставила свой телефон в классе. Хотела вернуть, но планы поменялись, когда увидела ваши тисканья в кладовке. Фу, как же было противно на это смотреть!

Карина желала задеть меня, осознанно говорила гадости и с улыбкой Джокера ждала, когда я дам слабину. Но мне уже было плевать. Я узнала всю правду и даже поняла, что послужило причиной нашей ссоры с Марком. Он подумал, что я его предала. Не удивлюсь, если Карина писала и ему что-то гадкое с моего телефона.

О том, почему она это сделала, я тоже вспомнила. Когда я только познакомилась с Марком, он ей очень понравился. Только на все ее попытки стать ближе, он насмешливо кривил губы и отказывал. А потом она увидела нас с Мариком в тот день. Когда он чуть меня не поцеловал.

— Ты врешь, Рина. Мы оба понимаем, что причина в другом.

— И в чем же?

— Ты влюбилась.

— Не мели ерунды! — она рассмеялась, но ее смех был фальшивым, как и показное спокойствие. — Сама себя слышала? И в кого? В твоего братца?

Я ей не ответила — уже осознала, какая Авдеева на самом деле, и хотела лишь одного: больше никогда ее не видеть.

— Так, — Карина достала телефон, чуть нахмурившись, что-то прочитала и снова убрала гаджет в сумочку, — мне надоело терять с тобой свое драгоценное время. Ты меня бесишь. Надеюсь, это был наш последний разговор.

— А я как надеюсь, — язвительно отозвалась, отпирая дверь и первой покидая туалет. Но прежде чем уйти, бросила девушке через плечо: — И еще надеюсь, что твои, скажем, страдания были не напрасными и ты чего-то добила всем этим.

Я отсидела оставшиеся пары и даже пошла на семинар. Ничего не хотелось, я ощущала себя подавленной, обманутой и преданной, хотя и понимала, что в этом отчасти и моя вина. Я пригрела на груди змею и закрывала глаза на очевидное.

Никогда не умела отпускать людей. Но надо научиться.

После занятий, быстро натянув куртку и застегивая на ходу молнию, побежала на улицу. Вдохнула свежий воздух и подставила лицо маленьким снежинкам. Первый снег.

— Привет, Полина, — раздалось вдруг над ухом, и я, вздрогнув, чуть ли не подскользнулась и не упала прямо на покрытый тонкой корочкой инея землю. Точнее, я бы точно упала, если бы меня не удержали сильные руки.

— Нельзя так пугать! — выдохнула я, освобождаясь от цепких пальцев Гоши и недовольно смотря на него.

— Прости, — виновато произнес парень, отступив на шаг. — Я не хотел.

— Ничего, — качнула головой и поправила немного накренившуюся набок шапку. — Как тебя сюда занесло?

Клинов очаровательно улыбнулся и сказал, подмигнув:

— Мимо проходил, а тут ты. Меня всегда притягивает к прекрасному.

— Спасибо, — смущенно пробормотала. — Надеюсь, я тебя не задерживаю?

— Нет, но я тебя точно задержу и напою кофе, — заявил Егор, взяв меня за руку. — Идем, на улице холодно.

— Но... — хотела было отказаться, но меня нагло перебили:

— Ничего не желаю слушать. Я тебя испугал и должен искупить свою вину. Тут недалеко находится одно хорошее местечко...

Он привел меня в то самое кафе, где еще два месяца назад Марик завтракал с Бритым по утрам. Гоша выбрал самый дальний столик, скрытый от посторонних глаз ажурной перегородкой, перевитой какими-то яркими цветами.

— Как у тебя дела, Поль? — спросил он, едва мы устроились на диванчиках и сделали заказ официанту.

— Нормально, — чуть подумав, проговорила я. — А у тебя?

— Замечательно, — бодро отозвался парень. — Как Марк?

— Эм... Тоже неплохо.

Зависла небольшая пауза, но Клинов быстро развеял возникшее напряжение, начав рассказывать забавную историю про свое недавнее выступление. Уже через пару минут мы весело болтали обо всем на свете и настолько увлеклись, что не сразу заметили, что нам принесли наш кофе и десерт к нему.

— Полин, у меня к тебе просьба, — обратился он ко мне, когда с едой было покончено.

— Да, конечно, — кивнула я. — Что мне сделать?

Егор залпом допил остатки бодрящего напитка и, отложив фарфоровую чашку, уточнил:

— Передашь Марку мои слова?

— Гм... хорошо, — недоумевая, почему он сам не может позвонить или написать брату, согласилась я.

— Скажи ему, чтобы он хорошенько подумал, прежде чем что-то делать. Потерять статус безболезненнее, чем лишиться чего-то более ценного.

Что? "Потерять статус безболезненнее, чем лишиться чего-то более ценного"? Что Клинов имел в виду?!

— Ты это о чем?

— Не волнуйся, Марк поймет, — он отвлекся на подошедшего со счетом официанта и оплатил касанием умных часов к терминалу. После снова широко улыбнулся, отчего на его щеках появились милые ямочки. — Мне пора. Не забудь сообщить Черу, окей?

— Да-да, — рассеянно пробормотала. — Пока.

— До встречи, Полинка.

И он ушел, а еще просидела, перебирая в голове его странную просьбу и не менее странное поведение, прежде чем написала Марику:

"У меня сегодня необычный день. Сажу в кафе, можешь меня забрать или вызвать Влада?"

Марк: "А что ты делаешь в кафе? О_о"

"Мы случайно столкнулись с Гошей, и он угостил меня кофе", — не стала сразу отправлять сообщение и дописала: — "Гоша, кстати, просил передать тебе кое-что".

Марк: "С КЕМ?!"

Марк: "КАКОГО ЧЕРТА, ПОЛИНА?!"

Не успела я толком прочитать его ответы, как раздался звонок, и парень процедил на том конце провода:

— Диктуй адрес. Быстро.

*Фильм, получивший рейтинг R, скорее всего содержит сексуальные сцены, эпизоды с употреблением наркотиков, нецензурную брань, фрагменты с насилием и т. д.

Марик домчал до кафешки буквально за десять минут. Я ждала его, сидя на скамейке у входа, потому сразу заметила знакомое авто. Поднялась и направилась к черному "Ауди", а парень открыл для меня дверцу.

Едва я устроилась на сидении, Марк велел:

— Рассказывай, — зарывшись пятерней в светло-русые волосы, он откинул их назад. Этот жест означал, что брат зол и напряжен. Впрочем, его состояние легко угадывалось по "ходящим" желвакам и глазам, зелень которых покрылась льдом. — Все. Абсолютно. Не упуская ни единой мелочи.

— Что-то случилось? — обеспокоенно уточнила, расстегивая куртку с отправляя ее на заднее сиденье к рюкзаку. В салоне безумно жарко — печка включена почти на максимум.

— Что сказал Егор? — спросил он тоном, не терпящим возражения или же увиливаний.

— "Передай Марку, чтобы хорошенько подумал, прежде чем что-то делать. Потерять статус безболезненнее, чем лишиться чего-то более ценного", — процитировала я и, помрачнев, потребовала ответа: — Что вообще происходит?!

Лицо брата после моих слов стало походить на непроницаемую ледяную маску. Ни одна мышца не дернулась. По нему понять, о чем он думал, не сумела.

— Марк, ты снова темнишь, — подавленно произнесла я.

— Поля, а ты снова, мягко говоря, поступаешь непредусмотрительно, — парировал он устало, заводя авто и вливаясь в поток машин. — Жду рассказ. Как получилось, что ты пошла с этой су... с Гошей в кафе, несмотря на мой запрет?

Я открыла рот, чтобы съязвить, но запнулась, встретив его взгляд в зеркале заднего вида. Что-то было в нем такое, что я безропотно поведала ему обо всем. Даже упомянула Карину, сообщив, что именно она организовала "анонима" и видео тоже было ее. Брат слушал меня внимательно, не перебивая и не задавая вопросов, и лишь когда я завершила свою речь, он глухо простонал:

— Черт, Полина! Почему нельзя просидеть хоть один день без приключений?!

— А почему тебе нельзя хоть один день обойтись без тайн?! — в свою очередь парировала я. — Ты что-то знаешь, но не хочешь мне говорить. Это связано с Гошей и Кариной, верно?

— Поля, — срывающимся голосом прошипел Марик, явно стараясь взять себя в руки. Выходило откровенно хреново. — Ты просто не понимаешь...

— Конечно, блин, не понимаю, — разозлилась я. — А что мне понимать, если ты не желаешь мне дать шанс помочь?! Я не маленькая девочка и от осознания, что мир отнюдь не белый и пушистый, истерики не случится.

Он не ответил на мои вопросы. Снова. Лишь бросил недовольно:

— Дома пообщаемся.

Я, как и всегда, стучалась в неприступную стену.

— Кстати, тогда, пять лет назад, Карина услышала наш разговор в кладовке и потом написала папе через мой телефон. Я тогда снова забыла смартфон в классе. Слышишь, Марик? Я ничего папе не рассказывала! Я тебя не предавала!

— Я знаю, — он бросил на меня взгляд, и его губы тронула невеселая улыбка. — У меня было много времени подумать о том, что тогда произошло. И я понял, что был полным

идиотом, когда посчитал, что меня отцу сдала ты. Но потом я решил, что все к лучшему. Ведь пока я вел себя как подонок, мы держались на расстоянии.

Я так не считала, но отвечать не стала — он же обещал, что дома поговорим.

Некоторое время мы ехали молча по полупустой трассе. Я смотрела из окна на мельтешащий пейзаж и низкое серо-фиолетовое небо, налитое искрами винного пламени отгоревшего заката. Впервые за последние месяцы мне до зуда на кончиках пальцев захотелось взять в руки кисти и краски, чтобы перенести увиденное на холст. Я не рисовала уже давно — просто не чувствовала в себе сил для этого.

Внезапно плавная езда прервалась стремительным поворотом в другую, противоположную от нашего дома, сторону. Не проехав и трех метров, Марик резко нажал на тормоз, совершенно не заботясь о сохранности шин.

— Ты чего? — недоуменно спросила, переводя дух.

Как же хорошо, что брат самолично каждый раз застегивает на мне ремень безопасности, иначе я точно бы заработала себе парочку шишек, хорошенько приложившись о приборную панель!

Марк отчего-то тяжело дышал. Сжал до белых костяшек и отчетливо слышного скрипа руль. Выдохнул сквозь стиснутые зубы струю воздуха, а затем, снова погружая пятерню в челку и несильно оттягивая волосы, произнес хрипло:

— Испугался. Представил, что могло случиться... — качнул головой, будто прогоняя наваждение. — Забей. Дай мне пару секунд, и мы поедem дальше.

— Чего, Марик? — встревоженно спросила, подаваясь ближе к нему и осторожно касаясь его напряженной руки ладонью.

Вздрагнула, когда от соприкосновения ударило током, вызвав легкое покалывание, но отдернуть конечность не смогла — Марик переплел наши пальцы. Чуть погладил внутреннюю часть запястья.

— Марк, ты будто горишь... — ахнула я и расположила свободную руку у него на лбу. Горячем, покрытой испариной. — Простыл? Нет, точно простыл — у тебя температура! Черт! Ну как так можно? Ты совсем не следишь за своим здоровьем...

— Все. Я больше не могу, — глухо простонал Марк.

— В смысле? — нахмурилась. Ему плохо? Что он не может?

— Не могу терпеть, — его голос окончательно охрип.

Миг — и я оказалась в кольце его рук, вжатая в его действительно очень горячее тело до легкой боли. А мои губы, приоткрытые для возмущенного оклика, накрыли его. Мое немое негодование он выпил, как и все остальные чувства, оставляя лишь свое дыхание — чтобы не задохнулась. Он целовал алчно, исступленно, при этом сжимая в объятиях так, словно не мог до конца поверить — я с ним.

— Марк, ты что творишь?! — едва парень на миг отстранился, чтобы перейти с ласками на шею, прошипела я. Или прохрипела, потому что и меня захватил тот огонь, что медленно сжигал Марика дотла. И я теперь пылала, зажженная чувствами, которых не должно быть.

Вместо ответа снова жаркий, лишающий воли поцелуй. Жадный, быстро сорванный с губ, но настолько приятный, что я на несколько секунд забываю, что вообще-то сопротивлялась и возмущалась. Я и имя свое готова забыть. Забыть все, чтобы помнить лишь этот миг.

— Марк, перестань, Марик... — попросила, где-то внутри надеясь, чтобы не переставал.

О, Боже...

Его язык скользнул в мой рот, столкнулся с моим, затем...

— Прекрати! — это даже не просьба — стон. Не знаю, чего — удовольствия или сожаления.

— Прекратить? Не сейчас, не в этом мире и не в нашем случае.

— Нам нельзя, — не оставляла попытки вразумить его. Или себя? Кого я пыталась убедить?

— Нельзя? — он рассмеялся, уткнулся лбом в мой лоб, продолжая крепко обнимать. — Можно. Очень даже можно.

Пару секунд мы сидели так. Я — почти полулежащая на его груди, чувствуя его зашкаливающий пульс, и он — с сорванным дыханием, пытающийся успокоиться. А потом Марк немного отстранился и открыл бардачок. Вытащил оттуда файл с бумагами и сунул в мои дрожащие руки.

— Что это? — я вгляделась в латинские буквы.

— Результаты теста ДНК на отцовство. Потом считаешь, все равно там отрицательный результат, а сейчас не мешай, а? Ты охренеть какая вкусная. Хочу еще. Я безумно долго этого ждал, малышка.

И он снова припал к моим губам, но я умудрилась его оттолкнуть:

— Стой, подожди. Как так? Почему? — уперлась ладонями в его плечи. Сильные, крепкие, надежные.

— Полина, маленькая... — Марик посмотрел прямо мне в глаза. — Не сейчас, хорошо? Я обязательно отвечу на все твои вопросы. Хоть тысячу раз, хоть миллион. Но не сейчас.

Что-то есть в его тоне, во взгляде, в атмосфере, царящей в салоне, и я сдалась. Сдалась под его напором, сама нырнула в бездну по имени Марк, отчетливо понимая — вот она граница, после которой уже ничего не изменить. Но мы оба смели ее, пытаюсь стать ближе. Еще ближе. Кожа к коже. Вот так.

Мужские руки на мне — и это настолько естественно и правильно. Губы на моей коже, язык скользит по губам, шее, подбородку, ямке между ключиц. Марик спешил. Спешил исследовать мое тело, трогать, сжать, лизнуть.словно обезумевший от жажды и голода путник, встретивший вдруг оазис, пил меня жадными глотками, боясь, что испарюсь. Снова стану чем-то недостижимым, миражом, грезой.

Вокруг нас будто разлили концентрированное безумие. Заразили опасным вирусом, вызывающим лихорадку. Нас трясло, но мы при этом мы не могли отпустить друг друга.

Ближе. Только ближе.

Изначальная неловкость сменилась желанием. Мое тело пылало, но я, вместо того, чтобы взять передышку, лезла в самое пекло. Отвечала на жадные поцелуи, обнимала его за шею, скользила по спине.

Интересно, это ли чувствует мотылек, летя намеренно к костру? Понимает ли, что лишь несколько секунд разделяет ее от смерти? Что красота, которая безнадежно притягивает, ее в итоге и испепелит?

Пришла в себя лишь тогда, когда моя обнаженная поясница уперлась в руль машины, порывисто глотая кислород. Парень умудрился стянуть мой свитер и расстегнуть бюстгальтер, лямки уже свисали, норовя утянуть за собой и чашечки.

Я только открыла рот, ладонями стараясь прикрыться, как Марик, до того целующий мою шею, замер и выдохнул, поправляя на мне одежду:

— Прости... Увлёкся, — сипло рассмеялся, выуживая из-под кресла мой свитер. — Б... лин. Никогда не думал, что чуть ли... — с кривой ухмылкой осекся. — Ладно, не буду пугать раньше времени.

— Раньше времени? — я неловко отстранилась и перебралась на соседнее сиденье. Щеки пылали, пальцы дрожали, потому оделась не без помощи Марка. Я в целом ощущала себя странно... странно и волнующе. В низу живота что-то сладко тянуло, причиняя легкую боль и заставляя ерзать и сжимать колени.

— Раньше, чем дойдем до дома, — меня осторожно пристегнули, оставили легкий поцелуй в уголок губ. — А там... Я начну с того, что наконец-то тебя отшлепаю.

Марк как-то широко улыбнулся. Предвкушающе!

— Знаешь, я бы поспорила, кто кого должен шлепать! — раздраженно проворчала я и... И потом дошло, ЧТО я брякнула и КОМУ. Но уже было поздно.

— Оу, Полин, — Марик поиграл бровями и усмехнулся. — Так вот ты какая. Не ожидал, что наши отношения будут развиваться с подобной скоростью.

— Боже, я не это имела в виду! — сгорая от смущения, поспешно добавила. — Я... я...

— Ничего, — он подмигнул мне и завел машину. Плавнов вырулил на дорогу. — Поль, я не против. Сам хотел предложить, уже искал подходящие слова и...

— Что?! — потрясенно перебила я. — В смысле?

— В прямом, — с самым невозмутимым видом ответил. — Я уже давно стою на пути латекса и плетки.

Я слушала его с надвигающейся паникой и зашкаливающим сердцем. И ждала, что он скажет дальше, чуть ли не начав грызть ногти.

— Понимаешь, не могу я... — растянул губы в насмешливой улыбке. — Шутить, когда у тебя взгляд запуганной мышки. Отбой, Полинка, БДСМ отменяется!

Марик расхохотался, а я мрачно сообщила:

— Вот и шути. А у меня теперь перманентно болит голова, — с наслаждением понаблюдала за тем, как с его лица испарилось самодовольство.

— Полина...

— Ничего не знаю, — подняла выпавший файл с результатами теста. Покрутила. Весь текст на английском, но если исходить по указанному адресу в самом углу страницы... — А почему ты обратился в американскую клинику?

Прошлась по тексту. После данных о заявителе шла табличка с итогами сравнения. Почти минимальное сходство локусов и такой же процент возможного родства.

В моей голове слиплись в кашу тысяча вопросов. Но один ответ у меня точно есть.

Марк Чернигов — не мой брат и никогда им не был.

Марк даже не заехал в гараж — притормозил у самого коттеджа, быстро выбрался, пренебрегая курткой, из авто, стремительно обошел "Ауди" и открыл дверцу для меня. Ступить на землю не успела, потому что сильные руки подхватили раньше.

— Марик! — возмущенно воскликнула я, вцепившись в его шею.

Вместо ответа он снова набросился на мои губы. Только Марк, только его поцелуи — обжигающие, неистовые и отметающие все посторонние мысли прочь — и только наше с ним безумие на двоих, для которого теперь не существовало ни запретов, ни предрассудков.

Он целовал, когда нес до дома, когда искал ключи, когда отпирал дверь. Так же жадно целуясь мы ввалились в прихожую. Умудрились скинуть обувь, но до комнат не добрались

— в доме нашлось много стен, столиков и других поверхностей.

Немного шершавая ладонь проводит по моему напряженному животу, расстегивает джинсы. От простого прикосновения поверх белья под кожей вспыхнули искры. Я выгнулась в попытке или отстраниться, или же стать ближе.

— Подожди... я...

— Т-ш-ш, я не буду спешить, — прошептал Марк куда-то мне в шею, продолжая наступление. Горячее, невыносимое, неправильное... но приятное настолько, что приходится кусать губы, не давая вырваться стону.

Он действительно не спешит. Верх. Вниз. Легко, едва касаясь. И от этой нерасторопности мне срывает все тормоза. Чувствительная кожа буквально пылает, пульсирует. От каждого нежных поглаживаний там словно собирается ток.

Верх. Тягуче медленно вниз, чтобы зайти уже дальше.

Я вздрагиваю, из плотно сжатых зубов все же вырывается нечаянный вскрик. Машинально стискиваю запястье парня.

— Поля, маленькая, — успокаивая говорит, разжимая мои пальцы другой рукой и поднося к губам. Скользнул языком по фаланге большого пальца, при этом творя нечто невероятное внизу. Синхронно. Дико. Порочно. В какой-то миг я просто потерялась. Растворилась в эмоциях, стала звездной пылью и распалась до мельчайших искр.

Приходила в себя очень медленно. Тело — расслабленное, разгоряченное, не желало меня слушаться, и если бы не поддержка Марика, я бы просто свалилась. Колени подрагивали.

— Ты как? — спросил Марк, едва открыла глаза.

Смущенно опустила взгляд, а потом и вовсе спрятала нос между шеей и плечом парня. Он как раз удобно стоял — удерживая одной рукой меня, а второй упираясь в стену.

— Хорошо, очень, — облизнула пересохшие губы. — Но ты же сам не... Ничего не получил...

Марик хрипло рассмеялся, а я покраснела еще сильнее.

— Мне тоже было безумно круто, Поинка. Охрененно просто. А сейчас обхвати меня ножками.

Я подчинилась, и он вместе со мной направился к лестнице. Если честно, я сама бы смогла дойти, только... Не знаю. Не хотелось, несмотря на жуткое волнение и стыд, расставаться с его теплом.

Марик занес меня в ванную и только там опустил на ноги. Пока я недоумевала, зачем мы тут вдвоем, он заткнул затычку в ванне, включил воду и добавил немного пены.

— Зачем? — настороженно покосилась на снимающего одежду брата. Осеклась. Нет, не брата. А кто он мне теперь?

Но все же я чувствовала облегчение — я не извращенка. Наши чувства не больные. Мы — не родственники.

Он отбросил в сторону рубашку и, принявшись расстегивать ремень, широко ухмыльнулся:

— Буду тебя мыть.

Я неосознанно сделала шаг назад.

— Знаешь, я вроде как чистая... И прекрати раздеваться!

— Уверена? — насмешливо. — Да? Ладно. Жаль. Тогда я очень-очень грязный и сам отмыться не сумею. Поможешь мне?

Его брюки тоже полетели на пол. Я тяжело сглотнула, не в силах отвернуться от безупречного тела с натренированными мышцами. Ни единого изъяна — широкие плечи, идеальный рельеф живота, даже небольшой шрам на ребре не разрушал красоту. Взгляд скользнул вниз, к ногам. Нет, я нашла минус! Неожиданно большой... Резко зажмурилась, чтобы ничего не видеть.

— Ты так мило смущаешься, — жаркий шепот прозвучал неожиданно близко. По коже пробежали мурашки, едва он горячими пальцами начал приподнимать свитер, обнажая мое тело.

— Марик, пожалуйста... — понятия не имею, чего я просила.

Чтобы он остановился и дал мне перевести дыхание, свыкнуться с новой гранью наших отношений или же не оставлял ни шанса на отступление? Скорее второе, раз я позволила ему медленно, безумно медленно, снять с себя сначала лифчик, а затем джинсы. Он для этого встал на колени и неторопливо опускал грубую ткань вниз, постепенно открывая мои ноги для своих губ. Он целовал все — живот, косточку бедра, сами бедра. Рисовал меня узорами из жгучих поцелуев.

Опустились в воду, уже почти остывшую и без былой пышной пены, мы через целую вечность. Но мне было все равно и на температуру воды, и на то, что между мной и Марком лишь тонкое белье, которое я не позволила снять.

— Люблю тебя, — выдохнул он в мне в рот, обнимая мое лицо ладонями. Погладил большими пальцами мои скулы, снова припал к губам. Затем чуть отстранился и со счастливой улыбкой безумца произнес: — Ты моя. Вся. От кончиков пальцев до макушки.

— Ну ничего себе! — с деланным возмущением ахнула. — Не много на себя взял?

— Нет, Поль, я еще не взял, — его улыбка стала хищной, предвкушающей. — Но обязательно исправлюсь...

— Ты только об одном и думаешь! — несильно стукнула его по груди.

— Верно, — Марк поднял мою руку, поцеловал каждый пальчик. — Я думаю только о тебе. И днем, и ночью. С тех самых пор, как увидел. Проклинал себя, презирал, но не мог перестать думать о тебе.

Приподнял мое лицо за подбородок, заставив смотреть прямо в потемневшую зелень его глаз.

— Я не умею плавать, Марик, — сразу предупредила. — А в тебе я неумолимо тону.

— Я научу, — серьезно ответил он.

— И потом не оставишь одну? Когда я буду далеко от берега?

— Легче отгрызть себе что-нибудь, чем расстаться с тобой, — хмыкнул парень, снова обняв. Я удобно устроилась на нем. — Поспишь сегодня у меня? Нет, — нахмурился, играясь с моими мокрыми прядями. — Хочу всегда ложиться и просыпаться с тобой. Один день, один раз — мало, слишком мало. Мне кажется, и всей жизни не хватит, чтобы насытиться тобой.

— Ладно, — счастливо улыбаясь, кивнула. — Только взамен я требую, чтобы ты честно ответил на все мои вопросы. Идет?

Марк развернул меня так, что я оказалась сидящей на... скажем, на его ногах. Попыталась оттолкнуть его, но он притянул меня ближе.

— Значит, ты у нас научилась шантажировать? — мурлыкнул мне в самое ухо, опалая горячим дыханием кожу. Его рука погладила мое колено и двинулась вверх по бедру.

— Это не шантаж, а равноценный обмен! — не согласилась я, останавливая шаловливую

ладонь.

— Нет, наглое и вопиющее вымогательство информации у бедного меня, — его зубы прошлись по моему подбородку, прикусили нижнюю губу, чтобы после зализать след.

— Бедный ты?! — возмутилась я. — Да ты просто халявщик и экономщик! Может, еще генетический тест проведем? У тебя стопроцентно в предках евреи.

— Я могу и обидеться, — хохотнул Марк.

— А я могу и передумать, — парировала и лукаво протянула: — Твои секреты или я? Решай скорее. Считаю до трех.

— Полина...

— Один, — чмокнула недовольного Марика в шею. Во мне внезапно вспыхнул азарт. Смогу уломать или нет?

— Ты чудовище, — простонал он.

— Два, — скользнула по его груди вниз, до живота и спустилась чуть ниже, к самой кромке резинки боксер.

Парень выпустил сквозь стиснутые зубы струю воздуха и прошипел:

— Твоя взяла. Согласен.

— Что ты делаешь? — меня обняли со спины. — Молоко греешь? Зачем?

— Для тебя, — выбравшись из кольца его рук, выключила плиту и перелила горячий напиток из плошки, добавила мед. — Достань масло из холодильника.

Марк выполнил поручение, но когда вручила ему дымящуюся чашку с целебным "зельем", поморщился и запротестовал:

— Я здоров как никогда. Честно.

— А с каких пор температура — показатель здоровья? — скептически приподняла бровь.

— Хочешь, докажу? — он понизил голос и подался вперед, готовый на новые подвиги.

— Конечно, — мило улыбнулась. — Я уже подготовила список вопросов, на которые ты можешь здорово ответить.

Парень сразу же сник. Тяжело вздохнул и, забрав молоко, сделал несколько глотков:

— Ты такая скучная, Поля.

— А ты такой хитрый. Идем ужинать. — Попыталась пройти к кухонному островку, но Марик оказался проворнее. Неуловимо быстро прижал меня к подоконнику и, склонившись к уху, прошептал:

— Ужинать? Если только моим ужином будешь ты. Хочу тебя и на обед, и на завтрак, и на полдник, и сейчас как самый лакомый десерт.

Его голодный взгляд обжигал. Касался моей кожи, проникая не то что под плоть — впечатывался в душу клеймом. А хаотичные, нетерпеливые поглаживания моей моей спины, бедер, снова талии заражали огнем, который распространился по всему телу с волной удовольствия, едва губы Марка прижались к моим.

Это действие сложно назвать поцелуем. Просто контакт. Он стоял, дыша моим воздухом, а я его — со вкусом меда и чего-то запретного, но не менее сладкого. Притягательного и волнующего.

— Черт! — быстрый, крышесносный теперь уже поцелуй. — Почему ты настолько вкусная, моя девочка? Тебя будто всю посыпали сахарной пудрой. С ума схожу...

Языком проводит по моей шее, несильно кусает чувствительное местечко. Я громко ахаю и сжимаю руки на его предплечьях.

— Попробуешь? Сахарная, — вернулся к моему рту и толкнулся внутрь наглым языком.

Мы вернулись к разговору лишь спустя час. Убрали учиненный беспорядок на кухне, потом спешно поужинали остывшей гречкой, которую нам обоим было лень разогреть, а затем поднялись в комнату Марика. Но когда шаловливые руки решили залезть под мои домашние шорты, несильно шлепнула по одной из них и демонстративно отсела подальше. К счастью, широкая кровать позволяла.

— Сначала вопросы, — непреклонно напомнила. — Забыл?

— Забудешь подобный облом, — он перебрался ко мне и обнял, притянув к своей груди. — Задавай, маленькая шантажистка.

В очередной раз за короткий промежуток времени глупо улыбнулась. Точнее, я, кажется, вообще не прекращала улыбаться. Скулы болели. Губы тоже немного ныли — это уже Марк перестарался.

Я поерзала, удобнее устроившись на парне. Тот что-то прошипел под нос, но на мой немой взгляд покачал головой, мол, все хорошо. Мысленно пожав плечами, переплела наши пальцы и спросила:

— Что за дела у тебя с Гошей?

— Не знаю, что у него, но у меня никаких дел с ним нет, — ленивым тоном протянул он, скалясь.

Я нахмурилась, недовольная ответом, и продолжила:

— Ладно. Какие у него с тобой дела? — и прежде чем он снова начнет увиливать, пригрозила: — Еще один подобный ответ и будешь спать в обнимку с подушкой.

— Жестокая женщина! Ну хоть с рукой спать не отправила.

— В смысле "с рукой"? — развернулась, чтобы посмотреть ему в глаза.

Марик рассмеялся и, хитро улыбнувшись, прошептал, одной ладонью обхватив мою шею, а второй чуть сжав подбородок:

— Хочешь, поясню? Стало интересно?

Погладил скулу, скользнул по шее вниз и обратно. Я, поняв, что он тянет резину, разозлилась:

— Прекрати мне зубы заговаривать!

— Хорошо-хорошо! — быстро согласился он. Я уже подумала, что к нему вернулась совесть из затяжного отпуска, как тот добавил невинно: — Все равно ты для подобной информации еще слишком мелкая.

— Дурак!

Начала решительно выбираться из его хватки, но, естественно, меня никуда не отпустили. Крепче прижали, легко поцеловали в губы.

— Так, перейдем к делу. Ты спрашивала, что с... гм... Гошей? Клинов что-то темнит, малышка. Явно надеется, что отхапает львиную долю нашей компании.

— Подожди, — несколько растерялась и прекратила всякое сопротивление. — Я знаю почти всех партнеров отца и акционеров, среди них нет фамилии Егора. Какое он отношение имеет к творящемуся?

— Все сложно, Поль. Факт его участия в возникнувших трудностях неоспорим. Однако мы разберемся и с этой проблемой.

— А дело папы? — голос предательски задрожал. О нем было больно вспоминать. А еще... становилось неловко. Он воспитывал нас с Марком как брата и сестру, как двух самых близких людей, а мы с ним... — Ты же говорил, что не согласен результатами суда и искал истинные причины произошедшего.

— Угу, — Марик мрачно кивнул. — И это тоже непросто. Я не берусь делать выводы, пока рано, у меня нет всех данных, но...

— Но? — поторопила парня, нетерпеливо кусая губы и сминая в пальцах подол своей футболки.

— Но кое-какие умозаключения мы с командой сделали. И они меня не радуют, Поль.

Несколько минут в комнате царила полнейшая тишина. Такая, что я уловила даже шум работающей стиральной машины на первом этаже. Я обмозговывала услышанное и пыталась поймать за хвост мелькнувшую, но быстро потравшуюся среди бестолковых мыслей, догадку, а он задумчиво гладил мои ноги, чем сильно отвлекал. Горячая ладонь скользила по моей коже, оставляя за собой толпу жгучих мурашек и тонкие искры удовольствия.

Я резко подскочила на ноги, вырвавшись из мужских объятий.

— Слишком много совпадений! Вот она, несостыковка, верно? Вдруг ко мне подкатывает Клинов, потом авария, затем... — со свистом выдохнула воздух, — затем...

Пазл в моей голове почти сформировался. Пока не полностью, но совсем чуть-чуть, еще капельку информации, и мозаика соберется в цельный рисунок.

Широкими шагами измерила пространство перед кроватью. Остановилась. Следующий шаг не позволил сдать Марк — плавно поднялся и одним движением опрокинул меня на постель. Накрыл собой раньше, чем успела осознать его действия.

— Эй, стоп! Горшочек, не вари! — досадливо поморщился. — Потому я и не хотел тебе ничего рассказывать, упрямица.

А меня уже начали жевать собственные тараканы, подкидывая столько нюансов, что хватило бы мне для причин самобичевания на всю оставшуюся жизнь.

— Возможно, я виновата, что... — опустила взгляд, ощущая себя превратно.

— Что за глупости?! — рыкнул Марик, заставив смотреть на него. — Перестань.

— Не глупости.

— Глупости и чушь, — не согласился со мной он. — Не накручивай себя попусту.

Открыла рот, чтобы возразить.

— Поля, отшлепаю!

Знаете, говорят, молчание — золото. Решила прислушаться к древней мудрости. Если оно и не драгоценность, главное — с ней попа целее будет.

— Хорошая девочка, — похвалил меня парень, при этом совершенно не собираясь подниматься с меня, и с сожалением добавил: — Даже жаль.

Вспыхнув, в сердцах выдохнула:

— Извращенец!

Четко очерченные губы растянулись в дьявольской улыбке, и Марк, склонившись ко мне еще ближе, хотя я думала, что это уже невозможно, произнес:

— Хотел бы я соврать, но тебе не могу. Да и смысл?

Серо-стальное небо опустилось слишком низко, и кажется, что верхушки обнаженных деревьев протыкают полотно облаков и стремятся добраться и до белого, почти не греющего солнца.

Я с какой-то необъяснимой паникой осматривала кладбище через приоткрытые ворота. Только смотрела — зайти одна не рискну. Страшно.

"Бояться надо живых людей, Полина", — повторила про себя в очередной раз.

Но страшно мне не от осознания, что под землей, на которую я наступаю, лежат мертвецы. Я трушу из-за воспоминаний, что несомненно упадут на меня и останутся еще долго лежать на душе. Увижу надгробие двух самых мне близких, и снова окажусь на дне с камнем на шее. Вот так я устроена, так неправильно собрана — буду жить относительно спокойно, пока не столкнусь с прошлым.

— Поля, идем? — на мою талию легла тяжелая ладонь Марика. — Прости, что долго. Решали важный вопрос.

Мне становится немного легче. Было хреново еще полминуты назад, когда он стоял почти у самой дороги и разговаривал по телефону, а сейчас уже лучше. Не настолько больно скребут кошки на душе, страх понемногу отступает, а предчувствие чего-то плохого таится на время.

— Ничего, — качнула головой. — Идем.

Марк мягко повел меня по расчищенным дорожкам вглубь кладбища. Он, в отличие от меня, не раз уже бывал у отца. Ухаживал за могилой тоже он — моих сил хватало только на мамину. Сегодня я снова пошла сначала к ней. Села на до боли знакомую скамейку, улыбнулась ей, глядящей на меня с фотографии сквозь толщу мрамора.

— Привет, мамочка, — прошептала, сжимая в руках букет ее любимых цветов — белых лилий, перевитых лентой. Когда-то их каждый день дарил папа, а теперь я раз в месяц. Четное количество.

После короткого разговора с мамой, я поспешила к Марку. Тот снова приобнял меня, подобным образом выражая поддержку.

У могилы отца мы задержались подольше. Устроились вместе и, согревая друг друга, просидели больше получаса в полнейшей тишине. Лишь ветер ее нарушал — качал голые ветви, баюкая их, будто заботливый родитель, накрывал пушистым снегом заброшенные, заросшие давно надгробия, царапая мои щеки, пытаюсь успокоить и заморозить слезы, застывшие на глазах.

Сорок дней. Столько времени прошло с момента, когда мы с Марком бросили последнюю горсть земли на его гроб.

Ветер все так же бушевал, когда вышли из кладбища. Начался снег — легкий, пышный. И я остановилась, чтобы, запрокинув голову, посмотреть на небо, испещренное нитями солнца — лучи упрямо пробивались сквозь серый облачный холст.

Они вышли внезапно. Вроде мы были одни и, кроме одиноких машин, не было видно ни души, но ощущение одиночества являлось обманом. Два бугая в черных масках выскочили так, чтобы окружить нас с Мариком.

— Есть прикурить? — со злой насмешкой спросил один из бандитов.

— Нет. Не курю и тебе не советую, — медленно ответил Марк, ободряюще сжав мою похолодевшую ладонь и незаметно задвигая меня за свою спину.

— Глянь, Бурый, наш ходячий полутруп советы раздает! — хохотнул второй, надвигаясь на нас.

— Ничё, скоро разучится.

У меня душа ушла в пятки от страха. Дикого, всепоглощающего страха потерять. И нет, не свою жизнь, а того, кого я считала братом, другом, любимым и своей семьей. Его жизнь и я уже давно ставила выше своего.

— Когда скажу — бежишь к машине, поняла меня? — шепнул мне Марк, игнорируя ублюдков. Вложил в мои пальцы ключи, в карман сунул свой телефон и улыбнулся мне: — Води аккуратно, Полька.

— Что? — ошарашенно выдохнула.

Он дал мне ключи, чтобы я... Я уехала? С ума сошел! У меня даже прав нет! И просто свихнулся, раз считает, что я его оставлю.

— Набери последний номер из контактов, — все таким же беспечным тоном, будто мы где-нибудь отдыхаем и нам не грозит никакая опасность, продолжил парень. — Бежишь, блокируешь двери и гонишь, нарушая все правила. От парочки штрафов меня insult не хватит, не бойсь. И звонок, не забудь, родная.

Я боялась и отнюдь не штрафов. Пальцы дрожали, а сердце билось где-то на уровне горла. Страшно. Как же страшно, когда приходит осознание, какой ты беспомощный. В любой момент может произойти непоправимое, а ты словно связан по рукам и ногам. Как быть? Что делать? Как помочь тому, без кого жить уже не сможешь?

Марк, еще раз ободряюще улыбнувшись, отстранился от меня. Пошел вперед, к здоровякам, которые, уверенные в своей силе и в своих возможностях, с интересом на нас посматривали. С интересом хищников, которые загнали жертв в тупик и размышляли, растерзать сейчас или же немного поиграться? И они явно выбрали второй вариант. А вот Марик церемониться не стал — нанес неожиданный удар. Хлесткий, сильный и унижительный — его кулак пришелся прямо на нос того, кого называли Бурым. Тот взревел, и они вместе с подельником бросились на парня.

Мой крик застрял в горле. О, Господи!

— Поля, беги!

И я поняла, зачем он агрессивничал. Чтобы я успела дойти до авто! Он их отвлекал.

Говорят, в стрессовой ситуации человек может все. До сегодняшнего я не задумывалась над этим. Разве можно стать сильным за миг, если всегда был слабым и трусливым? Разве можно прыгнуть выше себя? Оказывается, можно. Возможно все, если тебя прижали к стенке, и иного выхода нет. А у меня действительно не было других вариантов. Или я собираю всю волю в кулак и помогаю, или моя жизнь на этом заканчивается, потому что я бы себя никогда не простила.

Сначала добежала до припаркованного "ауди". Отключила сигнализацию, затем вставила ключ зажигания, но никуда ехать не собиралась. Из сумочки достала перцовку — после нападения того ублюдка и ограбления, я никогда не пренебрегала своей безопасностью. Дверцу машины не закрыла, чтобы нам с Марком было легче попасть в салон. Мой поступок можно назвать риском. Огромным риском!. Это мое самое глупое, необдуманное действие, но единственное, который я бы совершила снова, даже если бы была возможность перемотать время.

Марик дрался. Жестко. Но исход драки был предрешен в любом случае — два крупных мужика на одного, он бы в конце концов не выстоял. Самое страшное: у них могло быть оружие. От этой мысли мне стало плохо, и я стиснула в ладонях перцовый баллончик. Подошла чуть ближе к дерущимся и без жалости нажала на клапан, распыляя жгучий газ прямо в глаза одного из мерзавцев. Мужик закричал, держась за лицо и падая на стылую землю, а я сделала испуганно несколько шагов назад. Вовремя. Второй хотел наброситься на меня, но его вырубил несколькими точными ударами злющий Марик.

— Ты чокнутая! — прорычал он, хватая меня за руку и таща к машине, пока наемники не пришли в себя. — Совершенно сумасшедшая... Твою мать, Полина! Я тебя придушу собственноручно! Какого черта ты полезла?! Что я тебе сказал делать?!

Меня трясло. От облегчения, страха, и от осознания, что все получилось. Несмотря на ярость, парень мягко посадил в "ауди", запрыгнул сам, и мы буквально полетели. Никогда не ездил на подобной скорости! Кажется, нас ждет целая охапка штрафов... Хорошо хоть дороги были полупустые, и мы не попали в аварию.

— Черт! Ты чем думала?! Охренеть просто... — Марк шипел без остановки, и я в итоге не выдержала:

— О том, чтобы помочь твоей заднице выбраться! Не тупи, пожалуйста. Ты бы мог уйти, зная, что мне будет плохо? Вот и я не смогла! А ты самоуверенный идиот, которому явно жить надоело!

— А если бы я не успел? А, Поля? — он меня обжег злым взглядом. — Кто из нас более самоуверенный? Я, который понимал, на что иду, или ты, полезшая в тыл с треклятой перцовкой?!

— Мы оба, — уже более спокойно отозвалась я. — И давай забудем это?

— Забудем? Поля... — Марик, не взирая на то, что его сбитые костяшек кровоточили, закрылся ладонью в русые волосы. Выдохнул. — Полинка... моя ненормальная храбрая девочка. Не знаю, чего мне хочется больше — придушить тебя или поцеловать.

— Аналогично, — я встревоженно оглядела его — губа немного распухла, на щеке наливаются синяк. Надо было и во второго урода прыснуть перцовкой! И пнуть напоследок. — Не болит?

Он неопределенно пожал плечами, чуть поморщившись, коснулся скулы и отмахнулся:

— До свадьбы заживает.

Дома я заставила снять с Марка всю одежду, кроме белья, чтобы удостовериться в том, что он от меня не скрывает ушибы. Он не хотел и раздевался с большой неохотой.

— Знаешь, как ты меня бесишь? Ужасно. Просто дико! Топай в душ, а я пока пойду за аптечкой.

— Боже, Поля, — он закатил глаза. — Это всего лишь синяки! Сами сойдут.

Сами пройдут, ага! Те убудки били жестко и то, что он с подросткового возраста занимался борьбой, спасло от более серьезных последствий.

— Ну, или я тебя раньше прикопаю, — мрачно добавила. — Будешь прекрасным удобрением для моих роз.

Марик неожиданно рассмеялся.

— Какая ты кровожадная, — крепко обнял, не давая выбраться. — Люблю тебя.

Приподнял мое лицо, одной рукой обхватил за подбородок, а второй за шею.

— А я, к сожалению, тебя, — со вздохом призналась я, привычно запуская свои пальцы в его немного жестковатые волосы.

Несколько очень долгих секунд мы яростно целовались. Без толики нежности, но со страстью, со всеми эмоциями, которые в нас накопились.

— Поедешь со мной кое-куда? — спросил Марк, чуть отстраняясь. — Где мы будем только вдвоем. Ты и я.

При всем моем желании я бы не смогла найти для него "нет". Не сейчас, когда кожа горит от его прикосновений, не сегодня, когда он поставил на кон свою жизнь, лишь бы я не пострадала. На все его просьбы я дала бы безоговорочное согласие. С ним — хоть на край мира, в Ад, в самое пекло.

— Поеду.

Его губы снова накрыли мои, и очередная волна удовольствия захлестнула меня с головой. Только с ним так — ярко настолько, что даже зажмурив глаза, я вижу взрывающуюся сверхновой звезды, сладко настолько, что я боюсь оглохнуть и ослепнуть от чувств.

— Тогда собирай вещи, — выдохнул парень, спускаясь поцелуями на шею. — Мы полетим отдыхать. Очень далеко отсюда.

— Стой... — я оттолкнула его. — А как же дела? И нападение, Марк. Мы не можем так все оставить!

— Можем. Доверься мне, — снова жаркий поцелуй, и я теряю не то что слова протеста, но и свое имя. — Отдохнем недельку. А потом снова в этот сумасшедший водоворот.

— Но...

— Я устал, Поля. И просто доверься мне, хорошо?

Он умел убеждать, и я сама не заметила, как вечером начала собирать вещи под его чутким руководством. Марик меня поставил перед фактом: ранним утром самолет, мои возражения не принимаются, и он меня может потащить и связанной на борт.

— Ладно. Едем. Но а как же те подонки? Мы должны сообщить хотя бы в полицию...

— С нашими доброжелателями разберутся, не волнуйся, — заверил меня и, сверкнув хитрой улыбкой, плавно сменил тему: — Покажешь купальник?

— Не знаю. Дай подумать... Нет!

— Злючка. А если я скажу волшебное слово?

Я прищурилась:

— И какое? "Хочу"?

— Не, ну не такой же я эгоист. Я знаю и "куплю тебе собаку".

Что? Мне послышалось, или он действительно помнил мою самую заветную мечту ещё с детства? Только папа не любил держать животных в доме. Мама умерла, потому что в период лечения от рака, заболела. А болячку подцепила от кошки, которую она приютила на время.

— Ты играешь нечестно! — вынуждена была признать я.

— А кто сказал, что я буду честным? — усмехнулся он, поднимаясь с постели. — Нет так нет. Все равно скоро увижу.

Марк, как бы я его не пытала, до последнего молчал о пункте нашего назначения. Лишь в аэропорту, во время регистрации, я узнала, что летим мы в Дубай. Но и тогда на мои расспросы парень выдал лишь загадочную улыбку. Чтоб его тараканы покусали с этой его любовью к загадкам!

В Дубае мы не задержались — нас ждал следующий самолет уже до... Маврикия!

— Марик, признавайся сразу: ты решил оставить меня на каком-нибудь необитаемом острове? На радость обезьянкам и аборигенам? — устало спросила я, когда после уже шестичасового полета из Дубая в Маэбур, мы сели в машину, чтобы снова поехать куда-то.

Я лично готова была лечь где-нибудь под пальмой и тихо сдохнуть. Больше тринадцати часов в пути! За теплую постельку, душ и горячий суп я уже самолично дотопаю до макак и аборигенов.

— Думаешь, стоит? — он сделал вид, что задумался, и получил тычок в бок от меня. — Вообще-то было больно.

— И мне уже больно сидеть, — мрачно сообщила ему я.

— Ещё немного и все твои страдания окупятся, — он обнял меня за плечи, и я поняла, что не так уж сильно устала. Подумаешь, тринадцать часов на пятой точке, отчего она ощущается деревянной.

Пф-ф... меня сейчас накормят, в душ затолкают и в кроватку уложат. Главное, чтобы Марк рядом был, остальное я как-нибудь переживу.

Через непродолжительное время, машина всё-таки остановилась у небольшого домика, крыша которого была покрыта сухой листвой. Всё кругом было залито закатным солнцем. Светлый дом и белый песок казались рыжими, высокий забор из тропических кустов и деревьев завораживали тёмным оттенком своей зелени, а на фоне спокойный океан, отзеркаливающий синее, с пылающим светилом, небо.

Я выходила из машины, не проронив ни слова. Их просто не было. Марик рассчитался с водителем, отправив такси обратно, приобнял меня за плечи и с понимающей усмешкой повёл внутрь. Мимо мужчины, что сложив перед собой руки на груди поклонился.

— Это прислуга? — тихо спросила, разглядывая смуглого человека.

— Это охрана, Поль, — он продолжал улыбаться, определённо забавляясь моей реакцией.

— Зачем нам охрана? — прищурилась я. — Ты утащил меня на край света, и боишься, что кто-то нас достанет?

— Не глупи, — хмыкнул, щелкнув меня по носу. — Это охрана отеля, у которого мы арендуем дом. Здесь так принято.

Об этом разговоре я забыла сразу, как вошли в дом через стеклянные двери. Здесь не было никаких дорожек. Только песок, благодаря чему он практически беспрепятственно мог проникать в помещение и хрустеть под ногами.

Сам дом походил на однокомнатную квартиру. Кухня, санузел и большая спальня, но всё такое уютное, что невозможно было не влюбиться в это гнёздышко. Наличие только одной кровати меня несколько напрягло, но вспомнив, что Марк никогда и ни на чём не настаивал, я быстро успокоилась. К тому же засыпать рядом с ним я уже привыкла.

Первое, что мы сделали по приезду — приняли прохладный душ и поели. Я настолько устала, что попытки вытащить меня на пляжную прогулку провалились у Марика одна за другой. Это был очень утомительные перелёт. Поэтому я просто забралась на мягкую кровать, затащив с собой парня, обняла его и, пока он ласково перебирал пряди моих волос, ворча, что мы пропускаем интересное время суток, самым наглым образом отрубилась.

Проспала до утра, причем проснулась только раз, когда Марк стягивал с меня футболку. Сопротивление встретил фразой:

— Если ты сейчас проснешься, я за себя не ручаюсь.

Проняло, потому что точно помню, как промурлыкала ему что-то и прижалась к крепкой груди. Зато проснулась от того, что меня целовали за ушком и поглаживали живот.

— Доброе утро, соня.

— Доброе, — разлепив глаза, обнаружила часы на прикроватной тумбочке, которые показывали восемь утра. — Я не представляю, чем можно заниматься в такое время, — простонала, вытаскивая подушку из-под головы.

Нет, дома, конечно, я бы готовила завтрак, но вчера мы опытным путём выяснили, что еду доставляют из отеля.

— Мне есть, чем тебя занять, — многозначительно протянул Марк.

От его намека я покраснела. Нет, ну не утром же! Выскользнула из постели и едва не улетела в душ под смех этого... этого, в общем.

Первую половину дня мы потратили на дурачества и прогулки. Нашли магазин, где купили в дом продуктов, от которых пытался откреститься Марк, но я настаивала. Мой распорядок дня начинался с приготовления завтрака. Я без этого с ума сойду. Посетили несколько местных достопримечательностей, а ещё заказали полёт на водопад. Радовалась этому, как дитя, потому что всегда хотела посмотреть нечто подобное собственными глазами, чтобы потом запечатлеть увиденное на холсте

После обеда, когда жара пошла на убыль, решились, наконец, пойти на пляж и опробовать ту завораживающе голубую воду, что приветливо сверкает нам в большую стеклянную дверь, играющую здесь роль окна.

Я вышла из ванной в купальнике и замерла под пристальным взглядом Марка. Обжигающим и тёмным, как пропасть.

— Ты хотел увидеть его? — улыбнулась и крутанулась вокруг своей оси. — Классный, да?

Он и правда был здоровским. Удалось отхватить на распродаже летом, когда гуляли с Кариной по торговому центру. Чёрный купальник-бикини с шнуровкой на груди и трусиками с низкой талией, смотрелись на мне очень хорошо.

— Купальник? Это? — выдохнул парень, развернулся, как деревянный, и вышел из спальни, пробормотав себе под нос: — Завтра же побегу за паранджой.

— Я все слышу!

— Если слышишь, тогда снимай! — возмутился Марк и чем-то брякнул.

— Хочешь, чтобы я голая там гуляла?

Тишина в ответ была многозначительной, но приятной.

Всю неделю мы дурачились, как школьники на каникулах в парке развлечений. Купались, загорали, играли в волейбол, бегали по пляжу в поисках мороженщика, что так редко проходил мимо нас, путешествовали на велосипедах по окрестностям, ну и без завораживающего водопада, конечно, не обошлось. Обязательно нарисую его, когда вернёмся домой.

Я готовила в своё удовольствие завтраки, обеды и ужины, отмечая, что Марку очень нравится моя стряпня.

С ним хорошо. Хорошо настолько, что я не променяла бы даже нашу дружбу ни на какие блага мира. Думаю, сложись жизнь так, что он оказался бы мне родным братом, я всё равно не смогла бы отпустить. Не смогла бы отказаться от родственной души.

— Тебе нравится здесь, Польша?

Я подняла голову и взглянула на мужчину своей мечты.

— Здесь безумно красиво. Смотри, какие звезды, у нас в городе таких ярких точно нет.

Закат уже давно минул, и небо рассыпалось белыми искрами, а луна опустилась низко над океаном, маня взять в руки краски и перенести увиденное на холст. Но, к сожалению, а может, к счастью, ни того, ни другого у меня с собой не было. Но как же я соскучилась по ним!

— Идём, — Марик протянул руку и терпеливо ждал, пока я ухвачусь за неё.

— Куда?

— Я хочу показать тебе наши звезды, — ухмыльнулся он.

Смысл его слов дошел до меня только когда я поняла, что мы идём в дом. Причём через порог самостоятельно он переступить мне не дал. Поднял на руки и... Боже, я с ума схожу, когда он вот так меня целует. Просто теряю связь с реальностью. Какие звезды, когда в закрытых глазах зажигаются сотни созвездий куда ярче тех, что я видела сейчас?

— Если не готова, скажи. Но я больше не могу, Польша...

— Ш-ш-ш. Просто молчи.

Кажется, и моё терпение давно дало трещину, потому что за Марка я цеплялась намертво. Не было сил отпустить, отступить или сбежать. К тому, что грозило произойти, я отчасти успела подготовиться, поэтому позволила донести себя до постели. Позволила исступленно целовать, не успевая переводить дыхание.

В его прикосновениях неистовая страсть граничила с обжигающей нежностью, в поцелуях бушевало пламя, гасимое осторожностью, но я всё равно таяла. Таяла от того, что он обращался со мной, как... как с хрупкой драгоценностью, которую мог сломать одним неаккуратным движением.

Поцелуи воспаляли кожу. Марик точно знал, что делал, и это зажигало внутри меня какие-то особые струны, что с каждой секундой натягивались всё сильнее, грозя лопнуть и разорвать в клочья напряжение, что в итоге подбросит меня ввысь.

— Знаешь, какая ты красивая, Польша? — прошептал в мою шею. — Самая нежная девочка. Самая лучшая...

А я молча ловила вполыхи удовольствия, красящие мой внутренний холст яркими красками. Чувствовала его руки, развязывающие шнуровку купальника, и улыбалась, ощущая себя самым желанным человеком на свете, которого готовы оберегать от всех невзгод.

А затем новые поцелуи, горячее дыхание и признания. Много признаний, которые ни один здравомыслящий человек не стал бы произносить вслух.

Когда мы остались полностью обнаженными и готовыми к следующему этапу, Марк замер, вглядываясь в мои глаза.

— Ты же понимаешь, что сейчас будет, малышка? — он убрал прядку волос с моего лица и выдохнул, увидев улыбку.

— Я люблю тебя. Думаешь, буду жалеть?

— Я просто не хочу делать тебе больно, глупая. Никогда не позволю тебе жалеть о том, что ты выбрала меня, — его улыбка была такой же нежной, как и дальнейшие действия, разливавшие жар по моему телу. К н и г о е д . н е т

Первый толчок взорвался красной вспышкой, выдавив наружу крик и слёзы. Марк сжал в объятиях и зашептал что-то, но я не слушала. В тот момент была неспособна внимать его словам, потому что погрузилась в эту боль. Он баюкал меня и тихо ругался. Зацеловывал, пытаясь загладить вину и даже не подозревал, что снова воспламеняет кровь в венах, делая на холсте нежные штрихи. Потянулась к нему, подставляя губы и путаясь пальцами в волосах.

— Ма-а-арк, Мари-и-и-ик...

— Нет, Поль, тебе больно.

— Помолчи и показывай, что обещал, — потребовала я.

Следующий прыжок в глубины удовольствия расчертил заготовку картины длинными тонкими мазками нежных оттенков. Марк был предельно осторожен, но видя, что я получаю удовольствие, стал чуть резче, чуть грубее. Поцелуи отнимали дыхание, пальцы мяли чувствительную кожу, а холст... холст становился всё ярче, и красные оттенки в нем главенствовали, но вовсе не из-за боли, а из-за жара, который собирался внизу живота.

В какой-то момент я взорвалась. Взорвалась до самых звёзд, которые вспыхнули перед глазами. Застонала от невыносимого чувства, разливающегося по всему телу, и приняла губами рык Марка, вжавшегося в меня до самого дна.

— Я люблю тебя, — шептал в мои губы. — Безумно люблю.

— И я... Я тоже тебя люблю.

Кажется, мы так и уснули, не разжимая объятий. Не могли отпустить друг друга. Словно разожми объятия, и все исчезнет. Окажется миражом и растворится.

Меня разбудили яркие лучи солнца. Они проникали через неплотно задернутые шторы, заставляя жмуриться. Сонно улыбнувшись, потянулась и села на постели. Марка рядом не было — наверное, пошел купаться.

Мои губы, зацелованные и оттого припухшие, снова растянулись в улыбке — счастливой, радостной. Марк. Марик. Мой первый мужчина. Безумно любимый и... просто невероятный.

Вспомнив события прошлой ночи, вспыхнула и снова легла, прислушиваясь к себе и к своим ощущениям. Каково это — проснуться уже женщиной? Ничего необычного, кроме небольшой тянущей боли внизу живота, я не испытывала. Хотя нет, вру. Я чувствовала себя очень хорошо. Безумно хорошо.

Понежившись еще немного, поднялась и, обмотавшись покрывалом, первым делом направилась искать пропажу. Не найдя Марка на кухне и в гостиной, заглянула во внутренний дворик, но и там пусто. Странно. Может, куда-то отъехал? Почему не

предупредил? Решив, что дожидаться его непричесанной и неумытой — сверхглупо, набрала себе ванну с ванильным слоем пенки.

Но прошел час, а парня все не было. Я успела искупаться и привести себя в порядок и перекусить свежими фруктами.

Наконец, я вспомнила о наличии у себя телефона, и написала ему:

"Где тебя носит, Марик? Я скучаю"

Обычно он отвечал мне почти мгновенно, но на этот раз я не дождалась хотя бы прочтения сообщения ни через пять минут, ни через десять, ни через два часа. Я места себе не находила, бродила неприкаянным приведением по дому, но каждый его уголок был связан Марком, и я мрачнела еще больше. У того подоконника мы подолгу целовались, а на том ковре мы лежали, обнявшись, и болтали обо всем на свете. Но сейчас время неумолимо текло, а от него ни одной весточки! Паника. Она захлестнула с головой, потому что, о черт, мне как некстати вспомнился инцидент у кладбища.

Что мне делать? Я не знала. Не понимала. Не могла понять. Я далеко не только от своей страны и города — от материка.

К середине дня я себя чуть ли не съела без соли и перца, и звонок от Марка был как никогда вовремя. Смартфон только загорелся, а я уже поднесла его к уху и выдохнула в трубку:

— Ты где?!

— Поль, ты как себя чувствуешь? Ничего не болит? Все хорошо? — он задавал свои вопросы, проигнорировав мои.

— Хорошо-хорошо, — торопливо пробормотала и снова спросила: — Марик, где ты? Когда мне тебя жда...

И осеклась на полуслове. Потому что услышала женский механический голос, так некстати решивший призвать народ на регистрацию рейса Абу-Даби-Москва. Во мне будто что-то разбилось с противным звоном, и осколки впились в мою плоть, причиняя фантомную боль.

— Я в аэропорту, родная. Ты читала мою записку? Будь хорошей девочкой...

Что он хотел сказать дальше, я слушать не стала. Мне было больно, горько и невыносимо плохо, и я со всей дури запустила телефон в стену, не заботясь о его сохранности. Равнодушно посмотрела на трещину, пересекающую всё ещё работающий дисплей.

Я не желала быть хорошей девочкой. Хотела лишь одного — чтобы чертовы слезы перестали жечь глаза, а сердце прекратило ныть. Я чувствовала себя обманутой и преданной. Ночью Марк обещал не делать мне больно, шептал всякие нежности, говорил, что не оставит и не отпустит, а утром... А утром молча ушел. Все слова, произнесенные под покровом ночи, не имеют ценность при дневном свете. Аннулируются, как неудобный товар.

Вечером пришла горничная, уже немолодая маврикийка, с охапкой свежих цветов и корзиной фруктов. Я несколько минут наблюдала, как она набирала в вазу воду и потом разносила по всему дому букеты, а затем решила спросить:

— Скажи, а ты не видела нигде письмо?

Английский она понимала плохо, а на креольском не умела излагать мысли уже я, потому объясняла то, что хочу, в итоге на пальцах.

— О, простите меня мисс! — виновато произнесла Эйне, всплеснув руками. — Вылить чай. Утро, уборка... Случайно чай вылить бумага...

Она, сходя в двор, принесла мне потрепанный листок — местами рваный, с грязными разводами и уже почти нечитаемыми буквами.

— Вы не злитесь на Эйне?

Я покачала головой.

— Нет, конечно. Всякое бывает, Эйне. Давай лучше пойдём что-нибудь поедем?

Две недели прошли отвратительно медленно. Сначала я злилась, проклинала Марка и пыталась даже билеты купить, чтобы вернуться обратно, но эта сволочь забрала мой загран с собой! Парню явно икалось, потому что первые пару дней я ругала его без остановки. Он не только мои документы забрал, но еще и приставил ко мне четырех бугаев, которые дальше пляжа не пускали, не то что на поиски консульства для получения бумаги для возвращения на родину. Я, мать его, застряла здесь!

Какой же Марк сволочь. Какой же...

Следом, после того, как ярость немного утихла, пришел страх. Страх, что с моим самонадеянным придурком что-то случится. И я взялась за телефон. Сначала по несколько раз проверяла все соцсети Марика, отслеживая его активность, а потом начала писать сама. Ругалась, обзывала его дураком и сообщала ему все, что помнила из дел отца. Имена людей, которым он мог довериться, номера телефонов, свои размышления. Я не ждала ответа, потому что понимала — мы обязательно поссоримся, если начнем общаться по-настоящему. Мне было достаточно того, что он читает каждое письмо. Так я понимала: с ним все хорошо и право его придушить полностью мое. А я его точно убью! Только пусть пересечет порог...

Марк Чернигов

Не помню, когда в нашей маленькой квартире перестал гореть свет. То ли электричество отрубили из-за долгов, то ли мать не могла купить лампочку, то ли что-то еще, но, сколько я себя помню, меня окружала полутьма, которую изредка нарушали солнечные лучи. Потому что даже солнце, будто стыдясь, не спешило освещать наше жилище, скрываясь или за тучами, или за высотками, окруженными тощими соснами с сухими ветками.

Темнота всегда была моим единственным другом и при этом самым верным врагом. Её я боялся, но ценил больше всего. Она своей шалью из мглы умела прикрывать и прятать от всего мира. И она же обнажала клыки из моих страхов, чтобы вонзить их, когда я доверчиво жался к ней.

А потом... Появилась Поля. Свет. Неистовый, искрящийся, настолько яркий, что сначала больно глазам с непривычки. Ни одна звезда не могла сравниться с ней в сиянии и чистоте. Девочка с серыми глазами и самой лучистой улыбкой, какую только можно было встретить такому, как я. Она слепила. Не давала покоя. Вытаскивала на свет всё то, что я тщательно скрывал под толщей пыли, потому что не видел смысла использовать в тех реалиях, которые топили меня с младенчества. Да и каким я должен был стать, если родная мать сделала всего лишь две вещи для меня — родила и подделала документы, чтобы меня не заперли в детдоме, чтобы у меня появился шанс на лучшую жизнь.

Алина Чернигова когда-то была знаменитой моделью и актрисой. У нее оставались кое-какие связи, и она ими воспользовалась, когда поняла, что умирает. Подговорила своего собутыльника, чтобы он украл волосы Полины, потом отдала их на экспертизу вместо моих волос. Не знаю, проснулся ли в ней материнский инстинкт или она просто хотела напоследок наследить своему бывшему. Но я благодарен ей и Андрею Довлатову, который действительно старался стать моим отцом.

Сначала я не смотрел на свою «сестру». Кто она такая, чтобы обращать внимание? Девочка, воспитанная в любви, достатке и бесконечной дозволенности? Мне далеко было до её высот. В то время, как она рисовала яркими красками на холстах, я пытался оттереть грязные разводы на душе. Пока она лучисто улыбалась окружающим, я думал о том, что никто из них меня никогда не поймёт. Считал, что видят во мне заморыша, которого вытащили из дерьма. Даже Полина. Особенно она. Раздражала своей опекой и постоянным желанием угодить, будто я немоощь какая. Всё пыталась доказать, что мы равны. Вот только я искренне верил — чтобы быть со мной на равных, ей нужно спуститься с Олимпа на самое дно. Туда, куда даже солнце стыдится светить.

Ненавидел девчонку, пока не понял, что бесит меня вовсе не её поведение...

Я влюблялся.

С каждым проклятым днём влюблялся в собственную сестру всё сильнее и пытался оттолкнуть как можно дальше.

Переломный момент случился в тот день, когда напился с пацанами в одной из заброшек. В первый раз и в сопли. Она дотащила до комнаты и просидела со мной всю ночь, прикрыв перед отцом, и это было... Это было сильно. Поступок, на который не все пацаны способны.

Помню, проснулся тогда, а она спит, сложив руки на моей кровати. Наплевав на всё, просто перетащил её к себе и укрыл, а потом полночи рассматривал мягкие черты лица, не понимая почему не хочу отталкивать, но всё равно продолжаю. Той ночью мне не снились кошмары, ставшие моими постоянными спутниками во тьме. Та ночь вообще круто перевернула мою жизнь, не предупредив, что падать с высот Олимпа на самое дно куда больнее, чем оставаться на своём месте и не пытаться вскарабкаться на территорию солнца.

В тот день в школе, когда все пошло наперекосяк. Я не понял, что на меня нашло. Коснулся ее губ и сам испугался. Хотелось дать себе пару затрецин — такую дичь сотворить. С сестрой. С Ней!

Я сначала подумал, что это она все сказала отцу. В отместку. Или побоялась меня. Я прикинул сотни вариантов, причем в большинстве из них я оправдывал Полину. Еще большим ударом в спину были ее сообщения, где она назвала меня извращенцем и просила больше с ней не разговаривать.

И я послушался ее. Заблокировал в телефоне и в жизни. Собственноручно сдался, чтобы отец отправил в спецучреждение для раздолбаев вроде меня.

Она была единственной, кому я рассказал о том, что мы влезли в киоск. Единственной, кому я в тот момент безоговорочно верил. Видимо, долго терпела гадости, которые я говорил и делал. Втиралась в доверие, ждала повода, чтобы избавиться от меня, продолжая изображать милейшее создание.

Так я думал, пока меня дрессировали, как зверёныша. Учили жить счастливо, улыбаться, быть социально полезным. И только вернувшись в отцовский дом и наблюдая за ней понял, что она продолжает светить, как и прежде. Искренне не понимает, почему я с ней веду себя, как ублюдок.

Да потому что не мог я иначе! Потому что я понимал — дам слабинку, не устою, и все полетит к чертям. Мы этого не выдержим.

Каждый долбаный день думал о той, кто острой отравой струился по венам. Той, чья улыбка слепит не глаза — душу! Я старался держаться на расстоянии, потому что больной, но не конченный извращенец. Прикрывал необходимость дышать ею откровенной ненавистью и неприязнью. Чтобы не дать нам ни единого шанса. Поэтому продолжал верить в лживость самой светлой на планете девочки.

Но это всё равно не сработало.

В какой момент я понял, что больше не могу? Когда узнал, что она идёт на свидание с парнем? В голове всё перевернулось за один короткий, но громкий удар сердца. Не уверен, что реакция была бы другой, не будь этим парнем Клинов. Но Егор был засранцем каких поискать. Он играючи втирался в доверие к людям, а после всаживал нож в спину без зазрения совести, как случилось и со мной. Во время нашей дружбы я особо к этому не цеплялся, когда речь касалась посторонних людей. Подставлять под удар спину ближнего — вот его кредо по жизни. Вот и я выполнил роль щита, едва речь зашла об употребленных им наркотиках.

До сих пор испытываю непреодолимое желание размазать гада по стене за то, что так опустил меня в глазах Поли, несмотря на то, что уже разобрался и с ним, и с его треклятой семейкой.

Усмехнулся, вспомнив, как она смотрела на меня, когда отцу рассказывали, как я подбивал “несчастливого” мальчишку курить траву и закидываться колёсами.

Да, ниже дна мне пасть в её глазах не удалось. Но этого хватило, что выпустить наружу

острые жвала и бросаться на всех, кто способен был мне сострадать.

С Полиной, конечно, это не работало. Как бы сильно не кусал, она продолжала убеждать меня и окружающих, что засранец в моём лице на самом деле не так плох. Она даже не догадывалась, насколько неправа. Не догадывалась, что ночами весь мой голод до неё обостряется в стократ. Что моя болезнь прогрессирует и не даёт спокойно спать, переплетая кошмары с фантазиями о близости с ней.

И как же чертовски хорошо от того, что вскрылась правда. Мы с Полиной никогда не были родственниками, тем более — у нас минимальное совпадение.

Взяв в руки телефон, я набрал Поле сообщение. То, что теперь мог сказать совершенно не таясь:

«Я люблю тебя»

Выдохнул и откинулся на спинку водительского сидения. Мне оставалось только гадать, как она отреагирует. Две недели эфирной тишины. Она, наверное, ненавидит меня за то, что молча уехал, оставив её наслаждаться красотами Маврикия, и не отвечал ни на ежедневные сообщения, ни на звонки. Но я просто не хотел ругаться и отвлекаться от дел. Был уверен, что непременно сорвусь к ней, оставив разбираться юристов с семьёй Клиновых, промышляющих делами с далеких девяностых.

Улыбнулся, представив, как будет молотить меня своими кулачками и говорить, что я был неправ. Она ведь даже не подозревает, чем именно угрожали мне Егор и его семейка. Не подозревает, кто на самом деле эта Карина Авдеева, всегда хорошо притворявшаяся ее лучшей подругой.

Ещё до ссоры с Полиной эта стерва дважды предлагала мне встречаться. Да только в первый раз я не обратил внимания, а во второй... Во второй очень доходчиво дал понять, что она мне неинтересна. Таких, как она, я уже тогда видел насквозь. Лживость, алчность, зависть. Если сначала я не хотел расстраивать Полину правдой о натуре её подруги, то потом с садистским удовольствием ждал, когда она себя проявит. К моему удивлению, доброго отношения и терпения моей девочки хватило надолго. Настолько надолго, что даже сейчас у меня язык не повернётся всё ей рассказать. Например, о том, что Авдеева была в сговоре с Егором Клиновым и старательно копала под бизнес отца ещё до аварии. Что после шарилась в его кабинете и нашла оставленные мною подделанные документы, благодаря которым и вскрылась вся схема.

Оказывается, Клиновы весь свой бизнес строили на криминале. Расправлялись с владельцами, разваливали компании и выкупали за копейки, после чего восстанавливали на тех условиях, что и предыдущий владелец. В общем, жили, как шакалы, действуя исподтишка. Разорили за эти годы около десяти семей, загубив жизни основателей компаний. Конечно, закрытые дела снова подняли из архивов для дополнительного расследования. Так и выяснилось, что половина несчастных случаев таковыми вовсе не являлись. Евгений Клинов, отец Гоши, позже дал чистосердечное признание по совету адвокатов, но от пожизненного заключения главу семейства это не уберегло, в чём я безмерно благодарен своим юристам и прокурору.

Егора тоже посадили за соучастие в организации преступной деятельности. Как выяснилось, автомобильную аварию отцу устроил именно он по своим каналам. Личности исполнителей вроде как ещё устанавливаются, но сам факт доказан. Заключение сроком на десять лет Гоше обеспечено.

Что касается Карины... Её мы трогать не стали, несмотря на то, что могли вменить

наказание по закону. Мне просто стало жалко дуру. Когда она узнала о том, что происходит с этими шакалами, пыталась бежать из города, но дальше вокзала не уехала, поскольку на тот момент за ней было установлено наблюдение. Её участие в смерти отца доказано не было, но это не означало, что у меня не нет повода для мести. В конце концов, во всю эту кухню она влезла ещё и благодаря собственному отцу, Никите Авдееву, совершенно позабывшему о том, кто дал ему хорошую должность и уберёт от нищеты в своё время. В общем, неблагодарная свинья вылетела из компании со свистом и круглой суммой долга.

На данном этапе остались только рабочие вопросы. Поля совсем недавно прислала номер старого знакомо отца, который отошел от дел. Он согласился помочь восстановить полуразваленную благодаря Клиновым и Авдееву компанию. Прошло только два дня, но я уже вижу, что дела идут в гору. Сергей Павлович прекрасно знает всю кухню отцовской фирмы изнутри. Мне сейчас даже беспокоится не о чем. Кроме одного.

Моя девочка будет в опасности, пока живы Клиновы, и с этим нужно что-то делать. Из всех вариантов, что у меня были, я склонялся к двум: сбежать или нанять охрану. Первый, к сожалению, пришлось отбросить. Долго мы не набегаемся. Рано или поздно придётся где-то осесть. Вряд ли можно будет все время переезжать. Я всерьез планировал семью. Детей. Дом и собаку в будке, как бы не было сентиментально.

И это непременно случится. Я хочу её во всех смыслах. Как девушку, жену, друга, мать моих детей, женщину, с которой состарюсь.

Но для начала я должен дать ей защиту.

Именно по этой причине я сидел возле одного из самых известных организаций и стучал пальцами по рулю, дожидаясь, когда приедет синий кроссовер, за управлением которого должен находиться один Брат моего старого приятеля из качалки. Да, "Брат" с большой буквы, потому что родство там заключено не в крови, а в духе. Он бы и сам рад помочь, да только год назад переехал жить в Питер, а его Брат как раз должен был на днях прилететь в Москву по делам фирмы.

Выдохнул, когда нужная машина припарковалась у обочины, и из неё вышел парень примерно моего возраста. Чёрные джинсы, чёрная футболка и чёрная же, распахнутая настежь, кожаная куртка, несмотря на то, что на улице было достаточно холодно. С виду и не скажешь, что браток, какие в девяностые возвращали в стране бандитизм. Вот только "семейная" татуировка на шее говорила об обратном. У Костяна была точно такая же, и я прекрасно помню его наглую ухмылку на мой вопрос.

Об этих парнях я знал немного. В своё время Кос намекал, что мог бы взять в "семью", но на тот момент я уже понял жизненные позиции отца и исподволь уважал его, хотя и сам себе не хотел в том признаваться. Всё, что вытворял, было больше для вида, чтобы позлить, но никогда, чтобы нанести вред своей семье.

Дверь моей машины открылась, и внутрь заглянул Макс собственной персоной.

— Марк?

— Он самый.

Парень влез в авто и пожал мою руку. Цепкий взгляд за секунды изучил меня и содержимое транспорта, после чего усмехнулся, будто что-то понял.

— Не афишируем, не задаём лишних вопросов, держимся на почтительном расстоянии.

— Именно, — хмыкнул я, чувствуя, что мне по душе этот парень. — Охранять нужно невесту. Сейчас она на Маврикии, но телохранители должны быть там уже к концу недели.

— Правильное решение. У Клиновых достаточно длинные руки, рано или поздно могут

дотянуться даже до райских островов.

Хмыкнул в ответ. Историю нашу изложил и отправил в письме только час назад. Про семейку шакалов и слова не написал, а он уже пробить всё умудрился. Серьёзный подход.

— Не пальцем деланные, — усмехнулся тот, видя мою реакцию. Затем Макс достал смартфон и принялся листать что: — Психологический портрет Полины Довлатовой на основе приложенной к письму анкеты составили, сейчас спецы подберут ребят, чтобы ни у кого не возникало проблем с подходом.

— А это ещё зачем? — нахмурился я.

Мне не особо нравилось, что кто-то будет подходить Поле по психологическим признакам.

Макс бросил на меня короткий взгляд и усмехнулся.

— Это для её и твоего комфорта, Марк. У меня разные ребята есть. Есть те, кто во время нападения будут кричать на клиента, чтобы вывести из ступора и вытащить из психологички опасного капкана. Есть те, кто будет достаточно мягок, чтобы не шокировать, не травмировать. Страх — он непредсказуем. Многие ЧОПы специализируются только на защите тела, а мы действуем иначе.

Мне понравился их принцип работы. Свою маленькую девочку мне хотелось уберечь от любой угрозы. Поэтому этих ребят найму не задумываясь.

— По рукам.

Сердце нетерпеливо грохотало в груди, когда такси, наконец, остановилось возле домика на берегу океана. Не терпелось увидеть её. Сжать в объятиях и зарыться носом в мягкие ароматные волосы.

Всё это время тоска разлуки разъедала меня изнутри, отравляя. Не позволяла спокойно дышать и сжимала раскаленными тисками сердце. Без неё мне было тяжело настолько, что каждое пустяковое сообщение от неё — железный повод немедленно всё бросить и приехать.

Прошел по песочной дорожке и кивнул охраннику, который мгновенно отступил от двери. Всё же хорошо, что нанял местных. Просто не представляю, как наши бы на такой жаре стояли. Хотя, подозреваю, они бы не пропали.

Хмыкнул осторожно открывая стеклянную дверь. Тихий голос Поли, напевающий какую-то незамысловатую песню, доносился с кухни, как и бряцание посуды и дивный аромат домашней еды. Осторожно двинулся туда, намереваясь подкрасться, и с радостью обнаружил, что она в наушниках.

Маечка обтягивающая тонкую талию и высокую грудь, короткие шорты, не скрывающие сексуальных ножек и...

Сглотнул слюну, наблюдая, как она поднимает руки и тянется.

Утро. Завтрак.

Боже, это со времён школы моё любимое время дня. Время, когда можно наблюдать, как она крутится у плиты, тихо напевая себе под нос и пританцовывая. Мой лучик света никогда себе не изменяет.

— Я знаю, моё королевство ждет, там прощены мои ошибки. Я возвращаюсь домой, я возвращаюсь домой, скажи всему миру, что я возвращаюсь домой (Прим. автора: перевод Coming Home — Skylar Grey)

Осторожно поставил сумку на пол и двинулся к ней, чтобы скользнуть ладонями по

плечам и почувствовать, как она вздрагивает и замирает. А затем увидеть эти удивительные мурашки, желая поцеловать каждую из них. И я осторожно касаюсь губами шеи, вдыхаю аромат своей женщины и крепко прижимаю к себе, теряя голову от её близости.

— Черт, малышка, я так скучал по тебе, — прошептал, потеревшись носом о нежную кожу.

Поля медленно поворачивается в моих руках, вытаскивая наушники и ожидаемо обжигает сердитым взглядом. Я не сопротивляюсь, когда её кулак впечатывается в моё плечо, но удивляюсь, когда хватает меня за шею и запрыгивает, вынуждая подхватить, а после жарко впивается в губы.

Я не ожидал. Думал, будет долго дуться и отказываться разговаривать со мной.

Крышу срывает нахрен. Мозг отключается, обостряя инстинкты. Кровь за секунды закипает в жилах, будто по венам заструилась лава.

Я пил её, как воды оазиса в жаркой пустыне после многодневных блужданий по горячим пескам. Жадно глотал каждый стон, срывал тонкую ткань с вожделенного тела и прижимал к себе, стараясь оказаться ближе и почувствовать свою малышку всем телом.

Полина скользнула пальцами под футболку, погладила мой живот, сводя с ума, и принялась расстёгивать джинсы, не позволяя больше тереться о её бёдра. И это была безумная сладкая пытка, ведь моя маленькая мстительная девочка не собиралась спускать с рук мою последнюю отвратительную выходку.

— Что ж ты со мной делаешь, Поля? — выдохнул в улыбающиеся губы. — Я взорвусь.

— Я соберу и буду бережно хранить все кусочки тебя на полочке в спальне, — хмыкнула она, запуская горячие пальцы под ткань боксеров.

Толкнулся в её руку, ощутив волну удовольствия, и жадно захватил губы, не позволяя больше болтать.

Как избавились от одежды не помню. Знаю только, что едва ли не вылизал свою девочку с ног до головы. Потому что вкусная, сладкая, моя. Взрывное удовольствие, когда оказался в ней. Умопомрачительное, сметающее всё на своём пути.

Поля выгибается в моих руках, подставляя шею для новых поцелуев, и я жадно набрасываюсь, стараясь брать и давать. Стремясь насладиться желанным телом, насладиться её близостью и достигнуть в этом наивысшего пика. Но даже после этого мне будет мало. Ничтожно мало.

Подхватив Полину, унёс её в спальню и уложил на недавно заправленную постель, в которой все эти дни она спала без меня.

— Прости меня, малышка, — шепчу в её губы, снова и снова их касаясь. — Я слишком боюсь за тебя, чтобы втягивать в разборки.

Тонкие пальцы скользнули в мои волосы и потянули назад, чтобы я увидел недовольство в её глазах.

— Мы обязательно вернёмся к этой теме, Марк. А теперь продолжай извиняться, но в другой форме.

Я улыбнулся, прекрасно понимая, что эта вредина точно не успокоится, пока не расскажу ей, как всё прошло. Мне ничего не оставалось, кроме как, заглаживать вину вновь и вновь... в этой самой постели, потому что ни за что не расскажу о некоторых вещах, способных сделать ей больно.

И я вернулся к прерванному. Толкнулся, ловя новый стон губами и принялся жадно зацеловывать. Мне нравилось, как она стонет. Нравилось, как чувствует каждое мое

движение. Правилось, как скулит мое имя перед тем как взорваться бурным оргазмом и сжать меня пульсирующей плотью. Я догнал её в несколько толчков. И только через несколько долгих секунд, когда стук сердца начал стихать, а удовольствие растворилось в крови, лёг на бок и притянул Полю в свои крепкие объятия.

— Я люблю тебя, — прошептала она. — Но если ты ещё раз так исчезнешь, не задумываясь убью при первой же встрече.

— Никогда больше, Поль, — усмехаюсь в макушку. — Во всяком случае, пока на то не будет серьёзных причин. Ну и лучше умереть от твоей руки, — произнёс улыбаясь, за что тут же получил тычок в бок.

— Я тебя предупредила!

— Я понял, — сообщил примирительно. Сжал чуть крепче и прошептал на ушко: — Я люблю тебя, малышка.

Я впервые в своей жизни встречала Новый год, смачивая ноги в океане. Странное чувство, надо признать. Ни тебе снега, ни ранних салютов, ни промозглого холода. Только маленькая искусственная ёлочка, украшенная Марком фантиками от конфет и найденными в доме крышками от бутилированной воды, имитирующих сейчас блестящие шарик.

— Как же ты не додумался купить игрушек? — спросила лукаво, склонив голову набок, наблюдая за тем, как самый лучший на свете мужчина в моей жизни ищет на смартфоне телеканал на московском времени, чтобы посмотреть поздравление президента в режиме онлайн.

— Я очень торопился к тебе, — усмехнулся в ответ, ставя телефон на поднос-столик, вытасканный Марком же из спальни.

Он уже успел принести бутерброды с красной икрой, бокалы и шампанское. Меня же просил лечь на песочек, подставив ножки ласковым волнам, и наслаждаться вечером.

— Торопился целых две недели, пока я тут с ума сходила и не находила себе места, — да, во мне всё ещё говорила обида. Такое сложно забыть.

— Я и сегодня буду извиняться за это, — он обернулся и дьявольски улыбнулся, опалив меня жарким взглядом. — И завтра, и последующие недели, месяцы и годы.

После взял бутылку с шампанским в руки и принялся открывать.

— Я бы не загадывала так надолго на твоём месте, — хмыкнула и перевела взгляд на экран смартфона, где началось поздравление президента.

А вот Марику моё высказывание не понравилось. Он снова повернулся, прищурился, но ничего не сказал. Просто смотрел несколько долгих минут, но вернулся к делу за пару секунд до начала боя курантов. Пробка вылетела с хлопком и струёй пенной жидкости. Марк наполнил бокалы, убрал бутылку, но прежде, чем вручить мне бокал, взял мою правую руку и медленно, с каким-то особым удовольствием и злой усмешкой, надел на безымянный палец кольцо.

— Ты будешь моей женой, Поля.

Не вопрос — постановка перед фактом.

И пусть мне захотелось из вредности сказать категорическое “нет, ещё рано”, но я не смогла произнести ни слова, потому что... Ну, потому что это Марк. Я знаю его всю жизнь. Люблю его всю жизнь. И я просто не могу сказать ему это неуместное, глупое “нет”.

— Почему я не могу дать тебе отпор? — спрашиваю скорее себя, чем его, но Марк всё равно отвечает с привычной злой усмешкой:

— Потому что ты моя. Давно. Прочно. Бесповоротно.

Больше книг на сайте - Knigoed.net